

Юлия Сабаревская

Как я не хотела спасать мир

Человек и эльф — это романтика. Человек и дракон — приключения. Человек и вампир — мистика. Человек и демон — это опасность. А что если я не совсем человек, и все они рядом со мной? Способ довести меня до ручки или команда для спасения мира? Заплакала бы, да очень смешно. Посмеялась бы, да слишком стремно. Спасла бы, да лень. Лучше посмотрю, что из всего этого выйдет.

Это не мы спасаем мир. Это мир нужно спасти от нас...

Юлия Славачевская

Не трудно спасти любимую девушку от дракона.

Трудно любить, если она сама — дракон!

NN

Пять лет назад...

— Мама! — горько плакала в колени красивой женщине девочка-подросток, лежа на кровати и вздрагивая всем телом. — Они постоянно дразнятся! Никто из мальчиков даже не смотрит в мою сторону!

— Девочка моя, — ласково гладила по белоснежным волосам дочь женщина, — просто не пришло еще твое время. И они не видят твоей красоты...

— Красоты? — подняла опухшее от слез лицо девочка. — О какой красоте ты говоришь, мама? Я толстая, страшная, — она дернула себя за прядь длинных волос, — у меня дурацкие космы! Даже цвет какой-то седой!

— Это цвет чистоты, родная, — попыталась успокоить ее мать, откидывая с лица дочери прилипшие прядки. — Все поймут это, когда придет время!

— Да, какое время, мама! — вспыхнула девочка, отталкивая ласковые руки и садясь на кровати. Она подтянула к себе колени и обняла их, склонив голову. — Когда это время наступит — я уже умру!

— Это тебе так только кажется, — заверила ее женщина. — Просто надо потерпеть немного...

— Сколько? — покосилась на нее девочка. — До самой старости? А с кем мне дружить?

— А ты придумай себе друга, — предложила мать. — Придумай, надели его всеми желаемыми качествами и дружи с ним. И даже если он будет с тобой лишь в мечтах, зато обязательно будет рядом. Всегда.

— Да? — шмыгнула носом дочь, задумываясь над этими словами. — Тогда пусть его будут звать Грегори... — и погрузилась в свои мечты.

— Спи, мое солнышко, — с любовью улыбнулась ей женщина, вставая и подходя к двери. — Просто помни, что, когда ты будешь придумывать своего друга — и он, и ты будете расти и взрослеть вместе. Кого бы ты хотела видеть с собой рядом, когда вырастешь?

Но дочь уже была от нее далеко, встречаясь со своим новым и надежным товарищем...

Наши дни...

— Чур я спереди! — плюхнулась я на переднее сиденье машины, опередив маму. Капризно надула губы: — Можно, папочка?

— Зоя, — укоризненно сказал мне отец, скрывая улыбку за кажущейся строгостью, — ты уже взрослая девушка, почти невеста, а все еще ведешь себя как ребенок.

— Но тебя же это устраивает? — сделала я несчастные глаза. — Можно я еще побуду твоей маленькой девочкой?

— Во-первых, — нравоучительно сказал папа, усаживая улыбающуюся маму сзади и садясь за руль сам, — ты и так всегда останешься моей маленькой девочкой. А во-вторых, пора уже взрослеть, дорогая...

На этом месте я быстро сунула в уши наушники и отключилась. Папа мог говорить бесконечно и витиевато, переключаясь с одного предмета на другой. Зная своего любимого родителя, сейчас он начнет лекцию о моем поведении, а закончит мировыми проблемами, в которых если не прямо, то косвенно будут виновата я. Потому что я не хотела взрослеть. И — да-да! — все неприятности в мире исключительно от моего незрелого поведения. Даже экономический кризис. Видимо, банкиры и властимущие тоже не могли этого пережить и постоянно выпускали из рук вожжи, сильно расстроившись этим фактом.

Пока папа сел на любимого конька и заодно и за руль машины, чтобы доставить нас на дачу, я решила подремать, удобно свернувшись на переднем сиденье и, как обычно, проигнорировав ремень безопасности. Хорошая музыка убаюкивала, навевая сладкий сон.

Поспать я любила. Потому что во снах я встречалась с Грегори. И ему было абсолютно наплевать на мой лишний вес, непрезентабельную внешность и на все остальное, исключая меня в целом.

Вот и сейчас, не успев сомкнуть веки, я перенеслась на лесную поляну, где меня ждал друг детства, выросший за эти пять лет в красивого мужчину. Черные вьющиеся волосы, голубые глаза, смотревшие на меня с любовью. Мужественные черты лица, мускулистая фигура. Честно слово, я постоянно завидовала сама себе.

Но сегодня что-то пошло не так, как всегда.

— Зоя! — бросился ко мне Грегори, хватая за руку. — Хорошо, что ты пришла! Я тебя должен предупредить....

— НЕ-Е-Е-ЕТ! — выдернул меня из сна жуткий крик мамы.

И страшный удар. Боль. Полет. Снова боль. Где-то рядом очень жарко. Темнота. Забвение. Никого рядом.

— Зоя, — кто-то звал меня издали, — пора приходить в себя. Давай, соберись...

Я с трудом приподняла весящие целую тонну веки и снова их закрыла. Потому что обсчиталась. Каждое вешило по тонне, не иначе.

— Зоя, — голос стал настойчивей, — не ленись. Открой глаза!

Новая попытка. И в приоткрытые щелочки ударил солнечный свет.

— Вот умница, — похвалил меня голос, — давай еще чуть-чуть.

— Пить, — разжала я губы, ощущая себя саксаулом и верблюдом одновременно. То ли горбатый жрал колючки, то ли колючки плевались в верблюда. А может, все сразу? Самочувствие было — умри и сделай себе проще.

По моим губам прошлись влажной губкой.

— Почему... — с трудом выговорила я. — ...мое лицо...

— Поранилась ты, деточка, — наклонилась надо мной женщина в белом халате, — в аварии сильно поранилась...

— Где... мама? — прошептала я. — Папа? — и по тому, как она отвела глаза, поняла. Поняла, что осталась совсем одна на этом свете, который сразу стал мне не нужен.

После того, как разум осознал чудовищную потерю, заболела душа и тело выгнуло в пароксизме боли и муки.

— Не-е-ет! — вырвалось у меня. — Не хочу! — и снова боль. Темнота. Беспомыслие.

— Зоя! — пробивался ко мне родной голос. — Зоя! Держись! Я приду!

Но мне было уже все равно.

Я не помнила, как меня лечили. Не помнила ничего. Сознание отказывалось воспринимать окружающее, чтобы не столкнуться с новой порцией боли. Меня лечили, кормили, таскали на процедуры, но я в этом вроде бы и не участвовала.

Единственный раз, когда меня удалось вырвать из этого состояния — это когда сняли бинты с моего лица.

— Не все так страшно, — уговаривал меня молоденький врач в зеленой униформе, пока я тупо смотрела на обезображенное лицо. — Все эти шрамы со временем можно убрать пластикой. Правда, для этого нужны деньги...

Для этого в первую очередь были нужны силы. А сил не было. Не было сил смотреть на то, что осталось от достаточно миленького личика. Один жуткий рубец пересекал висок, затрагивая уголок глаза и краешек губ, отчего лицо стало похоже на карикатурную маску Пьеро. Еще один пересекал переносицу уже горбатого носа. Причем этот орган осязания еще был и свернут на сторону, как у старого опытного борца или боксера.

— У вас делают эвтаназию? — это все, на что меня хватило. А зря. Потому что меня тут же спровадили к психиатру, где выяснились мои суицидальные наклонности во всей красе, и мне выписали горсть ежедневных лекарств, которые я благополучно смывала в туалет.

Потом я простыла на каком-то из сквозняков, гуляющих по коридорам городской больницы. И умудрилась получить не много ни мало — воспаление легких. И меня уже перевели в обычную палату.

— Где ж мне взять такие деньжищи-то? — плакала Мария Ивановна, одна из моих соседок по палате. Вообще-то ей полагалась лежать в кардиологии, но там, как всегда, не было мест даже в коридоре. — Откуда у меня на пенсии такие деньги? Да и зачем мне новое сердце?

— Ну, может кто откажется? — успокаивали ее товарки, совсем не веря в свои слова. — Ну бывает же такое? И бесплатно... Ты, главное, на очередь встань, а там уж видно будет...

И я задумалась. Возможно, хоть что-то от моей жизни останется хорошее. Дождавшись поздней ночи, я тихо подошла к постели Марии Ивановны и тронула ее за плечо.

— Что такое? — приподняла голову женщина. — Что случилось?

— Возьмите мое сердце, — присела я на краешек ее кровати. — У меня только лицо уродливое, а сердце должно быть крепким. Я согласна вам его отдать.

— Да что ж ты такое говоришь? — всплеснула руками соседка, оглядываясь на спящих. — Ты ж молоденькая совсем! Тебе еще жить и жить!

— Жить? — хрипло засмеялась я впервые после того, как очнулась. — С таким лицом? Без близких и родных, одна-одинешенька? Да кому я нужна? А если и нужна, то не в этом мире... — И устала на приятную женщину, совсем не выглядящую на пенсионный возраст: — Так что? Возьмете, чтоб не пропало?

— Да что ты говоришь, милая, одумайся! — распахнула та не по-старчески яркие глаза золотистого цвета. — Кто ж нам позволит такое, даже если бы я и согласилась? Ты молодая, тебе жить и жить — я старая, и мне прямая дорога на тот свет! Это ж натуральное убийство! Не вздумай, грех это!

— А то с таким лицом жить — это не убийство и не грех, — не отвела я свой взгляд. — Соглашайтесь, я не передумаю и подпишу все, что нужно. Чем мыкаться, лучше хорошему человеку помочь. У вас, наверное, родные есть. Переживать будут...

— Есть родные, — согласилась женщина, потирая пальцами подбородок. На одном из пальцев блеснуло кольцо странной формы, закрученное спиралью. — Ты давай, девочка, поспи, а утром поговорим...

И мне вправду захотелось спать. А во сне мне мерещились золотистые глаза, в которых кружились спирали, и слышался тихий голос, напевавший на незнакомом языке.

— Ну и сколько ты собираешься дрыхнуть, а? — визжали надо мной фрезеровочной пилой. И при этом на моем лице ощущалась что-то мохнатое, мокрое. На груди... топтались? Массаж, что ли, делали? А зачем?

— А руки брить не пробовали? — Я с превеликим трудом разлепила глаза и...

— Мама! — подбросило меня от страха и вжало в противоположный угол. Угол чего?

Господи! Где ж я нахожусь-то? Чего мне в вечерний компот подлили, что меня так плющит, я ж все таблетки скормила «белому другу»?

Если вкратце и по существу, то сидела я на деревянной печи, накрытая лоскутным потертым одеялом. Вокруг антураж, как на картинках в любимых книгах: деревянный, опять же, стиль вперемешку с ведьминским декором. Ну, в общем, небольшая комната, большей частью занятая печью, где я ловила свои глюки. У одной стены узкая лежанка. Посередине громадный закопченный котел. Над ним в художественном беспорядке развешаны пучки трав, сушеные (я на это надеялась) мыши, чьи-то хвосты и метла.

— Насмотрелась? — раздалось рядом со мной.

Я перевела ошарашенный взгляд и узрела громадного черного кота, который не мигая уставился на меня разноцветными глазами: один — небесно-голубой, второй — золотистый.

— Что? — вырвалось у меня, пока я натягивала на голову одеяло. Вдруг там нормальная палата завалилась? Согласна даже на оббитые ватином стены, лишь бы в нормальном месте.

— Что «что»? — натурально нахмурился кошак, стягивая с меня укрытие от действительности. — Прекрати прятать голову! И чего ты там не видела? Ту странную тряпочку, которая ничего не прикрывает?

— Это самая обычная больничная ночная рубашка, — почему-то обиделась я на едкое замечание. Но голову прятать перестала, хотя глаза закрыла.

— Если все совместить, — не отставало от меня настырное животное (и это я еще не начала понимать, почему он разговаривает!), — то ты больная на голову и хочешь держать больное место в тепле. Вопрос только один: как долго?

— А каким образом, — размышляла я вслух, — надо мной издевается блохастое чудовище? И делает это человеческим языком?

— А каким языком я это должен делать? — неподдельно изумился кот. — У тебя что, другой язык? Раздвоенный?

— Нет! — сразу отказалась я, обхватывая руками начинающую пульсировать голову. — Но у котов нет речевого аппарата, способного воспроизводить речь! Я это учила в школе.

— Плохо учила, — сообщил мне этот неправильный кот. Он сел и стал методично вылизываться, спросив между делом: — А что тебя не устраивает?

— Все! — тут же поведала я свое мироощущение. — Если бы ты говорил со мной мысленно, я бы еще как-то поняла и списала это на лекарства...

— Что я — дурной в твою голову лезть?! — возмутился посланец из моего персонального ада (там, видимо, давали отгулы). — Еще такого узнаешь, что полиняешь раньше времени!

— Все равно, — упрямо сказала я, — это неправильно. Я не понимаю, почему мне все это грезится, и что нужно сделать, чтобы проснуться и...

— Тебе не грезится, — то ли утешил, то ли напугал меня собеседник. — И вообще, совершенно нормальная обстановка для ведьмы...

— Для кого?! — распахнула я глаза.

— Для тебя, — индифферентно пожал плечами кот, чем привел меня в еще больший офигуй (не сказать чего покрепче). — Ты же теперь местная ведьма — тебе и метлу в руки.

— Это шутка? — полуобморочным голосом поинтересовалась я, начиная щипать себя во всех местах.

— Это правда, — заверил меня пушистый засранец, — как и то, что если ты наставишь на себе синяков, то, во-первых — лечить их будешь сама, а, во-вторых — красивее от этого не станешь. — Он потер лапой нос: — Я

слышал, что женщины красят глаза в синий цвет, но чтобы бедра и руки... Это новое веяние моды?

— Это запах безумия, — создалась я, но истязать себя прекратила.

— Ну-у-у, — облегченно выдохнул кот, — это не страшно. Все ведьмы слегка не в себе.

— Почему? — наивно попалась я в ловушку.

— Кто ж в здравом уме согласится жить в такой глуши на подножном корме? — уставился на меня этот паразит- вредитель или вредный паразит (я еще не разобралась окончательно). — И потом... они, как паров своих зелий нанюхаются, так и ходят под впечатлением.

— Это ты так шутишь? — никак не могла я понять всего на меня свалившегося. Если вспомнить поговорку: «Все что ни делается — делается к лучшему», — то, выходит, мое лучшее — это вот это? Глушь, метла и долбанутый кот?

— Это я ввожу тебя в курс дела, — невозмутимо ответил кошак, довольно жмурясь. — А то потом будешь бегать моих мышек по стенам ловить и кричать, что все это твое. Знаю я вас, ведьм, лишь бы чего-нибудь у бедного котика отобрать или оторвать. Вот твоя предшественница так и норвила лишить меня потомства!

— Кастрация? — с надеждой спросила я. Чисто для поддержания разговора.

— Одиночество, — помрачнел собеседник.

— А куда, кстати, она делась? — обвела я взглядом помещение. Вдруг хозяйка этого «дворца» где-то притаилась и сейчас как выскочит с криком: «Сюрприз!» — и я вернусь к себе в палату.

— На пенсию вышла, по выслуге лет, — разочаровал меня пушистик, поигрывая хвостом. — Сказала, что надо белый свет посмотреть, себя показать.

— И как? — все же хоть происходящее напоминало бред сумасшедшего, но было любопытно.

— Посмотрела и показала, — важно кивнул кот. — Замуж вышла. Прикинь, ей сто восемьдесят лет, а она вся в белом, как будто в сто пятьдесят. И жених рядом совсем молоденький. Испоганила ведьма эльфа. И до двухсот мужик не дотянул — женился. Теперь свои триста будет только в стакане видеть.

— Издеваешься? — со скрытой надеждой спросила я. Все же лучше, когда над тобой стебуются, а на самом деле — это все розыгрыш, и мы весело посмеемся в конце.

— Просвещаю, — отказался успокоить мои нервы кошак. — А то будешь потом мечтать о замужестве раньше, чем сто семьдесят лет. Тут, понимаешь, надо сначала все травки собрать, лягушек перецеловать...

— Зачем? — умирающим голосом поинтересовалась я. — Принца искать?

— Принцев тут и так, как собак нерезанных, — отбрил собеседник. — Так и шляются сюда: то меч заколдуй, то дракона подмани, по принцессу в чувство приведи. А вот философский камень не у каждой лягушки есть. И они с ним только через поцелуй расстаются. Пока млеют. А еще нужны хвосты у скунсов крутить. Наши принцески дюже любят духами на основе их секрета поливаться от принцев.

— Все! — рявкнула я. — С меня хватит! Этот дурдом не для моей койки! Сейчас я лягу спать, а когда проснусь, то вернусь в свою родную палату и пусть на мне лучше там опыты ставят, чем тут!

— Ну-ну, — спрыгнул на пол кошак. Это противное животное с видимым презрением задрало хвост и направилось к двери. — Все начинающие ведьмы думают, что они феи, но потом понимают, что жизнь хороша и без волшебной палочки. Так что пострадай, пока я чего-нибудь не поймаю нам на обед. — И свалил.

Я вздохнула, закуталась в одеяло и отвернулась к стене, смежив веки. Вдруг мне все же повезет?

— Эй, сонное царство! — разорвались где-то неподалеку противным голосом. — Вставай! Пора обед варганить! А то всех принцев проспишь! Так и будешь всю жизнь с лягушками целоваться!

— Да не нужны мне ваши принцы! — подскочила я спросонья. И поняла: мне не повезло! Я все еще в своем глюке. Видимо, мне попало какое-то супер-крепкое лекарство. Со стойким побочным эффектом. Только почему этот эффект имел черную шерсть и разноцветные глаза?

— Вот и хорошо, что не нужны, — довольно мяукнул кошак, стоя над чем-то, очень похожим на зайца. Мертвого зайца. — Тогда давай приниматься за дело, потому что тут принцев нет, да и ты не принцесса.

— И кто б сомневался, — пробурчала я. — Но все достигается с опытом. Знаешь, одна тоже принцессой не была, а поспала на горошине — и сразу стала.

— Это ей так с мужем не повезло? — вытаращил на меня глазюки пушистый извращенец. — В смысле, долго искала, ничего не нашла и просто выпалась сверху?

— Это была обычная горошина, — нахмурилась я, не зная — то ли мне смеяться, то ли плакать. — Сушеная.

— А-а-а, — кивнул лобастой башкой кот. — Ну ты тоже можешь попробовать. Вон там в углу целый мешок стоит. Хочешь — спи на нем, хочешь — стой. Но я предпочитаю его есть. Так что меня в свои заведомо провальные эксперименты не втягивай. Лучше давай шевели своими телесами к этому зайцу. Надо с него шкуру снять и разделать.

— Я? — вытаращила я на него глаза. — А ты сам не можешь? Ты же все же мужчина, как я предполагаю.

— Можешь быть в этом уверена, — фыркнул на меня блохастый паразит. — И, как мужчина, я добыл нам обед,

а все остальное — твоя забота. Давай, не отлынивай.

— А может, мы его прямо в шкуре сварим? — попробовала я улизнуть от женского долга.

— И есть мы его тоже будем в шкуре? — оскалился рабовладелец. — Чтобы удовольствие продлить?

Представляешь, ешь и отплеываешься.

— Тьфу на тебя! — сплюнула я в сердцах. — Не умею я шкуру сдирать. Давай ты меня научишь, а в следующий раз я, может быть, сама справлюсь.

— И чем, по-твоему, — вытаращился на меня кошка, — я буду это делать? Или ты не знаешь, что коты не могут держать нож? — Он продемонстрировал мне свои лапы.

— Коты и разговаривать не могут, — вздохнула я, понимая, что отвертеться не удастся, потому что есть хотелось даже в этом чертовом состоянии.

— Это парадокс, — согласился со мной довольный паразит. Махнул лапой: — Ножик вон там. Дерзай.

И я подерзала...

Через пару часов, кучу вырванных у меня нервов и еще большую кучу вырванной у кота шерсти, я смотрела на растерзанную на мелкие кусочки тушку зайца, на которой все еще оставалась шерсть.

— Ты бы не мог в следующий раз, — растерянно попросила я у икающего кошака, — принести что-то без шкуры?

— Ты предлагаешь, — упал на пол кот и задрыгал лапами, — пугать зверей заранее, чтобы они сами раздевались? А может уговорить их сразу и зажариться? Ну, чтобы время не терять...

— А так можно? — покосилась я на него с дикой надеждой, отменяя сарказм.

— Ты ж у нас ведьма, — заржал мерзавец, помахивая роскошным хвостом, которому недолго оставалось быть роскошным. Я так думаю, что крысиный стиль этой зубастой акуле как раз по рогам. — Наколдуй и заставь их еще и пережевываться сразу. А что? Будешь напрягаться только в сортире!

— Бытует мнение, — уставилась я на него с неприкрытой ненавистью, — что коты мимишки и лапочки. Так вот! — ткнула я в него ножом (жалко, не попала) — Врут, как брешут! Ты если и лапочка — то только с изнанки! И вообще, я есть хочу!

— Заяц почил смертью храбрых, — заявил кошка, — даже два раза. Ты хочешь его еще и третий раз поймать?

— Есть варианты? — надулась я, пытаюсь сообразить, что сделать с этими скорбными останками. Милосерднее всего было похоронить, то, как понимаю, мне готовую еду никто на дом не принесет.

— Есть, — спокойно ответил козел в кошачьей шкуре. — Все же хоть что-то спасти и сварить похлебку. Если ты, конечно, умеешь готовить.

— Готовить я умею, — призналась я. Почесала нос и повинилась: — Но я совсем не знаю, как пользоваться этой допотопной печкой. Так что еще вопрос, смогу ли вообще хоть что-то приготовить.

— Убоище, — с тоской посмотрел на меня кот и пошел в другой конец комнаты. Пошарил там и притащил крынку сметаны и половину краюшки хлеба. — На, немочь, закуси свое горе.

— Спасибо! — впилась я зубами в горбушку и заурчала от удовольствия. — Откуда такая роскошь?

— Так от твоих клиентов, — зубасто улыбнулся кот, отливая себе в маленькую чашку сметаны. — Кстати, через пару дней к тебе за заказом придут. Так что, если не хочешь голодать или жрать зайцев в шкуре, давай собирайся и свари пару зелий!

— Чего я должна сделать?.. — чуть не подавилась я. — Чего сварить? Какие зелья?

— Одно приворотное, — на полном серьезе сказал кошка. — Второе для потенции. К слову, если ты вместо него сварить зелье от прыщей, то это ему тоже поможет. У пацана только одна проблема: отсутствие мозгов, а это никакими зельями не лечится. Если только его в них не утопить.

— Но я не умею, — растерялась я до такой степени, что даже есть перестала. — Откуда я знаю, как варить эту бурду? Да и нужного образования у меня нет. И, наверное, нужен какой-то сертификат качества, да? И, как минимум, стерильность...

— Мозги у тебя стерильные! — нагло перебил меня блохастик. — Кто ж к тебе, такой красивой, придет без должного антуража? Нет, ведьма должна быть злобной, старой, грязной и с метлой. Тогда она вызывает уважение и страх! А ты... — Он окинул меня нечитаемым взглядом и распушил хвост. — Ты пока что вызываешь исключительно жалость!

— Да и ладно! — обиделась я. — Подумаешь, какой разборчивый! Я, между прочим, в аварию попала. Оттуда и шрамы. И вообще, это невежливо говорить такие вещи... — и скривила губы.

— Да мне чхать на твою внешность, — откровенно признался кот, обходя меня по кругу. — Меня больше интересует, смогу ли я тебя чему-то научить, или ты будешь умирать на моих лапах от голода.

— И как же ты меня можешь научить? Чему? — не выдержала я марку, сгорая от любопытства. — Рецепт запишешь на долгую память? Так у тебя ж лапы, а царапины я читать не умею.

— Научишься! — как-то очень зловеще пообещал мне потенциальный учитель, запрыгивая на стол. — Если,

конечно, умеешь читать, — на этих словах он замерцал и превратился в громадную книгу в черном кожаном переплете.

Я испуганно всхлипнула. Книга вздрогнула, открылась, еле слышно щелкнув застежками, и зашелестела страницами. Наконец остановилась на каком-то рецепте, записанном витиеватым почерком.

— Вот, — сообщила мне книга противным менторским голосом кошака. — Это — рецепт для приготовления магического зелья для приворота. Сначала собери перечисленные ингредиенты, потом будем учиться пользоваться ведьминским котлом.

— Ты — самоубийца, — честно констатировала я, осмотрев предлагаемый инвентарь. — И я вместе с тобой. Убьемся на пару.

— Глаза бояться, — откомментировал мое замечание... даже не знаю теперь кто, — а руки делают! Давай уже все подготовим.

— Ну и как мне тебя называть, о Великий Йода? — фыркнула я, изучая список.

— Можешь называть меня Мой Лорд, — на полном серьезе предложил этот блокнот для сортира. — Или Лорд Ректор. Тоже пойдет.

— Нет, — отказалась я, начиная против воли хихикать, — так мы далеко не уедем. Давай, серьезно. Меня, например, зовут Зоя. А тебя?

— Ладно, — смирился книжный кот. — Называй меня Гри.

— Приятно познакомиться, — проявила я запоздалую вежливость. И не удержалась: — Почему Гри?

— Почему-почему, — пробурчал собеседник. — Потому что я твой гримуар, сокращенно — Гри. Что тут непонятного?

— А непонятно мне, — тыкнула я в книгу пальцем, — что такое мозгокрут тысячеголовый?

— Щекотно! — вздрогнула книга и отодвинулась. — Травка это такая — синенькая с фиолетовыми цветочками и пурпурными листиками. Посмотри наверху внимательно.

— Там все цвета сена, — скептически обзрела я развешанный гербарий.

— Это у тебя в глазах солома! — отреагировал Гри, верный себе. — Справа висит, рядом с красивой тошнилкой!

— Какой кошмар, — призналась я, находя нужное и отрывая пару веточек, как было написано в рецепте. — Если из этого варят зелья, то я понимаю, почему ведьм не любят.

— Почему не любят? — удивился кот, приподнимая страницы, как брови. — Ты же им состав своего варева не рассказываешь, а результат обычно налицо. — Тут он помолчал и добавил: — Или на лице. Твоём. Так что не отвлекайся, если не хочешь стать первой в истории ведьмой без головы.

— Ведьм вообще-то сжигают, — поправила его я, все еще не соотнося себя с этим званием. Или должностью.

— Это если хорошо попросишь, — заверил меня Гри. — А так сначала заставят все свои зелья выпить, а потом будут выяснять — от которого именно ты очурилась. И внесут в список новый яд. Теперь найди на полке семя либида и вытяжку из корня дубня. Для тупоголовых: семя розового цвета, а вытяжка — черная с красным просверком. Да не перепутай! Рядом стоит черная с розовым просверком, так это для поноса.

— Зато объект приворота далеко не убежит, — хмыкнула я, шарясь на полках.

— Вопрос не в том, убежит ли он, — зафырчала книга, дергаясь на столе, — а успеешь ли убежать ты. Или ты хочешь видеть и обонять результат своих усилий?

— Нет, — поежилась я, ставя на стол нужное. И снова уткнулась в книгу. — Так, нам еще нужны: отвратный целовальник, сумарочный стояк и крысиный хвостик. А хвостик-то зачем?

— Для пушного эффекта, — сообщил мне Гри. — Все ведьмы должны добавлять в свои зелья изюминку. Твоя — крысиный хвостик. Так сказать, именная подпись.

— А можно я не буду подписываться? — попыталась увильнуть я от такой почести. — Пусть все будет анонимно, то есть безымянно. Мне так будет спокойней.

— Еще чего, — возмутился учитель. — Зря я, что ли, всех крыс в округе хвостов лишил? Нет уж! Клади и нечего выдрыгиваться. Слава должна найти своего героя.

— Или герой падет во славу, — заметила я, выкладывая на стол найденные ингредиенты. — Вроде бы все. Что теперь?

— Теперь мы будем учиться разжигать ведьминский огонь под, соответственно, ведьминским котлом, — важно сказал Гри. — Подойди к нему и внимательно посмотри внутрь. Что видишь?

— Паутину, — пожалала я плечами.

— А должна быть чистота, — поучительно заметила книга для макулатуры. — Первое правило ведьмы — ничего постороннего в котле. Вот будешь ты сейчас варить приворотное зелье с паутиной — и что получишь?

— Откуда я знаю, — фыркнула я в раздражении. — Я же не ведьма!

— Конечно, ты не ведьма, — как-то очень легко согласился со мной Гри. — Ты еще ведьмочка, но никому об

этом не говори, потому что ставки на твои услуги сразу упадут. А с твоей приспособляемостью к действительности без импорта мы сделаем ножной экспорт.

— Чего мы сделаем? — не поняла я инсинуации.

— Ноги мы с голодухи протянем! — рывкнула книга, подпрыгивая. — Так вот, возвращая нашей овце барана... то есть поясняя, что если ты не вычистишь из котла паутину, то приворотное зелье у тебя будет с паутиной...

— А то этого нельзя было предугадать, — не удержалась я от шпильки.

— ... А паутина дает долгосрочный эффект, — не смущаясь, продолжил поучать меня кошка. — Еще больший эффект дают свежие сопли. Так что держи свой насморк подальше от котла, а то к нам клиент больше никогда не вернется. А так обычно каждую неделю бегают за добавкой. У них гимнастика — нам достаток.

— Это халтура! — возмутилась я. — Это ж никакой гарантии качества!

— Это вопрос выживаемости, — не согласился со мной Гри. — Мы качество бьем количеством. Потому что я тебе, конечно, зайца поймаю, но пытаться его будешь сама. И, вообще, если окрестное зверье узнает твои методы, то мы скоро узнаем, что такое продуктовые санкции.

— Ты меня уже запугал, — пробормотала я, хватая висящую на ручке котла тряпку и залезая внутрь за пресловутой паутиной. Глухо: — Я уже начинаю думать, что диеты придумали ведьмы, у которых есть совесть.

— Диеты придумали мужики, — авторитарно заявил Гри, — чтобы экономить на продуктах и одежде. Так что три котел тщательней — это наш кормилец.

— Все! — вынырнула я наружу, смахивая со лба пот. — Теперь что?

— Теперь, — книга замерцала и снова стала котом. Он хитро посмотрел на меня разноцветными глазами, потянулся и выдал: — А теперь мы пойдем за водой!

И мне все это стало нравится еще меньше.

Спустя пару часов катание на колодезном журавле стало надоедать. Ржание кота распугало всех зверей вокруг. Даже вороны свалили подальше и перекаркивались где-то вне пределов видимости, обмениваясь последними сплетнями.

— Ну и что ты там узрела? — валялся на траве около колодца кот, судорожно дрыгая лапами от смеха. — Типа высоко сижу — далеко гляжу? Как там наше будущее? Приближается?

— Смерть моя приближается! — вопила я, судорожно цепляясь за деревяшку, которую мотало из стороны в сторону. Конечно, я иногда оказывалась и над землей, но это ж надо было руки разжать. А они очень не хотели отпускать то, что в них попало.

— Откуда? — надрывался Гри, начиная задыхаться от хохота. — Слева или справа? У нее коса есть? Или она просто посмотреть идет — кто там такой шустрый? Еще не умер, а уже в гости напрашивается. Так она, чтобы на тебя не тратиться, сама первой придет?

— Сними меня отсюда, — попросила я. И даже добавила: — Пожалуйста.

— Слезай, — согласно махнул лапой кот. Подождал — я не слезла. Тогда этот хвостатый (пока!) засранец, крапива ему вместо наполнителя, подошел лапа за лапу к колодезному журавлю, встал на задние лапы и одной левой повернул это сооружение в нужную сторону. Потребовал: — Слезай! А то я уже насмотрелся та тот лоскуток, что ты ошибочно считаешь панталонами!

Я машинально попыталась одернуть ночную рубашку, естественно отлипнув от такой родной оглобли и кульком рухнула на землю. Сверху на голову наделось ведро. В общем, день еще только начался, но уже удался.

— Ох ты, горюшко мое, — стащил с меня ведро Гри и утер лапой злые слезы. — Ну, чего раскисла? Давай вставай, будем снова экспериментировать.

— Не хочу, — шмыгнула я носом. — Не приспособлена я для деревенской жизни, и все тут! Смотри, простая задача — набрать воды, а я чуть не искалечилась!

— Чуть не считается, — заверил меня кошка, начиная тереться пушистым боком. — Все познается в сравнении.

Я посмотрела на идеалистический пейзаж вокруг: зеленые елочки, зеленая травка и поняла, что и жизнь у меня тоже зеленая. В смысле, позеленею я тут.

Вообще-то место было очень красивое. Маленькая, чисто лубочная избушка из потемневших бревен, крытая снопами вязаной соломы, стояла посреди большой поляны. Справа от нее колодезный сруб, около которого сидела я. Слева покосившаяся коновязь. А вокруг буйствовал лес со всеми своими изысканными красками. Шумели, переговариваясь деревья, перепевались птицы. Где-то вдалеке кто-то трубил или рычал. И все это, как ни странно, было в тишине, которую не нарушали лесные звуки.

— Давай все повторим еще раз, — миролюбиво предложил Гри, дав мне время успокоиться и прийти в себя. — Для закрепления.

— На журавле снова висеть не буду, — отказалась я наотрез, стискивая зубы. — Хоть притопи меня сразу в колодце!

— Эх ты, жаль моя беспросветная, — глянул на меня кошак. — Давай уж вставай, экспериментаторша, будем действовать по инструкции.

И на этот раз у меня получилось. Хотя, когда я притащила домой ведро со студеной водой, у меня было чувство, что на мне не просто кто-то ездил — он, паразит, на мне скакал во весь опор!

— Ну видишь, — потерялся об мои колени Гри, — не так страшен черт, как его малютка!

— Кто? — опешила я, повисая на котле, куда перелила воду. — Какая малютка?

— Да вы еще познакомитесь, — обнадежил меня учитель, запрыгивая на стол, чтобы лучше видеть. — Когда к озеру пойдешь. Там в камышах чертово семейство обитает, так дитенок их чересчур шкодный. То штаны у купающихся упрет, то кальсоны узлом завяжет. Так что если к тебе клиент голым притащится, то ты сразу оплату спрашивай. А то многие потом натурой хотят рассчитаться...

— Так вроде бы на то и расчет, нет? — не поняла я его.

— Дурочка ты еще, — мягко пожурил меня Гри. — Они ж не тебе кусок принесут, они его от тебя отхватить захотят. Секс по-научному называется. Так что как только зелье сварим, сразу начнем тебе гардероб подбирать, чтобы не ввергать неокрепшие умы в смуту.

— Ты издеваешься, да? — нахмурилась я, не зная сердиться мне или плакать. — Кто на меня с таким лицом и фигурой польстится? Если только какой извращенец.

— А сюда, как ты думаешь, кто ходит? — Кот окинул меня чисто-мужским, оценивающим взглядом. — Зачем нормальному к ведьме переться?

— Умеешь ты девушку утешить, — фыркнула я. — То есть все мои клиенты скорбные на голову?

— Нет, — махнул хвостом кошак. — В основном, гораздо ниже. Голова у них для того, чтобы в нее есть. Многие даже не в курсе, что на ней можно еще и шапки носить.

— Подожди, — нахмурилась я, начиная что-то соображать, — а что, сюда только мужики шастают? А женщины?

— Твоя предшественница всех баб отвадила, — признался Гри, отводя взгляд. — Она считала их ненадежными и неплатежеспособными.

— У вас здесь у женщин нет денег? — все старалась я постигнуть истину.

— У нас здесь, — прищурился собеседник, — у женщин нет того, чего было нужно сто восьмидесятилетней изголодавшейся ведьме!

— Тьфу! — дошли до меня, наконец, пошлые намеки. — И как мне тут жить? Если я уж сюда попала непонятно каким образом! И, действительно, как я сюда попала? — Я потеряла лоб. Нет, я уже поняла, что это мне все не снится, но все равно оставалось впечатление какого-то извращенного сюра.

Не могло это случиться со мной, абсолютно нормальной, обычной девушкой. Не могло — и все тут! И хоть кол на голове мне тешите!

— Кто как попадает, — пожал плечами Гри. — Кто за заслуги, кто за грехи. Кому-то дается возможность исправить свои ошибки. Кто-то начинает новую жизнь. Кому-то нужно познать себя и свои возможности.

— Свой дзен, — посмотрела я с ненавистью на котел, — я уже знала.

— Это только тропка к просветлению, — заявил мне мучитель. — Потом будет тропа, следом дорога, а вот когда ты выберешься на тракт, то тут тебе и будет окончательное просветление рассудка.

— Тогда уже нечего будет просветлять, — опротестовала я. — Потому рассудок уже сам от меня уедет на ручной дрезине. Чтобы не видеть в какое светлое будущее мне придется идти!

— Меньше слов, — перебил мои излияния кот, — больше дела. Положи обе руки на котел и произнеси: раз, два, три, ведьмовской горшочек гори и вари!

— Странный у вас вид зажигалки, — нахмурилась я, подозревая провокацию. — Обычная печка тоже так включается?

— Обычная печка, — захихикал кошак, — включается от дров и огня. А если ты надумала варить изувеченного зайца в шкуре в ведьмовском котле, то представь себе, что оттуда потом вылезет. Хочешь получить зайца-зомби в качестве домашнего питомца?

— Один питомец у меня уже есть, — злобно посмотрела я на щерящегося кота. — Теперь осталось лишь сделать из него зомби — и жизнь, можно сказать, удалась!

— Ты давай начинай варить натурпродукт! — рявкнул на меня обиженный Гри. — Пока из своей тряпочки от злости не выскочила! Это ж надо в таком бесстыдстве спать!

— А в каком бесстыдстве надо спать? — проявила я законное любопытство, если уж мою ночную рубашку так опошили. Но руки на котел положила и даже повторила стишок. Все это выглядело не то чтобы неправдоподобно. Скорей, отдавало таким детством... Все же я еще не была такой замшелой, чтобы забыть сказки, прочитанные в детстве.

Но против всех ожиданий этот колдовской примус все же включился и натурально вскипятил воду за пару

минут.

— Давай чаю попьем, — предложила я, сглатывая слюну. — Я там видела что-то похожее на малиновые и смородиновые листья...

— О, Боже! — закатил наглые глазищи кошка. — Давай. Только кем мы после этого станем? Ты, как я подозреваю, козой, а я — идиотом. — Он потер лапой морду: — Как ты дожила до своего солидного возраста в нынешнем виде, не превратившись в поганку, а?

— Восемнадцать лет — это не срок! — теперь уже обиделась я.

— Это не срок, — согласился со мной кот. — Это приговор! Ты ж без опасности для жизни ничего сделать не можешь! Ты даже, когда рот открываешь, и то — мне уже заранее страшно, что оттуда вылетит.

— Вот тогда сам и вари свое зелье! — отодвинулась я от котла. — Если ты такой умный, то тебе и метлу под хвост!

— Ты мой хвост не трогай, — предупредил меня Гри, начиная скидывать в кипящую воду все, что мы собрали. — Этот хвост тебе еще может понадобится, когда поумнеешь! А пока оставь свои амбиции и начинай работать! Ты в курсе, что кто не работает, тому не платят?

— Ладно, — не стала я нагнетать обстановку. Судя по всему, я тут застряла с этим сумасшедшим зверьком в качестве верного спутника жизни. Значит, надо налаживать отношения. А что больше всего любят коты? Ласку! И я, протянув руку, погладила Гри между ушами.

Кот от неожиданности свалился в котел. Ну-у-у... почти свалился. Пока падал, успел извернуться и спрыгнуть на пол.

— Ты это, — выгнул он спину, выпуская немаленькие когти, — не вздумай повторить! Я ж от такого счастья и очокурится могу в своем юном возрасте.

— Ну прости, — повинулась я, переводя дух. Испугалась за него, хоть в жизни не признаюсь. — Хотела протянуть руку помощи в налаживании отношений.

— Ну-ну, — фыркнул пушистик, успокаиваясь и начиная облизываться, — главное, чтобы я от твоих рук лапы не протянул. — вспомнил: — И вообще, бери метлу и начинай мешать зелье.

— Метлой-то зачем? — поразила меня местная гигиена. Я теперь точно знаю, что ни у одной ведьмы ничего не куплю! Даже бесплатно.

— Для навара, — насупился Гри. — Делай, что говорю!

Через пару часов мы все же что-то сворили совместными усилиями. И кот бдительно следил, пока я соскребывала густой состав и запикивала в склянку.

— Скажи мне, — полюбопытствовала я, заматывая склянку тряпкой по выданной ранее инструкции, — а почему нельзя сварить сразу много, про запас? Пусть себе стоит, зелье-то жрать не просит...

— ...Дюже воняет, — перебил меня кошка. Он отдал ценное указание: — Ты склянку наружу вынеси. А то мы задохнемся до завтра, пока клиент придет. На вопрос отвечать надо?

— Уже нет, — вздохнула я, выполняя указания. Вышла наружу, пристроила под стрехой бутылочку и застряла, втягивая в себя свежий лесной воздух. Красота-то какая!

— Зоя, — выскочил за мной взъерошенный кот, не дождавшись меня в избушке, — пошли чего-нибудь перекусим. Он вздохнул: — Печку зажигать я тебя сегодня учить не буду — хочу завтра проснуться живым. И вообще, мне для этого нужно собрать все имеющееся у меня мужество и основательно попрощаться с жизнью.

— А ты мне начинаешь нравиться, — улыбнулась я ему.

— Чур меня! — скривился Гри и быстро убежал обратно, начав чем-то греметь и шуршать. Заначку, что ли, потрошил?

В общем, за этот день я так устала, что спокойно пережила и туалет на улице системы «сортир» без вентилятора. И умывальник «ткни — и будет тебе счастье», и (страшно подумать!) даже отсутствие интернета.

Мы с Гри поужинали остатками хлеба со сметаной и улеглись спать. И спалось мне так сладко, как давно уже не было.

Утром, спросонья...

— Бабка! — ломился какой-то лось в нашу дверь. Чтобы ему все ветки на вкус были дегтем! — Открывай, ведьма!

— Кто там? — каркнула я, подскакивая на лежанке и убирая с глаз спутавшиеся за ночь волосы. — Что вам надо?!!

— Это клиент притащился, — прошипел Гри, подтаскивая ко мне кучу тряпья. Проинструктировал: — Быстро одевайся, пойдем из него средства к существованию выколачивать! А то с твоим аппетитом и непригодностью мы скоро зубы на полку положим!

— Я торговаться не умею, — честно предупредила, натягивая на себя странные вылинявшие, бесформенные лохмотья.

— Ты, главное, смотри на него построже, — уверенно наставлял меня кот, размазывая лапой по моему лицу сажу вместо косметики. — Сам все отдаст. Теперь платок до бровей замотай и нижнюю половину лица прикрой, чтобы у мужика соблазна не было это зелье на тебе опробовать.

— Так? — повернулась я к нему.

— Ничего так получилось, — обошел вокруг меня Гри, игнорируя трясущуюся от ударов дверь. — Теперь ссутулься, как будто тебе лет триста с гаком, и медленно ползи к двери. Главное, крихти погромче, чтобы все думали, что тебе тяжело ходить.

— Я не умею, — растерялась я. — Меня мама всегда по спине лупила, чтобы я не горбилась. Это уже вбито в мое ДНК.

— Мутант! — рявкнул кот и помог мне с маскировкой, взвалив на плечи мешок с горохом. — Тащи наружу, типа перебирать собралась.

— Умирать я собралась, — поползла я к двери под похоронный марш, звучащий в моих ушах.

Утро нас встретило прохладой, птичьим гомоном и мечом, направленным мне в лоб. Чисто теоретически — в грудь, но мешок пригнул меня к земле своей заботой.

— Бабка! — рявкнул кто-то на том конце меча. И я кинула в него мешком. Чисто от испуга, а не потому что устала тащить свой горох для настоящих принцесс.

Похоже, навернула я мужика на совесть, потому что он без лишнего звука прилег отдохнуть прямо на пороге.

— Кто ж так клиентов встречает? — стояли мы с котом над неподвижным распростертым телом, и я выслушивала злую кошачью отповедь. — Если они тут все полягут, на что мы будем жить? И так с харчами быстро не разгонишься.

— Ух ты! — восхищенно вытаращилась я (кошачьи вопли благополучно пролетели мимо моих ушей). — Настоящий рыцарь!

— И чего ты на него уставилась, как на белый мухомор? — недовольно и даже как-то ревниво сказал Гри. — Рыцарей не видела?

— Так и есть. Никогда не видела до этого рыцарей, — поделилась я с ним. — По-крайней мере, живую... Это ж такая редкость...

— Какая такая редкость! — рявкнул взбудораженный кот. — Тут каждый второй на себе доспехи, как вериги таскает!

— А каждый первый? — не сводила я глаз с прекрасного рыцаря.

— А каждый первый — принц! — припечатал кот. — Приблудный! Бегает по принцессам — ищет свое королевство. Многие находят, вот только к нам лечиться потом идут.

— А этот тоже принц? — с умилением разглядывала я мужчину, так спокойно лежащего у моих ног. Когда еще такое доведется испытать?

Надо сказать, ведьминский клиент не то чтобы был хорош собой, скорее дело было в рыцарском антураже. Потому что, если приглядеться — то и лицо было простецкое, и доспехи покоцанные, и меч тупой.

— Вряд ли, — склонил башку набок Гри. — Слишком уж неприглядный и пешком пришел. Принцы, они пешком не ходят — по статусу не положено. Хоть с голой задницей, но на коне! Этот, скорей всего, какой-то обнищавший аристократ. А зелье ему нужно для того, чтобы какую-то даму приворожить, коня добыть и дальше делать вид, что он принц...

— Это он даму на коня променяет? — нахмурилась я. И рыцарь мне сразу перестал нравиться. Как-то увял мой романтизм на корню, не успев распуститься крапивой.

И в этот судьбоносный момент мужик все же пришел в себя. Сел, потирая ушибленную голову, и сказал:

— Ты, наверное, сильная ведьма, бабка, если меня так шандарахнула!

Я посмотрела на мешок с горохом, который мы до этого с него стащили и согласилась. Молча. Только нахмурилась сильнее.

— Да знаю я цену, знаю, — неправильно понял меня рыцарь и достал откуда-то из железных штанов небольшой кошелек-кисет. Как он это проделал — я ума не приложу, но тем не менее деньги мне достались.

Я все так же молча достала из-под стрехи склянку, и мы обменялись.

— Ну я пошел? — собрал себя в горизонтальную фигуру морально удовлетворенный покупатель.

Мы с котом все так же молча кивнули и проводили своего первого ошастливленного клиента задумчивыми взглядами.

— А скажи-ка мне, Гри, — сжимала я в руках кошелек со звенящими монетками, — где в этой глуши есть продуктовый магазин?

— Сегодня к вечеру появится, — пообещал мне кот, потягиваясь. — Трактирщик жратвы привезет и свой заказ должен будет забрать. Так что давай не прохлаждайся, нам еще зелье для окосения и щедрости варить нужно!

Я посмотрела на утреннее солнце, хмыкнула и пошла за ним. Уж не знаю почему, но мне эта жизнь потихоньку

начинала нравиться.

Мы уже почти заканчивали наши эксперименты с травами, с аппетитом дожевывая вчерашний хлеб, потому что кот упорно не хотел подпускать меня к печи, когда в нашу дверь снова бешено заколотили.

— Платок поправь, — предупредил меня Гри, подбегая к выходу. — И мешок держи под рукой. Это твоё секретное оружие. Никто не ожидает, что ты будешь сбивать с ног горохом.

— Ты думаешь — это еду пораньше привезли? — с надеждой спросила я, наклоняясь, чтобы подобрать упавшую на пол метлу.

— А-А-А-А-А! — раздался от порога дикий кошачий вопль и что-то упало.

— Гри! — вооружилась я метлой и потащила за собой мешок с горохом. — Держись! Я иду к тебе на помощь!

Ну на помощь-то я пошла, только когда вышла за порог, чуть замертво не упала.

На крыше нашей избушки сидел распушивший шерсть чёрный кот, фырчащий что-то очень неприличное. А внизу на коленях стоял давешний рыцарь и протягивал ему двумя руками меч, уговаривая:

— Ну сладкий мой, спускайся! Как я могу вручить тебе свою честь, если ты так далеко?

— Ха-ха-ха! — согнулась я три погибели. — Это он тебя за Прекрасную Даму принял?

— Кто его знает, что он принял? — отбрехался Гри, сверкая на оккупанта огромными горящими глазами. — Может ему и принимать ничего не надо было — сам от природы такой... на оба уха сдвинутый.

— Рыцарь, — попыталась я разведать остановку и отвлечь клиента от кота, — вы бы не могли нам объяснить вашу проблему? Возможно, мы могли бы вам подействовать... — Я вспомнила о голодном желудке: — ...Почти бесплатно.

— Когда я принял ваше зелье, о могущественная ведьма, — сказал коленопреклоненный рыцарь, не сводя с кота восторженных очей, — то я прозрел! Именно это прекрасное существо я искал всю свою жизнь! И я именно ему хочу посвятить свое служение!

— Гри! — рывкнула я, сделав выводы. — Это не лечится! Это диагноз! Сознаться, чего мы туда намешали, что здорового мужчину так сплющило?

— Туда попала моя шерсть, идиотка! — рыкнул в ответ кошка, не собираясь рисковать и спускаться. — А поскольку я неотразим, вот он и не отражается!

— Это можно отколдовать? — любопытствовала я, поглядывая то на нервного кота, то на безмятежного рыцаря.

— Можно! — заорал с верхотуры кошка с надрывом. — Но не раньше следующего утра! Для этого нужен гриб-спринтер, а их ловят только на рассвете. Так что я до завтра тут посижу, пока мне не вручили чужую честь и не уронили мою!

— Понятно, — потеряла я нижнюю губу в задумчивости. Сидеть с ними мне не хотелось. Тем более, с практической точки зрения тут простаивал здоровый, крепкий мужчина и почти принц. И его можно было взять в оборот.

— Рыцарь, — уверенно направилась я к нему, приняв решение, — знаете, что существует обычай, освященный веками? Обычай служения Прекрасной...

Кот завопил громче.

— ... Прекрасному Коту! И во имя его вы можете совершать подвиги!

— Я готов! — вскочил на ноги воодушевленный рыцарь. — Какой подвиг я должен совершить во славу своего кумира?

— Как вы смотрите, чтобы победить дрова? — кивнула я на поленницу, притулившуюся около дома.

И следующие два часа мы с Гри наблюдали, как сильный рыцарь мужественно крошит чурки на щепки. Мечом. От топора клиент отказался. Сказал, дескать, бытовой топор ему не по статусу.

Ну, была бы честь предложена... Кот обиделся, а зря. Кому какое счастье в руки попадает!

— Зоя! — заорал с крыши кот, бдевший в два глаза и один хвост. — Этот зельнутый на весь желудок сейчас избу крушить начнет! Дай ему другой подвиг немедленно, пока мы бездомными не остались!

— Рыцарь! — соскребла я себя с крылечка. — Вы мужественно победили дрова, но ваш кумир все еще не видит вашего достоинства...

— И Слава Богу! — заблажил сверху Гри. — Еще не хватало мне на это смотреть!

— ... Но у вас все еще есть шанс, — подольстилась я к рыцарю и даже подтащила к нему ведро колодезной воды. Рабочую силу, особенно дармовую, надо поощрять! — Вы можете победить землю! — показала я пальцем на заросший травой огород, куда уже наведалась в поисках съестного ранее. Искомое в зарослях сорняков не обнаружилось.

— Это как-то неаристократично, — наморщил нос «картошкой» рыцарь. — Это крестьянская работа!

— Конечно, — не стала спорить я. — Но если она будет побеждена настоящим рыцарем, разве не станет это настоящим подвигом?

И до заката мы наблюдали, млея от радости, за чужим трудовым подвигом. Оказывается, мечом можно полоть, копать и вспахивать. Сеять им мы, правда, не пробовали. Гри отказался выдавать свой тайник с семенами, а спускаться пока не рисковал. Сказал, что не доверяет рыцарю, который уже пятый час по жаре махал своим орудием производства и все еще кипел энтузиазмом.

Когда солнце склонилось к закату, на нашу поляну выехала тележка, запряженная небольшой мохноногой лошадкой с косматой гривой. Ей управлял кругленький мужчина средних лет с хитрыми умными глазами. Его красная клетчатая рубашка обтягивала солидное пузо, лысина маскировалась интересным головным убором, отчасти напоминающим фетровую панамку. Когда мужчина ее поправил, на свету блеснул золотой перстень. Эге! А мужик-то, похоже, достаточно состоятельный!

— Здравствуйте, госпожа ведьма, — пророкотал прищелец и застыл, наблюдая за нашим Карлсоном без крыши.

— И вам того же, — проявила я вежливость. Намекнула: — Вы к нам по делу или мимо проходили?

— Феклий! — заорал с крыши кот. — Не глазей на этого припадочного на весь меч! Лучше быстрее тащи жратву в дом, пока голодные ведьмы ее не отобрали!

— Господин кот, — задрал голову трактирщик, изучая явление кота народу, — вы зачем на крыше сидите? Сейчас же вроде бы не март... — и посмотрел на меня в поисках подтверждения.

— Счастливые кустов не наблюдают, — выкрутилась я, как могла. Откуда я знаю, какой у них сегодня месяц на дворе? По мне так шизанутый или ополоумей.

— Этот рыцарь, госпожа ведьма, — снова покосился на все еще сдвинувшегося на подвигах рыцаря Феклий, — вам по широте души служит или вы ему ее сами расширили?

— А что? — приподняла я брови. — Вам его жалко?

— Да я бы, — стащил с головы свою фетровую панамку мужчина, потирая лысину, — у вас бы его позаимствовал, скажем... за половинку кабанчика.

— А на что он вам? — проявила я законную бдительность. Все же рыцарь мой, мне его и пристраивать в хорошие руки. А то так и будет по чужим порогам валяться.

— Да мне бы, госпожа ведьма, — замаялся трактирщик. Потом сжал панамку сильнее и громким шепотом, как военную тайну, выдавил: — Яму бы новую для сортира выкопать надо. А ваш то как хорошо своим инструментом управляется! Как раз за сутки бы и управился. А я бы на будочке табличку бы повесил, мол, приложил к этому делу руку благородный рыцарь...

— Нам его самим мало! — рывкнул с крыши Гри. — Знаю я тебя и твой гешефт, потом твой кабанчик превратится в кролика, который родится аж в следующем веке! И за поход в сортир деньги брать зазорно! Ты ж своих постояльцев сам и травмишь за их же копейки!

— Ну попробовать-то было можно, — ничуть не обиделся уличенный в нечестной наживе предприниматель. И засуетился, снимая с телеги две увесистые корзины: — Вот тут, госпожа ведьма, хлебушек, маслице, сметанка, молочка пара бутылочек. Парочка мясных пирогов и горшочек с кашей. — Феклий запнулся и посмотрел на меня несчастными глазами: — Я вам, госпожа ведьма, даже пару курочек положил без договору. Если бы вы могли на меня плюнуть...

— Что сделать? — чуть не села я на задницу, отвлекаясь от изумительного вида еды. — Куда плюнуть?

— Так на лысину же, — пояснил трактирщик, под стоны корчащегося на крыше кота. — Говорят, плевок ведьмы волосы растит. Так вы уж не жальтесь, плюньте хорошенько, чтобы на всю голову хватило, а?

— Головы тут всем не хватает! — истерически ржал наверху кот, забыв от опасности рыцарской любви. И чуть не свалился вниз. Вовремя успел когтями затормозить. А то наш рыцарь как увидел, так сразу ловить побежал. Застыл внизу с раздвинутыми руками, в одной меч острием вверх торчит. Красота!

— Хорошо, — поразмыслила я над обменом. — Я на вас наплюю, но в следующий раз вы мне еще двух курочек привезете. Копченых!

— Конечно, госпожа ведьма, — согласился Феклий и застыл в экстазе, закрыв глаза и наклонив голову.

Я обзрела поле деятельности и пошла пить воду. А потом честно выполнила свой долг. Наплевала на мужика от души.

— Госпожа ведьма, — подошел к нам загнанный рыцарь, — это какой-то новый ритуал? Помогает в подвигах?

— Это, — покосился на него раскрасневшийся трактирщик, радостно размазывая «лекарство» по лысине, — помогает для личной жизни!

— А-а-а, — ничего не поняв, кивнул рыцарь, облокачиваясь на меч. С тоской посмотрел на кукующего на крыше кота и предложил: — Может, вы на меня тоже плюнете?

— Идите работайте, — строго сказала я претенденту на лапу и хвост. — Нечего искать легкие пути в свершении подвигов!

— Так я уже все насвершал, — махнул в сторону огорода законсервированный мужчина. — Там уже ничего не

осталось.

— У нас мало дров! — подал голос Гри, которому сверху было все хорошо видно. Он просто обозревал поле деятельности и руководил, как мог. — Если рыцарь не хочет вызвать мое неудовольствие, то пусть идет валить лес! — И не удержался: — Или сам валит на все четыре стороны!

— Рыцарь не хочет, — вытер пот со лба претендент, — а вот мне уже как бы и все равно...

— Но-но, — задавил в зародыше бунт кошак, — нечего отлынивать! Сейчас натренируешься, потом все кобылы твои! Даже без зелья!

— Ладно, — согласился несчастный и пошел валить лес. Опять же мечом.

— Ну вы и зверь, господин кот, — восхищенно сказал трактирщик, пятясь к своей индифферентной лошадке. — Так изящно согнуть аристократа в дугу и послать к дровам... Мое почтение! — и залез на облучок.

— Ой! — вспомнила я. — Вы ж зелье свое забыли! Принести? — хотя нести было нечего, мы его просто не доварили. Я не успела, а потом без чуткого руководства просто не осмелилась.

— Да я потом заберу, — почему-то не рискнул здоровьем Феклий, споро разворачивая свое ездовое средство. — Через пару дней наведаюсь, заодно и результат проверим... — и исчез.

— Терзают меня смутные сомнения, — сказал кот, глядя вдаль задумчивыми глазами, — что у него не только волосы не вырастут, но и последние сбегут. Главное, чтобы не к нам. А то судя по всему, нам теперь нужно открывать приют для бесхозных рыцарей...

— Есть будешь? — засунула я любопытный нос в одну из корзин.

— Буду, — не стал чиниться Гри. Закапризничал: — Ты мне сюда принеси, а то я спускаться опасаясь. Пусть мужчина спокойно работает, не отвлекается.

— Слушай, — пыхтела я, забираясь на крышу, прижимая к себе хлеб, бутылку с молоком и кусок вкусно пахнущей колбасы, — ты, блин, тоже как принц! Все чужими руками — и в номера!

— Ты мою родословную видела? — выхватил у меня колбасу кот. — Нет? Вот и молчи! По сравнению с ней колдовская книга маленький блокнотик, так что я не принц — я, блин, дурак, потому что с такой родословной сижу с тобой на крыше, а внизу рыцарь кромсает несчастное дерево, вырезая на нем врага.

— Критично, — согласилась я с ним, усаживаясь около него на теплой от солнечного света крыше.

Так мы и встретили закат второго дня, сидя рядышком, передавая друг другу бутылку с молоком.

— Может, его тоже накормить? — икнула я от сытости, довольна поглаживая себя по животу.

— Ага, — лениво махнул хвостом кот, — и спать положить. С собой. Пожалей мужика — он и так ущербный. Пусть еще поживет на свете, не заикаясь и в сухих штанах.

— Ты — зараза, — заверила я его, почему-то абсолютно не обижаясь и подвигаясь к нему под бок. — Прямо не знаю: то ли тебя с крыши скинуть на радость рыцарю, то ли самой придавить на радость мне? Как ты думаешь, что мне выбрать?

— Спи давай, — зашевелился рядом Гри, устраиваясь поудобнее. — Завтра вставать рано, а мне еще караулить чтобы ты к рыцарю на голову не рухнула ночью.

— Он на меня не претендует, — зевнула я, укладывая тяжелую голову на пушистый бок. — У него к тебе нежные чувства, только вот вопрос на засыпку: если он тебя получит, то что он с тобой будет делать?

— Преклоняться? — промурлыкал Гри, погружая меня в глубокий сон.

Утро встретило нас прохладой, матюками и какой-то чуркой, застывшей фигурой скорби посреди нашего двора, держа в вытянутой руке несчастного рыцаря с мечом в мягком месте.

— Гри, — толкнула я дремлющего кота, протирая глаза, — это кто? Почему он так плохо обошелся с нашим рыцарем?

— Это? — приоткрыл золотой глаз кошак, — Местный леший. Небось познакомиться пришел. А плохо он обращается только с мечом. Нельзя так поганить оружие. Оно и заржаветь может.

— Здрасьте, — скатилась я вниз и поспешила на подмогу. Ну и заодно на лешего поглазеть. Никогда не видела, а вдруг больше и не увижу? — А вы к нам по какой надобности?

— Вот ты ведьма, — проскрипела чурка, зыря на меня узкими щелями, горящих красным глаз, — а позволяешь такое непотребство со своим домом учинять! Срамота это! — и повернулся вместе с рыцарем в сторону леса.

Я глянула и обомлела. По всему переднему ряду на деревьях были вырезаны женские фигуры в разной степени обнаженности. А рядом с каждой дамой обязательно отирался кот, вырезанный с особенной любовью.

— Это настоящее искусство, — прошептала я, чуть ли не благоговейно. Опомнилась: — А почему вы, рыцарь, дам раздели? Деревя на одежду не хватило?

— Наши руки не для скуки! — заржал проснувшийся кот, но спускаться все же не спешил.

— Если бы кто-то не отсиживался на крыше, — выдал рыцарь, каменяя скулами, — то я бы не оказался в таком неприятном положении!

— Если бы я не отсиживался на крыше, — рявкнул Гри, начиная распушать шерсть, — то ты бы оказался еще в более неприятном положении! Потому что я мало того что кот, но еще и мужчина!

— Это такие мелочи, когда дело касается чувств, — замотал головой рыцарь.

— Вы чего тут все нанюхались? — отмер леший. Повел носом: — Вроде бы зашибенка в другой стороне цветет...

— Леви, — все же полез вниз кошка, — ты бы не мог этого активиста еще чуть-чуть подержать, пока мы за грибами сходим? Надо ему голову на место вернуть, а если он за нами увяжется, то гарантированно ее потеряет.

— Я все могу, — согласился леший, сосредоточенно рассматривая фигуры. Тряхнул рыцаря: — Это ты, поганец, с натуры вырезал или измыслил по злему умыслу?

— Ну они найдут общий язык, — заверил меня Гри, отвлекая от такой занимательной беседы. — Пошли уже, пока все грибы не разбежались. Еще одного дня на крыше я просто не выдержу. Смотреть сверху на все это безобразие без возможности поучаствовать — это, я тебе скажу, тяжело!

И мы пошли по грибы.

Если бы я знала, насколько эта авантюра отличалась от нормального похода за грибами, то усыновила бы этого рыцаря всеми способами.

Грибы-спринтеры не просто носили это гордое звание. Нет, они им всю пользовались, удирая от нас на одной ножке шустрее, чем мы гонялись за ними на двух своих. Причем эти создания, похожие на недоразвитые мухоморы, еще весело перепискивались и строили всяческие козни, мешая своей поимке.

— Все, — плюхнулась я на задницу, вытирая со лба пот кончиком платка, — больше не могу! В любом случае, даже если я кого-то из них поймаю, то все равно не смогу бросить в котел живое существо...

— Конечно, — закатил глаза Гри, присаживаясь рядом и незаметно переводя дух, — ты предпочитаешь мучить исключительно мертвых зайцев. — Пригрозил: — Если ты не освободишь меня от этого извращенца в потных доспехах, то я буду мучить тебя злобным привидением...

Я посмотрела на грибы, на кота, потом снова на грибы и поползла за освобождением. Все же Гри мне был как-то ближе.

Бац! — столкнулась я с кем-то лбами. У кого-то лоб был заметно крепче моего.

— Уй! — плюхнулась я на задницу, потирая ушибленное место. И тут разглядела с кем столкнулась: — А-а-а! — подорвалась, как на mine, и попыталась спрятаться за котом.

— Привет, Гри! — весело помахал мне копытцем натуральный чертик зеленого цвета. — Чего у тебя новая ведьма такая нервная?

— А зачем ты ей рога наставил? — обиделся за меня кошка, поглаживая лапкой две шишки на моем лбу. — Ты ж меня знаешь, если тебе свои надоели, я отшибу с радостью, но мою ведьму трогать не позволю! — Он посмотрел на меня с жалостью: — Она и так тронутая!

— Это кто? — решила я не обращать внимания на злобные инсинуации.

— Разрешите представиться, — галантно шаркнул копытцем чертик, — Чертова Малютка!

— Екарный бабай! — обомлела я от такого, распахнув широко глаза.

— Какое у вас элегантно имя, — позавидовал чертик, потирая пяточок. — Не то, что у меня... каждое поколение одно и то же. Мы даже перестали добавлять к имени номер, потому что он уже шестизначный.

— Это не имя, — призналась я, поглаживая Гри между ушами для своего успокоения. — Это радостное выражение от нашей встречи. А так меня Зоя зовут.

— Приятно познакомиться, — еще раз шаркнул копытцем Малютка. — А можно я его себе, как прозвище возьму? — Он закатил пурпурные глазки: — Меня будут звать — Чертова Малютка Екарный бабай!

— Пользуйся! — от чистого сердца разрешила я, отрывая от себя репы.

— А что вы тут делаете? — сообразил Чертова Малютка, когда прекратил примеривать на себя новое имя. — Чем-то помочь?

— Мы тут грибы ловим, — призналась я с тяжелым вздохом, с вождением рассматривая кучкующихся неподалеку паразитов со шляпками. — Но пока безрезультатно.

— А зачем? — задал резонный вопрос абориген.

— Нам нужно рыцаря от кота отворожить, — честно сказала я, осознавая, насколько бредово это звучит. — Мы устали спать на крыше.

— Кучеряво живете, — позавидовал нам чертик. Поманил копытцем ближайший гриб. И как только он приблизился, схватил его и скомандовал: — Давай обалдуйку!

Гриб напыжился, сморщился и выплюнул из себя розовую палочку, слегка переливавшуюся в солнечном свете. После чего был благополучно отпущен на волю.

— На, — протянул мне добычу Малютка. — Дашь этим своему рыцарю в лоб, и он сразу от вас отстанет. Гарантировано.

— Погоди, — нахмурилась я, растерянно разглядывая подарок, — а он хоть жив после этого останется? Я против насилия над личностью!

— Кто ж его знает, — задумчиво почесал пяточек чертик. — У каждого своя реакция. Если ваш рыцарь без вас жить не может, так очокурится. — Тут Малютка нахмурился: — Вы его тогда в моем озере не топите. У меня мама такие запахи плохо переносит...

— Боже, — закатила я глаза, — а мы вообще хоть что-то без членовредительства сделать можем?

— Пока ты исполняешь обязанности ведьмы, — влез молчавший до этого Гри, — нет! И почему тебе жалко какого-то приبلудного рыцаря? Почему тебе не жалко такого домашнего меня?

— Пошли уже, одомашненный дикарь, — выгатила я из его шерсти пару репьев. Поблагодарила чертика: — Большое спасибо за своевременную помощь и за спасение жизни героического кота!

— Обращайтесь! — приветливо помахал нам копытцем Малютка, исчезая в кустах.

Когда мы уставшие и голодные доползли до избушки, то застали незабываемую картину. На крылечке держали оборону рыцарь и леший, отбиваясь от громадной очереди лысых, которую возглавлял Феклий с торчащими во все стороны волосами из-под фетровой панамы.

— Госпожа ведьма! — углядел меня счастливый трактирщик, расплываясь в радостной улыбке. — А я вам тут клиентуру привел! Потому что у меня вот! — стащил он свою панаму и продемонстрировал кучерявую шевелюру разных цветов от синего до розового.

— Пипец! — шлепнулся на задницу кот, крутя башкой во все стороны. — Ты чего наелась, что такой оттенок выдала?

— Госпожа ведьма, — заволновалась лысая очередь, — мы на все согласны. И оплату принесли, — все ошетинились корзинками с продуктами.

— Не пойдет, — покачал головой практичный кошак. — Нам много, хранить негде. Значит так, все расходимся и возвращаемся завтра с деньгами! Плевать на лысину будем в зависимости от принесенного денежного пособия!

Очередь расстроилась, почесала лысины и рассосалась, успев договориться на завтра с нами и на займ с довольным трактирщиком.

— Вы это, — помигал на нас алыми глазами леший, прижимая к корявой груди пришибленного рыцаря, — в лесу только не плюйте, а то мало ли что... — И протянул нам страдальца. — Сомлел слегка, а так ничего... еще дышит.

— На! — шлепнула я рыцаря по лбу розовой палочкой. — Иди с миром!

— Добрая вы, госпожа ведьма, — чуть не прослезился леший. — Такой дозой мужика наградили. Он теперь будет самый счастливый и просветленный!

— Это почему? — нахмурилась я, подозревая грандиозный подвох.

— Так вы ж его ото всех на пару лет отвратили, — радостно сказал лесной хозяин. — Он теперь уединения будет искать, просветления. Глядишь, и человеком станет, а не просто рыцарем, или, не дай-то лес, принцем!

— И чего вы все так принцев не любите? — вытаращилась я на лешего, неспешной поступью уносящего в лес бессознательного рыцаря, чтобы сделать из него человека.

— А чего их любить? — прекратил махать лапкой вслед Гри. — Наглые, бесцеремонные, жадные — только с половины царства начинают предложения рассматривать. — Кот продолжил перечислять: — А ленивые какие — с коня лишний раз не слезут. А уж гонору сколько, — закатил кошак глазищи. — Помню, в прошлом году один такой к нам на огонек забрел. Так кобенился, пока требования свои выдвигал, и принцессы ему нужно три, и коня три, и замка три! И все возмущался: почему он за все это должен платить!

— Заплатил? — заинтересовалась я историей, открывая дверь и заходя в избушку.

— А куда ж делся? — заверил меня Гри, следуя за мной. — Кто ж в здравом уме будет иметь ведьму в кредиторах? Правда, — он почесал лапой лоб, — я бы не сказал, что у этого принца вообще был ум.

— То есть, — стащила я со стола горшочек с кашей, — у вас здесь нормальных принцев нет?

— Ты хочешь сказать, такие где-то есть? — вылупился на меня кот. — Селекцией, что ли, разводили? У нас-то обычно, кто кровожаднее и наглее, тот престол и захватывает. И-и-и ка-ак давай свои испорченные гены дальше по цепочке передавать...

— Ик! Не надо подробностей, — быстро перебила его я. — Мне и так сегодня всего хватило. Давай лучше какое-нибудь зелье сварим? От облысения, например?

— Это зелье твой организм сам выработает, — сообщил мне ехидный кот. Задумался: — Вот только никак не пойму, каким образом твой яд влияет на рост волос?

— Сейчас как плюну на тебя, — прищурилась я, — и мы сразу все проверим на практике!

— Или лучше спи, практикантка, — беззлобно фыркнул Гри, на всякий случай опасливо отодвигаясь подальше. И я послушалась.

Надо признать, я на удивление прижилась в этом странном мире, в который меня закинуло каким-то

мистическим образом. В сущности, я была даже за это благодарна. Что ждало меня в моем мире? — перемещение из одной больницы в другую? Мучительные операции и еще более мучительное разочарование? Пустая квартира, где все трагически напоминало о дружной и любящей семье? Одиночество и косые взгляды?

Здесь же я обрела свою новую семью. У меня был Гри, который, хоть вредничал и язвил, но постоянно был рядом, помогая во всем. Именно он утешал меня, когда я впервые попыталась нарубить дрова и мне попало отскочившей чуркой. Именно он грел меня ночами и мурлыкал нежные песенки. Именно с ним я постигала сложную науку ведения домашнего хозяйства и плетения заговоров.

Также почти через день к нам наведывались леший с рыцарем, взяв меня под свое крыло. Леший учил меня разбираться в травах, а рыцарь владеть мечом. Однажды я спросила его об имени, но мужчина улыбнулся и сказал, что для меня он так и останется рыцарем, потому что это его долг, а все остальное суета сует.

Чертова Малютка забегал по нескольку раз в неделю рассказать о своих новостях и подобрать прозвища для своих многочисленных братьев и сестер. И поскольку запас у меня был большой, то чертово семейство обогатилось такими именами, как Ешкин Кот, Тыгыдымский Конь, Мурлин Мурло и все из той же оперы.

С трактирщиком у нас вообще установились крепкие товарно-денежные отношения. Он поставлял нам лысых клиентов со средствами, а я ему бесплатно плевала на темечко в целях профилактики и платила деньгами за продукты.

Жизнь налаживалась. Прошли весна и лето, отшумела золотая осень, наступила зима. Замели метели, закружили вьюги, ударили морозы. Нас с Гри отрезало от всего мира. Но нас это не слишком волновало. У нас все было: крыша над головой, дрова и еда.

Единственное, что случилось плохого — это я заболела. Выскочила раздетая за дровами и простыла. Гри упорно отказывался варить со мной зелье от простуды, отговариваясь тем, что на саму ведьму ее зелья действуют непредсказуемо, и пичкал меня горячим чаем с малиной и медом.

— Тебе не кажется, — сипела я, сморкаясь в тряпицу, — что кто-то скребется в дверь? Или я уже твоего меда перепила?

— Нет, — наострил уши кот, — действительно, кто-то шарудится за порогом. — Раздраженно махнул хвостом: — Не будем открывать! У нас производственный перерыв! Отпуск!

— Ну да, — хрюкнула я, — нормальные люди летом отдыхают, а мы зимой. И вдруг кому-то помощь нужна?

— И что? — взглянул на меня Гри, — кому ты сейчас в таком состоянии поможешь? Соплями поделишься? Или в уши накашляешь?

— Чем смогу, тем и кашлянну, — сползла я с теплой лежанки, сунула ноги в растоптанные валенки и пошла посмотреть, кто там такой нетерпеливый, что до весны подождать не может.

Открыла дверь и чуть не свалилась, практически примерзнув к валявшемуся около порога рыцарю.

— Гри! — закаркала я, заходясь в кашле. — Тут у нас рыцарь...

— Оставь его там, — посоветовал кот, высывая морду. — Нечего всякую дрянь домой тащить! Тем более, видишь, какой подкопченный. Скорей всего к дракону ходил. Только какого ляда его к дракону зимой понесло? Или он только сейчас из драконьей пещеры вышел, бедолага?

— Давай все же затащим, — посмотрела я на тело в упаковке. — Умрет же.

— И что? — фыркнул кровожадный кот.

— До весны полежит, — размышляла я вслух, — и все равно придется тащить, но дальше, чтоб не вонял. А так только внутрь, а там посмотрим.

— Ты учти, — предупредил меня Гри, вставая на пороге мощным заслоном, — этого лося нужно будет кормить! И не грудью, — он покосился на меня. — Впрочем, ты даже если бы и захотела, то не смогла бы.

— Извращенец, — кашлянула я, схватила рыцаря за ноги и потащила в избу, практически надрываясь на работе. Шлем радовал звоном, встречаясь с одной ступенькой, второй, третьей, порогом, ведром, ножкой стола...

— Фу-у-у-у! — отцепилась я от внепланового клиента, потирая поясницу. — Это не лось — это целый мамонт! Я уже чуть не родила, пока его тащила!

— Зоя, — строго сказал мне кот, брезгливо глядя со стола на рыцаря под столом, — ты только, пожалуйста, помни, что количество продуктов уменьшается согласно приросту населения. А мы в осаде — трактирщик до оттепели к нам не пройдет, если только внепланово не облысеет. Тогда он точно борозду пропадет...

На этом месте рыцарь глухо застонал и выдал:

— Ведьма, вылечишь — кисет золотых!

— Ему, наверное, неудобно на полу лежать, — моментально сменил пластинку корыстный кот. — Давай хоть на лежанку его закинем?

— Давай для начала, — с сомнением посмотрела я на клиента, — его разденем.

— Ну ты сильна, — восхитился мной Гри. — Еще пальцем не пошевелила, а уже хочешь мужика догола раздеть.

— Пошевелила. Так пошевелила, что прострел заработала, — показала я на ноющую поясницу. — И голым его не хочу — замерзнет. — Посмотрела на поле деятельности: — Гри, ты в курсе, как выковыривают мужчин из этих консервных банок? Есть какой-то пульт управления?

— Пульт управления есть у каждого мужчины, — почему-то обиделся кот, поворачиваясь ко мне хвостом. Это он мне на что намекал? — А доспехи снимаются послойно.

— В смысле? — не поняла я инструкции к применению. — Он сам линяет? Естественным путем? Серьезно?

— Нет! — рявкнул Гри, поднимая шерсть. — Этот точно не слиняет! Он застрял с нами до весны! А доспехи снимай по одному, развязывая завязки и расстегивая застёжки. Хоть с этим справишься?

— Постараюсь, — скептически посмотрела я на рыцаря. — Надеюсь, у него высокая способность к выживанию, и он не откинёт свой гюльфик в процессе раздевания.

Через пару часов я с трудом стащила с клиента шлем, чуть не открутив ему при этом голову. А я виновата, что кто-то слишком умный не выдал мне подробную инструкцию по снятию доспехов? Откуда я знала, что на шлеме, кроме завязок, есть ещё застёжки? Он бы его ещё к себе намертво припаял!

— Красивый? — ревниво крутился рядом кошак.

— Чего? — вытерла я со своего лба пот, а с рыцаря сажу. — А какая разница?

— Разница есть, — заверил меня слишком взбудораженный кот. — Если угробишь — красивого будет жальче.

— А если не угроблю? — любопытствовала я, особо в это не веря.

— Тогда будет жалко, что не угробила, — фыркнул Гри, внимательно рассматривая нашего нового питомца. Ой, постояльца. — Будет мужик долго-долго мучиться напрасно и откинётся без мира. Давай его хоть умоем, а? Пусть в мир иной с чистым лицом откатится...

Я злобно зыркнула в сторону пессимистичного прогнозиста и пошла греть воду. Заодно заварила себе чай и попивала его, стоя над рыцарем и раздумывая — а не взяла ли я на себя невыполнимые обязательства. Чужо мое сердце, что к тому моменту, как я его раздену, его нужно будет одевать обратно, провозжая в последний путь.

Но прогнозы прогнозами, а иметь такое украшение посреди нашей избы мне не хотелось. Каждый раз будешь спотыкаться, как к столу подойдешь. Поэтому я продолжила вивисекцию над несчастным рыцарем, которому не повезло попасть к ведьме.

Для начала я все же воспользовалась советом Гри и умыла мужчину. Кроме любопытства, я еще преследовала достаточно практичную цель. Если он все же выживет и сбежит, должна я буду знать в лицо того, кого должна найти и добить своей заботой?

Когда рыцарь отмылся, то обнаружилось, что природа ошиблась и выдала мне для экспериментов элитную особь.

— Вот надо бы найти хоть какой-то дефект, — пробурчала я, разглядывая подопытного, — да не получается.

— Давай, — кровожадно предложил мне Гри, — я ему глаз выковыряю? Или нос откушу.

— Ему и так не повезло к нам попасть, — прикрыла я рыцаря собой, — так ты еще хочешь это невезение сделать фатальным.

— Дракон, — заволновался рыцарь, начиная дергаться и греметь. — Где мой меч? Дракон!

— Рыцари всегда столько шума издают? — бросилась я сверху страдальца, надеясь все же оглушить, а не раздавить.

— У него микробы! — начал стаскивать меня с мужчины разозленный кот. — Он антисанитарный! У него доспехи не прокипяченные!

— Для того, чтобы их кипятить, — удерживала я рыцаря, прыгая на нем, как на движущемся танке, — его как минимум от них нужно избавить!

— Давай прямо в них и сварим! — выдал ну уж совсем кровожадный кошак. — Так и вышелушивать будет легче и руки меньше испачкаются!

Но я не согласилась. Рыцарь, впрочем, затих сам. Додергался до ножки стола, сам себя ей успокоил и затих.

— Видишь, — сползла я с клиента, переводя дыхание, — все можно решить мирно, но твердо!

— Не устанавливай тесную связь, — протиснулся между мной и рыцарем кот, начиная топтаться на немоющем страдальце. — Это неприлично и небезопасно. Вдруг он ка-а-ак на тебя прыгнет?

Я скептически посмотрела на полумертвого мужчину и подумала, что не удивилась если бы, он восстал как зомби, но вот что он может прыгать — мне верилось с трудом.

— Давай я сам его раздену, — как-то очень героически предложил Гри, оттесняя меня подальше и усаживаясь на рыцаря так, чтобы перекрыть дыхание. — Ты болеешь, плохо себя чувствуешь... — Словно в ответ на его слова, мужик начал судорожно сучить ногами.

Я бросилась на него сверху, подмяв под себя кота тоже. Как рыцарь выжил — ума не приложу. По моим скромным подсчетам он должен был скончаться и радоваться, что до своего рая добрался не шибко покалеченным.

— Гри! — не выдержала я, стащила расплюснутого кота, вооружилась ножом и пошла на штурм. — Мы все же

должны попытаться его спасти!

— И мы его... спасем, — заверил меня кошка, уворачиваясь от летевших во все стороны металлических частей, которые я просто срезала с тела. Ну не сами, конечно, части, а завязки, — если ты его сейчас не нашинкуешь на дольки от такого энтузиазма. Топор принести?

— Фу-у-ух! — разогнулась я, рассматривая дело рук своих и тело, созданное при помощи мамы и папы. Тело было накачаным, грязным и вонючим. — Скажи мне, Гри, нынешние рыцари носят исподнее, пока не сопреет? От него так разит, как будто он пару веков не мылся.

— Он мне тоже не нравится, — прикрыл лапой нос кот, — но справедливости ради хочу заметить, что это не пот — это слюна дракона. Уж не знаю, каким мистическим образом этот качок добыл сию редкость, но именно поэтому не сгорел в драконьем пламени.

— Почему редкость? — полюбопытствовала я, наливая горячую воду в горшок и приступая к омовению. Если этот красавец и окажется в моей постели, то чистым!

— А ты много знаешь драконов, развешивающих свою слюну на все стороны? — ответил вопросом на вопрос кот.

— Ни одного! — согласилась я, успев вымыть клиента по пояс сверху и спереди. Теперь я обозревала кальсоны до колена, заканчивающиеся кружавчиками. И брало меня сомнение, что лично мне нужно смотреть на то, что под этим покоится. — Но я вообще ни одного не знаю, так что это не показатель.

— Зоя, — сунулся мне под руки кошка, — давай я его снизу сам домою. Все же мужчина с мужчиной легче найдут общий язык... — И лапой ему горло, засранец, передалил.

— Гри, — оттолкнула я кота мягко, но решительно, — я все равно посмотрю, что у него под кальсонами. И если там все в таком же состоянии, как и остальное, то моя стыдливость не пострадает. — Я ткнула тряпкой в рыцаря: — Просто под слоем слюны...

— Ты думаешь, — вытаращился на меня кошка, — он и туда намазал? Это сколько же у него денег? — он воодушевленно покосился на уже синеющего на полу рыцаря. — Может мы его хоть на коврик положим? Если у него столько золота, то, глядишь, и нам чего перепадет? Только для этого он как минимум должен говорить, чтобы отдать нужное распоряжение.

— Ты такой корыстный, — обвинила его я, стаскивая с рыцаря последний оплот стыдливости. И поняла: то, что рисовали в учебниках анатомии и показывали по телеку, ничего общего с этим не имеет! — Нихрена себе! — выдохнула я, даже не решаясь это помыть. — А я-то думала, где его меч...

— Все! — взвился кот и начал меня отпихивать, вырывая зубами тряпку. — Это не для твоих глаз! И это не надо лечить! У него шишка на голове! Сотрясение мозга! И ожог после драконьего пламени!

— Откуда ты знаешь про шишку и сотрясение? — с уважением посмотрела я на беснующегося кошака.

— Вот откуда! — прошипел злющий Гри, приподнял голову рыцаря и долбанул ей об пол. — Сотрясение! Лечи! А все, что ниже — чисто функциональная необходимость!

— Ладно, — не стала я с ним спорить, чтобы мы еще каких-то диагнозов клиенту не добавили. — Наверное нужно его во что-то одеть... У нас хоть что-то есть в загахниках?

— Одни растраты, — озлобленный Гри прыгнул на лежанку и оттуда полез под крышу. Поковырялся там и вниз полетели розовая рубаха с синей вышивкой и зеленые штаны. — Держи!

— Мда, — стояла я над рыцарем, прикрывая ладонью рот, чтобы не накашлять на него микробов. Ему бедному и так хватило. Если бы он увидел себя в зеленых широких коротких штанах, из которых беззащитно торчали стройные волосатые ноги, то бежал бы отсюда, сверкая голым задом, не прикрытым изумительной рубахой, заканчивающейся ему под мышками и завязывающейся на груди бантиком на манер распашонки.

— Больше мы его зачморить не могли, — сделала я вывод. — Давай уже проявим человеколюбие и перетащим его на лежанку. А то мне уже хочется его обнять и плакать.

— Не надо, — загородил собой мужика Гри, — это лишнее. Плакать можешь на моей волосатой груди. Сразу будет чем слезы утереть.

Совместными усилиями и при помощи слов, высказанных в единодушном порыве, мы завалили рыцаря на лежанку около окна и стыдливо прикрыли одеялом, чтобы не видеть прямой укор нашей медицине. Гри сменил гнев на милость после того, как мы все целомудренно закрыли, и даже напоил клиента чаем с медом. Правда, меда там было ровно столько, сколько оставалось на моей ложке, которую он из вредности не помыл. Но ведь все же сделал шаг навстречу милосердию — дал напиток! Хотя, думаю, рыцарь бы предпочел что покрепче. И вообще, если бы этот несчастный мог выбирать, то, предполагаю, он бы выбрал сразу окочуриться в логове дракона. В этом случае он хотя бы доставлял врагу неприятности, а себя освобождал от дальнейших мук.

— И как его лечить? — покосилась я на мужчину, безучастного ко всем вывертам жизни. — Я, собственно, даже не знаю, почему он без сознания. Ну, кроме того, что ты его об пол башкой долбанул от радости встречи.

— Будем лечить от драконьей напасти, — решил Гри, запрыгивая на стол и превращаясь в книгу. Пошелестел

страницами и начал перечислять: — Итак, нам нужен обалдуйник репейчатый, копек убойный и отвратник огненный. И крысиный хвостик!

— А кошачья шерсть? — невинно поинтересовалась я, доставая все нужное. — У тебя уже есть опыт с рыцарем...

— Этот не может рубить дрова! — отрезала книга. — Давай не отвлекайся. Нам эту бодягу пару дней варить!

— А он за пару дней не окочурится? — засомневалась я. — Что-то он так тихо лежит...

— Значит, сварим про запас, — утешил меня кошка. — А потом будем звать лешего и прятать труп. Заодно и поведемся. Такой хороший повод.

— Ты неисправим, — зажгла я ведьмовской котел. — Так и норовишь во всем плохом найти хорошее.

И мы сварили это зелье. Но пока варили, я поняла одну немаловажную вещь — все, что писали в романтических фентезийных романах — полная и безоговорочная туфта! Они никак меня не подготовили, что рыцаря нужно было кормить, обтирать (ну ладно — это изредка, но встречалось)... но что ему нужно ходить на горшок — мне никто не доложил! Мне пришлось пожертвовать парой своих юбок, изобразив подобие памперсов, потому что кто-то в силу бессознательности не просился на горшок! И мне все это пришлось стирать! Вручную, потому что стиральной машины-автомата тут нет. Мра-а-а-ак!

— Вот, — ржал во всю плотку Гри, пока я сражалась с бельем в корыте, как с драконом, — теперь ты точно не видишь в нем мужчину!

— Я и раньше не видела, — призналась я, смахивая со лба пот. Болезнь все еще никак не хотела уходить и голос оставался хриплым. — Ну и что, что он красавчик. Подумаешь, высокий, мускулистый и брюнет. Ты тоже брюнет и мужчина — что же, мне на тебя слюни пускать?

— Могла и бы попускать, — надулся кошка. — А если он тебя никогда не привлекал, то чего ты на его достоинство так пялилась?

— Исключительно в целях самообразования, — развесила я белье около горячей печки. — Должна же я знать...

— Не должна! — ошетинился кот, семафоря мне глазищами. — Ты ещё юная ведьма, а юным ведьмам не положено глазеть на чужие причиндалы...

— Бабка, — внезапно подал голос рыцарь, — воды...

— Это он кого зовет? — повернула я голову на звук. — Это у него галюники на наше зелье? Или он свою бабушку вспоминает?

— Это он тебя зовет, — на голубом глазу выдал мне Гри. — Ты вся до бровей замотана, одежда мешковатая, из-под платка белые волосы, как седые, торчат, физиономия опухшая, голос соответствующий. Делай выводы.

— Сделала, — нахмурилась я. — Давай приедем, а? Я его, понимаешь, выхаживаю, как родного, а он со мной так...

— Радуйся, — замотал хвостом во все стороны кошка, — что он в тебе бабку видит. — Прищурился: — Или ты бы хотела с ним разделить радость секса?

— Это почему? — не поняла я.

— Потому что существует поверье... — потер лапой нос Гри. — Если переспишь с юной ведьмой, то станешь неуязвимым и член вырастет...

— Куда уж больше-то, — вырвалось у меня.

— И потенция никогда не спадет, — закончил довольный представитель семейства кошачьих. — Ты думаешь, почему все молоденькие ведьмы прячутся, а старые мужиков отлавливают? Вот из-за этого!

— Не, ну что прячутся — понятно, — натянула я платок побольше, — а вот зачем отлавливать?

— Так проверить, — пояснил Гри, — вдруг именно этот за ее счет свою потенцию хотел и смог поправить. Да и отомстить заодно. Впрочем, — пожал плечами кот, — они все равно мстят всем подряд, потому что нет на этом свете мужика, который бы не отказался от большого члена...

— Пить... — снова раздалось с лежанки.

— Иду, унучек! — прокаркала я, наливая в кружку воды. — Иду, касатик!

— Во-во! — напутствовал меня чем-то страшно довольный Гри. — Только не касайся его, а то нацепляешь чего-то ненужного. Детей, например!

Я присела рядом с рыцарем, приподняла его голову и осторожно напоила водой. И когда уже опускала героическую башку обратно, пациент нашего дурдома открыл глаза, оказавшиеся карими омутами, опущенными черными ресницами и достаточно резво сграбастал меня за руку:

— Ведьма, если поднимешь меня на ноги — озолочу!

— Да я это... — растерялась я от неожиданности. — Да мне не...

— Сколько? — тут же нарисовался около лежанки корыстолюбивый кот. — О какой сумме идет речь? И мы бы хотели получить аванс! А то вылечишь, а потом будешь бегать за оплатой. А у нас дел много — людей калеч...

лечить нужно! И на лысины плевать!

— Лысины? — вытаращился на нас рыцарь. Запустил руку в свои густые черные волосы и вздохнул с облегчением: — У меня нет лысины!

— Скидок не даем! — не сдавался прижимистый кот. — Это для бедных, а у вас доспехи...

— А где они? — тут же вспомнил о своем имуществе рыцарь, приподнимаясь на локтях. — Где мои зачарованные доспехи?

— На помойке, — честно ответила ему я. — Они не пригодны для дальнейшего использования. Пострадали в неравной борьбе!

— Да, — согласился со мной рыцарь, откидываясь на подушку, — дракон был большим и суровым.

И я не стала его разочаровывать, что дракона-то его доспехи пережили, а вот ведьму нет. И опять же, пусть думает, что ущерб нанес какой-то мифический дракон, а не я. Тогда и возмещать ничего не придется.

— Э-э-э, — вспомнила я об одном упущении. — А как вас зовут? — Все же менять памперсы безымянному мужику это не тоже самое, что с именем. И потом я буду чувствовать себя гораздо лучше, если буду знать, что именно писать на могиле, если я его все же угроблю.

— Зови меня Ромуальд, — высокомерно сказал рыцарь. И я в нем полностью разочаровалась. Ну как можно серьезно относиться к кому-то с именем Ромуальд? В этот момент я твердо решила пленных не брать!

— А меня... — все же отошла я от шока и решила проявить легкую вежливость.

— Ведьма, — поджал пухлые губы несчастный лыцарь. Конечно, несчастный с таким-то именем! И никто меня не переубедит, — мне не по чину напоминать твое плебейское имя! Лучше накорми меня!

Мы переглянулись с котом.

— Принц? — прошептала я одними губами.

— Хуже, — в таком же стиле ответил мне Гри. — Принц-рыцарь. Это не лечится — это врожденный дефект.

— И где у нас касторник царский? — встала я с лежанки. — Пора варить новое зелье для поднятия духа рыцаря Ромуальда!

И мы так подняли ему дух! Ну так подняли, что после принятия нашего фирменного зелья на грудь, мужик вскочил, как новенький, и все сугробы перемерил, пока дорогу к сортиру искал. Зато сразу выздоровел. Оказывается, ничего не лечит голову лучше, чем прочищение мозгов. Снизу!

— Зоя, — сказал мне Гри, глядя на меня с обожанием, — ты сдала экзамен на настоящую ведьму! Так выпнуть из избы принца может только настоящая женщина! Уважаю и преклоняюсь.

— Так он вернется, — заметила я, попивая чай с медом. — Слегка остудится и снова около порога ляжет, чтобы внутрь пустили.

— А чего сам не зайдет? — не понял меня кот.

— А я дверь на засов заперла, — призналась я, подцепляя пальцами кусочек медовых сот.

Через какое-то время раздался деликатный стук в дверь.

— Принесся, — фыркнула я.

— Принесли, — не согласился со мной Гри и пошел открывать.

Мне тоже стало любопытно, и я пошла за ним. И когда мы открыли, меня согнуло в пароксизме смеха. Такого не увидишь ни в одной сказке! Это я вам гарантирую! Просто сценаристы себе измыслить не могли подобную картину.

Около нашей избушки топтались леший и мужик с лошадиным крупом и голой посиневшей от холода мускулистой грудью. А на этом самом крупе болтался наш Ромуальд в бессознанке.

— Зоя, — укоризненно проскрипел Леви, — почему у тебя по лесу неучтенные рыцари бегают?

— Здравствуйте, — поздоровалась я и поинтересовалась: — А как вы определили, что он рыцарь?

— По шлему, — нахмурился леший. — Только я не понимаю зачем натягивать на голову железяку, если бегаешь по двору в распашонке?

— У меня два варианта, — почесала я нос, обходя хвостатого мужика сбоку и любясь на Ромуальда в шлеме. — Первый — ему стало холодно, — на этом моменте Леви, Гри и кентавр покрутили у висков межмировым жестом. — Второй — ему стало стыдно, и он скрывался.

— Он вообще-то твой? — перешел к делу леший.

— Лечу я его, — скромно сказала я, стараясь не таращиться на лошадиный круп снизу. Но глаза туда так и норовили соскользнуть. А когда еще проверишь теорию увеличение количества в ущерб качества?

— Это он к тебе бежал или от тебя сбежал? — продолжал допрос Леви. — Куда мне его? Может, себе оставить? Один рыцарь у меня уже есть, второму не скучно будет.

— Не-не, — вылез вперед Гри, — он нам денег должен за лечение! Его нельзя просто так отпускать с миром. Пусть готовится к войне!

— Мне его лень обратно тащить, — призналась я, переступая ногами в валенках. — Он и так бугай здоровый, а

тут еще шлем тяжелый. Может, зайдете, чайку попьем, сплетнями поделимся? — Тут я посмотрела на кентавра. — Только вы к нам не пометитесь... Могу, правда, и сюда вынести...

— Не надо, — густым басом сказал кентавр. Страхнул с себя Ромуальда и обернулся в человека. Причем, человека в тулупе и валенках.

У меня откровенно отвисла челюсть.

— Меня Кент зовут, — стеснительно улыбнулся оборотень, схватил рыцаря за ноги и потащил в избушку.

— А зачем? — все что могла я сказать.

— Что зачем? — не понял меня леший, разглядывая, как шлем пересчитывает ступеньки. — Судя по всему, лечить ты его будешь долго. — Погрозил мне пальцем: — Не вздумай в озере топить или в лесу закапывать, лучше сразу к людям тащи.

— А ритуальное сожжение можно? — просительно посмотрела на него я. — Представляете, он такой красивый в шлеме, я рядом с ним с факелом, Гри орет на манер плакальщиц, а?

— Иди уже домой, — подтолкнул меня Леви. — А то окончательно мозги простудишь, которых нет.

— Добрый вы, — улыбнулась я заботливому лешему, но домой пошла. Интересно же, что они с Ромуальдом там сотворили.

Оказалось, еще не успели. Шло активное обсуждение — снимать с мученика шлем или так оставить. Кот кричал, что на эту рожу он и так уже достаточно насмотрелся, а оборотень возражал, что очень трудно в шлеме определить, где у клиента рот и вливать туда лекарство.

Я прикусила язык, чтобы не поведать миру другие пути введения медикаментов. А поскольку капельницы у меня не было, то оставался один и, думалось мне, кот с удовольствием бы расширил отверстие ручкой от метлы.

Шлем они все же стащили, выкинули наружу, полюбовались на бледного лыцаря с синяками по всему лицу и уселись пить чай. И вот тут настал мой звездный час!

— А скажите мне, Кент, — пододвинула я оборотню плоску с сушеной малиной, — зачем вам оборачиваться в голого коня, если у вас есть нормальная зимняя одежда?

— Я не голый, — пробасил кентавр, с удовольствием прихлебывая душистый чай. — У меня шерсть от пояса и ниже.

— Но выше-то нет, — указала я несоответствие. — И вам, наверное, холодно. И потом, думаю, вы в любой ипостаси сильнее обычного человека, а когда вы конь, то что едите? Сено? Или зерно? А как? А...

— Цыц! — зажал мне лапами рот Гри. — Не надо об этом спрашивать. Кент неженатый, потому твой интерес может неправильно понять!

— А что женатые понимают правильно? — поразилась я такой градации нравственности.

— Это он на тебя, Зоя, хотел впечатление произвести, — проскрипел Леви, втирая в суставы деготь. — Так он обычно зимой ерундой не страдает, только в теплое время жеребится.

— Ой! — всплеснула я руками в удивлении. — А зачем вам на меня впечатление производить?

— Ведьма! — рявкнул не вовремя очнувшийся Ромуальд. — Быстро принеси мне воды!

— Сиди, — встал с места леший. Взял кружку и пошел поить грубияна и учить его новым словам, типа «пожалуйста», но тот почему-то научился «ой, мама» и «теперь чудовища приходят прямо в постель?»

— Ну как? — любопытствовала я, когда Леви вернулся к компании. — Напился?

— Нет, — мотнул головой хозяин леса. — Сознание потерял и спит. Ты, Зоя, не тревожь его. Пусть слегка в ум придет.

— Это если ум его найдет, — не смолчал Гри. — А то, я смотрю, плурует его ум извилистыми тропками и все в другую от хозяина сторону. Это ж надо ведьме грубить!

И все с жалостью посмотрели в сторону лежанки.

— Так что вам от меня надо? — поинтересовалась я у оборотня, переводя тему, пока эта жалостливая троица не пришла к выводу, что клиента надо добить, чтобы не мучился.

— Мне бы это, — потушился кентавр. — Госпожа ведьма, зелья бы вашего от потенции...

— Чего?!! — вытаращились мы на него все в изумлении. Даже Ромуальд дернулся. Знакомое слово услышал, что ли?

— Понимаете, госпожа ведьма, — покраснел Кент, вскидывая на меня умоляющие карие глаза, — у меня личная жизнь рушится. Как только познакомлюсь с приличной женщиной и дело дойдет... — Он замаялся. — До интереса по взаимному согласию, как я — бамц! — Он со всей дури треснул кулаком по столу.

На лежанке подпрыгнул рыцарь, а Гри взял чугунную сковородку для обжаривания семян убойщика и зарядил кентавру в лоб с рыком:

— Ты выбирай, чего девушке говоришь, конь гамбитный! И нечего нашу мебель ломать!

— Ой! — вскочила я, приготовившись ловить оглушенного оборотня. Таким ударом можно быка с ног свалить, но наш конь устоял. Вернее, усидел.

— Простите, госпожа ведьма, — прошептал Кент, потирая лоб. — Это, действительно, личное, но я вам, как лекарке, на духу... Только это интимное...

Уши растопырили все, даже Ромуальд.

— Выкладывайте, — серьезно кивнула я, сосредотачиваясь. Не знаю, в чем у него там проблема, но, думаю, ничего страшного в ней нет...

— Так вот, — собрался с силами кентавр, — когда мы, значит, переходим к заключительной части нашего знакомства, я тут же оборачиваюсь. — Он посмотрел на меня несчастными глазами. — Представляете себе, госпожа ведьма, коня в постели?

— Нет! — вздрогнула я. Честно говоря, я и мужчину-то в своей постели не представляла. А тут и конь, и мужик одновременно. Была неправа. Каюсь. Это страшно.

— Вот и дамы мои не представляют, — уныло сказал оборотень, потирая рукой лицо. — Говорят, что четыре немых копыта даже для холодца не нужны. — Он воззрился на меня с надеждой: — Так есть у вас такое зелье, чтобы я не оборачивался?

Мы переглянулись с Гри, и в один голос сказали:

— Найдем! Если нет, то выведем на Ромуальде! Он ко всему привычный!

Рыцарь забился в падучей.

Гости еще немного посидели и разошлись. Я пообещала несчастному кентавру поискать средство от его напасти, а лешему сварить настойку от сорняков на голове. Мы пообнимались на прощанье под ревнивым взглядом кота и расстались.

Я заперла дверь и подошла к рыцарю с кружкой зелья, рассматривая свое приобретение:

— Смотри, Гри, — позвала я кота, — когда он так мирно спит, то кажется почти человеком.

— Именно, что кажется, — запрыгнул рядом с ним на постель сердитый кошак, выпуская когти. — А только зазеваешься, сразу проснется сволочью! Чего ты на него глазеешь?

— Да вот смотрю, — честно призналась я, — что он очень красивый. Лицо правильное. Ямочка на подбородке. Нос благородный. Глаза... закрытые. Волосы густые и вьющиеся. Фигура божественная, — я помолчала и добавила. — А сам по себе засранец засранцем!

— Особенно после того, как ты ему в лекарство касторника добавила, — поддержал меня Гри, точа когти о край лежанки, — он нам все это и продемонстрировал.

— Не нам, — поморщилась я, — а сортиру. Но все равно, странно. Чем красивее, выходит, тем противнее? Внутреннее уравновешивает внешнее?

— Закон гавновесия, — посмотрел на рыцаря Гри. — И не поправляй меня, я не оговорился. — Он покосился на меня: — Ты только сейчас начала постигать эту истину?

— Не то чтобы, — призналась я, отходя к столу и начиная перетирать семена в ступке. — Я давно подозревала о некоторых аспектах еще в детстве, когда научилась читать и мне в руки попал сборник сказок.

— И что в этом странного? — спрыгнул с лежанки кот и пошел ко мне. — Сказки должны учить детей светлому и доброму.

— Да? — фыркнула я, начиная перетирать смесь еще энергичнее. — А как ты тогда объяснишь сказку, где мужик восемь раз женился и каждый раз душил своих жен, потому что они не могли удержаться от любопытства и ходили посмотреть на трупы предшественниц? И ведь так упорно наступал на одни и те же грабли, что посинел бородой.

— У него был плохой вкус на женщин, — почесал лоб кошак. — И странные привычки! Может, у него вообще с женщинами не ладилось? Ну, проблемы с личной жизнью и все такое...

— И поэтому он маниакально притаскивал следующую, не успев избавиться от предыдущей? — подняла я брови. — Собственно, у него даже времени на это не было. Он просто складировал своих протестированных жен в подвале. Сравнить, что ли, потом собирался? Или коллекционировал? А что? Кто-то марки собирает, а этот трупы.

— Тьфу! — сплюнул в сердцах Гри. — Какие у вас неправильные сказки!

— Ведьма! — пришел в себя Ромуальд. — Быстро подай мне воды!

— Знаешь, — дернул ушами кот, — если у него все бабы были, как этот овощ, то я бы тоже посинел... от злости. Можно я ему внешность испорчу? Тогда все хорошее, что в нем еще завалось, выйдет наружу и украсит собой внешние недостатки, согласно твоей теории, которая имеет право на существование.

— Не надо, — остановила я кровожадного компаньона. — У меня есть другой способ. — И громко прокаркала: — Иду, касатик! Уже бегу, только касторник в воду добавлю...

Рыцарь резко расхотел пить, орать, требовать и прикинулся бревном.

Прошло несколько дней, в течении которых Ромуальд научился говорить слова «пожалуйста» и «спасибо», оказавшиеся в его лексиконе новыми и не востребуемыми. И мы даже начали мирно сосуществовать. Случались,

конечно, огрехи в его поведении, но он умел учиться на своих ошибках...

— Почему в этом бульоне, ведьма, — возмутился рыцарь, уминая его за милую душу, — нет специй и наваря?

— Ну, касатик, извини, — ухмыльнулась я, успев поймать кота за шкурку, — сейчас зима — крысы и лягушки попрятались. Могу, конечно, мышиную помета сыпануть, но он так дорог, что потом не рассчитаешься! А про специи ты прав, унучек. Ты в следующий раз какую специальную травку хочешь? Харкальник обыкновенный? Или душиТЕЛЬ избранный?

— Все было вкусно, — быстро отреагировал Ромуальд, передавая мне плошку. И даже выдавил из себя: — Спасибо!

— Поправляйся, ягодка моя волчья, — кашлянула я в ответ, начиная перебирать и сортировать травы.

— А как я тут очутился? — любопытствовал рыцарь, которому, видимо, надоело лежать молча и пялиться в затянутае слюдой окно. — Я так понимаю, что ты не живешь рядом с логовом дракона?

— Это дракон не живет рядом с нами! — мгновенно ошетинился Гри, который не переваривал Ромуальда в любом виде.

И пусть не переваривает, зато не отравится!

— Мне неизвестно, как ты оказался у нашего порога, рыцарь, — честно сказала я, не видя смысла скрывать эту информацию. — Я просто вышла на шум, увидела тебя и притащила в избу...

— А надо было бросить там! — фырчал злющий Гри. — Тогда бы мы не переводили продукты, а волки бы имели чего пожрать!

— Не имели бы, — осадила я его. — Потому что трудно есть сломанными зубами. И потом, откуда ты знаешь, как на неокрепший волчий организм бы подействовала слюна дракона? А вдруг бы у всей стаи началось несварение желудков?

— Ты за них не переживай, — парировал кот, дергая хвостом из стороны в сторону, — они всеядные. И не такое переваривали.

На этом разговор прервался.

Ромуальд выздоравливал. И чем активнее становился, тем больше мрачнел. Иногда молчал целыми днями, погруженный в свои думы, которыми не делился. Может, считал, что мы недостойны, а, может, просто не надумал ничего путного, а глупость на свет выносить не спешил.

Как только слегка потеплело, он подошел ко мне и сказал:

— Ты можешь найти мне что-то из одежды, чтобы я смог отсюда уйти?

— Даже не знаю, касатик, — шмыгнула я носом, а сама возрадовалась в душе. Скрывать свой возраст становилось все труднее и труднее. Мне все время приходилось кутаться и притворяться. Попробуйте двадцать четыре часа в сутки разыгрывать из себя старую бабку, еле ползать и скрипеть несмазанной телегой.

Да по мне уже любой театр плакал горячими слезами. Хорошо Гри постоянно выручал и подбадривал замечаниями типа: «Что, бабка, молодость вспомнила и запорхала, птичка моя лежала?» или... «Бабка — это не бабочка, прекрати порхать, пока весь песок не высыпался!». И еще страшно хотелось помыться нормально, а не когда рыцарь гонял по своим рыцарским делам в сортир. Правда, он там заседал по-царски, на час минимум. Я поняла: у всех рыцарей не штаны бронированные, а седалище!

— На! — расщедрился кошка, притащив Ромуальду из заначки одежду. Достаточно потрепанную, но еще добротную.

Рыцарь на удивление чиниться не стал, надел, что пожертвовали. Вышел на улицу и вытащил из-под крыльца тюк со своими обслонявленными доспехами. И когда только успел заныкать? Между походами в кабинку задумчивости?

— Слышь, ведьма, — повернулся ко мне Ромуальд, взвалив на спину тяжелый тюк. На этом месте я его даже слегка зауважала — даже не крикнул, паразит меченосный, — я вернусь с оплатой...

— Не надо! — отказались мы с котом в один голос. Хватит с нас его общества. Вернется, не дай-то бог, погостить останется. Снова продукты на троих придется соображать.

— Я вернусь, бабка, — повторил рыцарь, глядя вдаль отсутствующим взглядом. — Даю тебе свое слово!

— Дык я не возьму, касатик, — открестилась я сразу во избежание будущих неприятностей. Если мне чего Гри и успел вложить в голову, так это то, что если чего-то дают, то потом вдвойне отбирают!

И Ромуальд ушел с гордо поднятой головой, в штанах с дыркой на заднице, растоптанных валенках разного размера и тулупчике, жавшим в плечах, подвязанном пеньковой веревкой.

— Заблудится, — задумчиво сказал кот, глядя вслед рыцарю.

— Да и фиг с ним, — выдохнула я, чувствуя неземное облегчение. Все! Больше не буду все, что ни попадя в дом тащить! Себе дороже.

— Заблудится, — еще задумчивей повторил кот, — к нам вернется. Все дорожки в лесу к нам зачарованы...

— Леви! — заррала я, как зарезанная, впечатленная подобной перспективой. — Леви! Вы мне срочно-срочно

нужны!

— А?!! — выскочил из леса леший, прикрываясь еловой веткой. — Чего блажишь, окаянная? Я тут себе смену делаю, а ты...

— Видите, — ткнула я пальцем в удаляющегося рыцаря. — Он не должен к нам обратно вернуться! Пожалуйста, выведите его в люди... тьфу, к людям! И опустите... блин! — отпустите! Я вас очень-очень прошу!

— Надоел? — понятно кивнул мне леший. — Убрать?

— Не надо поганить лес, — не захотела я брать грех на душу, а все равно хотелось. Вот такая противоречивая девичья натура: красавец был рядом — было плохо. Свалил — сразу хорошо. И где логика?

— Будешь должна! — сурово сказал хозяин леса и свистнул. Из-за елок показались всеядные волки и устали на нас и лешего. Мы с котом им не понравились (уж как я обрадовалась этому!) и они сосредоточили внимание на Леви.

— Вывести к людям! — приказал леший, указывая на далекого Ромуальда. — Грызть, кусать, пробовать на зуб и растаскивать на сувениры строго запрещаю. Действовать исключительно убеждением! Понятно?

Волки слаженно клацнули зубами и удалились выполнять партийное задание. А мы удалились пить чай и расслабляться в одиночестве.

— Знаешь, — сказала я, развалившись на стуле и избавившись от платка и лишней одежды, — у нас есть сказка о брате и сестре. Так вот брат напился из антисанитарной лужи (честно говоря, у меня было подозрение, что под лужей подразумевалась харчевня неподалеку от моего дома) и стал козленочком...

— У вас тоже есть магия? — удивился Гри, расчесывая когтями мои волосы, уже достигавшие задницы. — Зелье для показа внутренней сущности?

— Да это иногда и показывать не нужно, — махнула я рукой, балдея от случайной ласки. — Присмотрись внимательно — и никакого зелья не надо. Так вот, он-то хоть пил, чтобы почувствовать себя козлом, а кому-то, — покосилась я на пустую лежанку, — и пить не надо. — Призналась, — Я всегда думала, что рыцари такие благородные, честные, справедливые...

— Мечтательница, — фыркнул кошка. — Если бы он был таким, каким ты его описываешь, разве справился бы с драконом? Это дракон его честно и справедливо, по-благородному послал!

— Ну да, ну да, — истово закивала я головой, — а мог и сожрать по-простому.

— Кто? — изумился кот, стукнув меня лапой по затылку. — Зачем ему себя настолько не уважать, чтобы жрать рыцарей, которых развелось как собак нерезаных? Такую дрянь жрать — так и язву можно заработать. Те ж не моются, в места непотребные ходят... Драконы нынче привередливые пошли. Они предпочитают исключительно девственниц и то — исключительно с утра. Если невинная дева приперлась после обеда, то придется ждать.

— Ты издеваешься? — хихикнула я, представляя, как девушка в белом слоняется около пещеры дракона, выманивая на живца.

— Я тебя, бестолочь, просвещаю, — серьезно глянул мне в глаза Гри. — Узнают, что молодая и невинная — умыкнут и не посмотрят на ведьминский статус.

— Тебе будет меня жалко? — изумилась я, перехватывая волосы и начиная заплетать косу. — Будешь по мне скучать?

— Мне будет жалко потраченного на тебя времени, — повернулся ко мне хвостом кот. — И я буду скучать по твоей глупости и никчемности.

— Я тоже тебя люблю, — улыбнулась я Гри.

Как только пришла весна, возобновился поток страдальцев, желающих испытать на себе силу колдовской медицины. Дня не проходило, чтобы не приперся какой-нибудь придурок, мнящий себя принцем, рыцарем, королем, императором, принцессой или самым лучшим — остальное добавить. Но требования у всех было одно: хочу прекрасную деву, чтобы она принесла мне меч, коня, корону, земли, детей и самоуважение. И все сразу и не отходя от кассы.

Мы с Гри выслушивали, утешали и выдавали зелье для просветления мозгов вместо приворотного. В основном оно действовало отлично, только один три раза возвращался. Но он был не в счет — у него требования каждый раз менялись: от принцессы до коня — и обратно.

Честно говоря, я настолько увязла в этой рутине: сбор трав с утра, варка зелий, оплевывание лысины трактирщика, частная психологическая помощь клиенту, оплевывание на лысины лысого, что стала подумывать об отпуске хотя бы на пару дней.

Но тут наш немудреный быт разнообразился новым происшествием.

Мы с Гри сидели на крылечке, любуясь на закат, когда к нам на полянку выскочил волк, который тащил к нам за ухо другого сильно упирающегося волка.

— Ой! — только и успела сказать я, не успев слинять в дом, когда оба волка начали оборачиваться в людей. Тут у меня нашлись другие слова: — Здрасьте!

— Госпожа ведьма, — обратилась ко мне высокая статная красивая женщина, остервенело выкручивающая ухо такого же красивого мужчины очень впечатляющей наружности, — будьте так любезны, объясните, пожалуйста, этому обалдую, что волки — животные хоть и стайные, но моногамные!

— Ик! — тут же с готовностью объяснила я, опасаясь за свои глаза. Если они выпадут, то мне без них будет скучно.

— Вот! — еще сильнее вцепилась в несчастное ухо волчица. — Слышал, развратник, что тебе сама госпожа ведьма сказала? А ее мнение нерушимо!

— Ик! — тут же подтвердила я эту истину.

— Спасибо, госпожа ведьма, — поклонилась мне женщина, — за то, что разъяснили моему обалдую, что волкам гаремы не нужны! — Она клацнула зубами: — Ты с одной женой не знаешь что делать! То на охоту, то на разведку, то с мужиками волчьи ягоды погрызть!

— Так, дорогая, — выдавил из себя оборотень, поглядывая на меня с опаской, — я ж как раз о тебе забочусь! Меня дома нет, а тебе поговорить есть с кем. И пока вы заняты, я могу быть спокоен за порядок в доме. Правда, госпожа ведьма?

— Ик! — насупила я брови, показывая свое несогласие.

— Не зли, госпожу ведьму, — дала ему подзатыльник жена. — А то как плюнет, пойдешь домой как та шавка, что у дороги трактир держит. Все приличные волки засмеют. И так ты со своими новомодными веяниями свихнулся — гарем подавай, потому как денег тебе девать некуда! — Она покосилась на меня: — А откуда у волков, пусть и оборотней, деньги, если мы в лесу живем?

— Ик! — согласилась я с ней частично. Мы тоже жили в лесу, но деньги у нас водились. Правда, для этого мне приходилось много плевать и травить клиентов стимуляторами.

— Вот! — притащил мне кружку с водой Гри. — Срочно выпей, пока ничего лишнего не наговорила!

— Спасибо! — выдула я воду и облегченно вздохнула. Потом строго посмотрела на волка и сказала: — Если мое мнение учитывается, то я категорически против гаремов! Каждой твари по паре!

— В смысле, две жены можно? — с надеждой уставился на меня оборотень.

— Каждой твари по одной паре! — покачала я головой. — Сиречь, хватит с тебя одной женщины. Нечего тут семейственность разводять! — И напугала: — Представляешь, если у всех твоих гипотетических баб течка начнется в одно и то же время? Как будешь выживать?

— Вдали? — почесал лохматую голову волк, под пристальным взглядом супруги. Но, вижу, задумался мужик крепко. Все же такой довод опровергнуть трудно.

— Ну, мы пошли, госпожа ведьма, — тряхнула мужа за шкуру волчица. — Благодарствуем за совет и разъяснение. Вам ежели кого проводить отсюда надо — обращайтесь. Мы владем разными способами убеждения — от ласковых до экстремальных. — Она запнулась: — Экстремальные — это у кого желудок покрепче. А то иногда такие немые экземпляры попадают — кусаешь и прямо чувствуешь, как принимаешь грязевые ванны изнутри и обогащаешься новыми микробами.

— Идите с богом, — согласилась я. Вспомнила: — Увидите Кента, привет ему передавайте!

— Почему мы должны его видеть? — вытаращилась на меня эта парочка.

— Но он же тоже оборотень? — не поняла я вопроса.

— Это мы оборотни, — не согласился со мной волк. — А он кентавр!

— А есть разница? — поразила я таким нюансом. Все же век живи, два учись и всю жизнь расплачивайся.

— Конечно! — закатили глаза оборотни и объяснили: — Мы, когда обращаемся, полностью становимся животными. Либо волк, либо человек. А он кто? Недочеловек или полулошадь?

— Это, конечно, да, — задумчиво закивала я головой под тихий гогот кота. — Вопрос, безусловно, интересный. Ну вы идите, идите, а я поразмыслю, как классифицировать кентавров.

Волки вежливо попрощались и умелись выяснять свои семейные отношения без свидетелей.

— Знаешь, — повернулся ко мне Гри, весело блестя разноцветными глазами, — с тобой точно не заскучаешь.

— Это-то и страшно, — призналась я, отправляясь спать.

Наступило жаркое лето, и я открыла для себя лесное озеро. Вернее, мне его открыл Чертова Малютка. Так и сказал: «Открытие сезона утопленников началось!» Это когда он прибежал за мной, чтобы я выгащила невинную деву, которая пыталась утопиться на мелководье.

Ага. Эта мерзавка пришла, засунула ноги по колено в холодную воду и ждала, когда захлебнется. Прямо до посинения ждала.

— Зоя, — прыгал рядом со мной возбужденный чертенок, когда мы с Гри примчались на манер Скорой Помощи, — выгащи эту красу отсюда, пожалуйста! А то она на нас не реагирует. Орет, что неправильно распределили, ей по статусу в рай положено. Типа она чиста душой и телом! — Малютка подпрыгнул еще раз с возмущением: — Конечно, чиста — шестой час мокнет!

— Извините, — обратилась я к девушке, — вы бы не могли решить свои дела в другом месте?

— Где? — обратила на меня заплаканные карие очи синяя дева. — И как? — И так философски это прозвучало.

— Дык вот, — протянул ей веревку чертенка, обрадованный начавшимся диалогом. — Даже мыло могу пожертвовать и намылить тоже помогу, только освободите озеро. У нас кувшинки редкие, завянуть могут от вашего вида.

— Но-но, — вылез к нам леший. — Чего она будет мой лес поганить своим телом? Пусть в город идет — там даже особо стараться не надо. Погуляй ночью по улице и сразу проблема успокоится на ближайшем погосте.

— Так! — прекратила я прения, рассматривая безучастную деву. Тронула ее за плечо: — Что случилось? Почему такие радикальные меры? Может, помочь чем-то?

— Он меня не лю-ю-ю-юбит! — снова сморщилось миленькое личико девушки. — Совсе-е-е-ем!

— Кто? — уставилась я на нее. — Кто тебя не любит?

— Он! — вытащила она из-за пазухи белоснежного балахона какую-то смятую бумажку и сунула мне в руки. И почему все девы бегают топиться в белых ночных рубашках? Надеются, что по дороге поймают и отговорят?

— Чур меня! — развернула я листок и отшатнулась. Там было углем нарисовано что-то перекошенное с одним глазом, без зубов и носом на сторону. — Это ж счастье, что такой не любит.

— Дай посмотреть, — сунулся ко мне любопытный Гри и отпрыгнул, вздыбив шерсть. Слегка успокоился и сказал: — Слышь, дуреха, выползай на берег. Мы тебе сейчас кого-то посимпатичнее найдем.

— А мне можно? — сунул в бумажку пяточок Малютка. — Ой! Он на моего двоюродного дедушку похож. Просто одна рожа. Он тоже так выглядит, когда синявки нажрется.

— Так он не красивый? — шмыгнула носом дева, выползая на берег и присоединяясь к нам. Чертик, как это увидел, свистнул и весь берег мгновенно оцепило чертово семейство, занимая бдительный караул.

— Не то чтобы очень, — обтекаемо сказали мы с Гри, переглянувшись. — Но если душа просит, то можем приворожить. Только что ты с ним, таким, делать потом будешь?

— Да-а-а, — заглянул в бумажку Леви, — я бы его в свой лес точно не пустил. У меня зверье бы повымерло от такой радости.

— Не надо привораживать, — всхлипнула последний раз дева, отбирая у меня бумажку и изучая. — Когда я последний раз его видела, он был гораздо симпатичнее, а тут...

— И кто это рисовал? — поинтересовалась я, облегченно вздыхая. Таскаться за грибами-спринтерами для отворота мне категорически не хотелось.

— Да я рисовала, — подняла намокший подол дева, — по памяти, в темноте, на ощупь. Ну я пойду?

— Иди-иди, — обнял ее за талию шустрый Малютка. — А если захочешь с моим двоюродным дедушкой познакомиться, то милости простим. Он как раз холостякует... — и они удалились, погрузившись в разговор о мужской красоте и ее влиянии на неокрепший девичий ум.

— Уф! — вытерла я со лба пот. — Хорошо, что хорошо заканчивается. Если уже все, то могу я искупаться?

Мне все милостиво разрешили, кроме кота. Тот сморщил мордочку и заявил:

— Что за манера заголяться перед всеми?

Все пообещали не подсматривать и удалились по своим делам. Я поверила. Да и какая радость подсматривать за толстой, искалеченной ведьмой?

Прошло уже столько времени, а я до сих пор избегала смотреть на свое отражение. Да и что нового я могла увидеть?

Я с наслаждением стянула с себя свои постановочные лохмотья, наказала коту сильно не пялиться и вошла в воду. Блаженство!

Плавая и плескаясь, я просто отводила душу, смывая усталость и негатив. Озерная вода освежала и лечила. Может и патетично, зато правда.

В какой-то момент я переплыла озеро и подобралась поближе к раритетным кувшинкам, разглядывая нежные цветы.

— Снежная дева! — раздался где-то рядом потрясенный голос. — Чудо!

— А? — повернулась я на звук, машинально присаживаясь, чтобы не светить наготой. Ведьма — это еще не стриптизерша!

И чтобы вы думали? На меня с берега во все глаза пялился Ромуальд. Принесла его нелегкая!

На этот раз рыцарь был на гнедом коне и весь из себя такой ухоженный. Сменил наш костюмчик на свой и выглядел если не принцем, то человеком с деньгами. Шитый золотом черный камзол украшала тяжелая витая цепь с медальоном, сплошь утыканным драгоценными камнями. Черные лосины. Сапоги из дорогой кожи. Ну ни дать, ни взять принц. Лучше не брать. Безопаснее.

— Зойка, — вынырнул рядом Гри, маскируясь под кувшинку, — ты говорила, что человек человеку брат?

— И? — не поняла я его намека.

— Так вот, — недовольно фыркнул кошка, отплевываясь, — он на тебя совсем не по-братски смотрит! Давай быстро тикать отсюда!

— Не получится, — с сомнением сообщила ему я, просчитывая варианты. — Пока я плыву, он уже туда доскачет. А доскачет точно, мужика почему-то сильно торкнуло! У нас что, уже началась пора цветения опупейки?

— Дура ты, Зойка, — рассержено прошипел кот. — Сама не ведаешь, что городишь. Плыви пока подальше, а я что-то придумаю! — и смылся.

Я послушалась и погребла подальше от этого сумасшедшего. Никак мои зелья у него из головы еще с зимы не выветрились. Какой все же стойкий эффект оказался. Пил зимой — подействовало летом. Мда.

Ромуальд углядел, что я гребу «ластами» в противоположную от него сторону и как-то весь заволновался. Чуть не заколосился, болезный. С коня спрыгнул и с криком:

— Снежная дева! — полез в воду. Это его и сгубило. Чертово семейство не стерпело второго надругательства за последние несколько часов и полезло из воды, раздраженно помахивая хвостами и почесывая рога. Чует мое сердце, сейчас Ромуальда и за хвост, которого нет, подергают и рога поотшибают.

Пока они там выясняли суверенитет и отметали экспансию, я выскочила на берег и побежала домой, по дороге свистнув лещему, чтобы поднимал волков. Только попросила, чтобы рыцаря убеждали мягко. А то я его знаю, снова лечится приползет.

— Ну, Зоя, — присоединился ко мне на крылечке злющий кот, пока я переводила дух, — хватит с меня твоих выходов! К озеру больше не ногой!

— А что там? — не отреагировала я на его выпад. Позлитесь и перестанет. В первый раз, что ли?

— Там чертово семейство твоего мочит, — поведал мне слегка успокоившийся кот, перестав меня ощупывать. Можно подумать, что я при беге половину себя потеряла. Да и потеряла бы, все равно ущерба бы никто не заметил. — Когда я убегал, они как раз решали — можно ли рыцарскую цепь с медальоном использовать как камень, если она уже на шее.

— И что? — поинтересовалась я, впрочем, не испытывая ни малейшего сочувствия к Ромуальду. — Будут озеро поганить?

— Не-а, — улегся рядом Гри, прижимаясь боком. — Появился Леви и предложил любое дерево на выбор. А волки пообещали на ногах гирями повисеть, тем более что сапоги рыцарь уже в озере помыл, так что грязи не нажгутся.

— Какая у него интересная жизнь, — фыркнула я. Вспомнила: — А что он там о ледяной деве плел?

— Не ледяной, бестолочь, — замурлыкал кошка. — Снежной. Существует поверье, что когда-нибудь появится в этом мире Снежная дева и спасет его от всех напастей.

— Это каких напастей? — покосилась я на собеседника. — У нас проблемы?

— У них у всех проблемы, — заверил меня Гри. — Где ты видела мир без проблем. А от каких именно напастей — неведомо. В пророчестве сказано ото — всех!

— Бедная дева, — вздохнула я, заранее жалея несчастную. — Это ж все равно, что мне мировую экономику доверить. Вроде бы и считать умею, а все равно при сложении сплошное вычитание получается.

— Это да, — согласился со мной кошка. — Ты существо непредсказуемое, а потому опасное. Но это и к лучшему — никто живым не уйдет.

— А почему он меня-то за Снежную деву принял? — недоумевала я, ласково поглаживая млеющего кота.

— У тебя белые волосы и голубые глаза, Зоя, — пояснил Гри. — Но у девы из пророчества должна еще быть немереная сила, а у тебя ее нет. Так что сиди в избушке, вари зелья и отбивай положенный срок. Потом, может, и тебе какой муж обломится...

— Я не хочу мужа, — тихо сказал я, вспоминая своего Грегори. Прошло уже столько времени, а он ни разу не пришел ко мне во сне, хоть и звала я его каждую ночь. То ли я повзрослела, то ли он вырос. Кто нас, взрослых, разберет? Это только у детей все просто.

— Пошли спать, — поднялся Гри, потягиваясь. — Через пару дней надо будет за ведуницей на дальнюю поляну идти. Она только один день цвести будет. Если не соберем — осенью клиентов потеряем. Они за предсказаниями попрут. А только ведуница вызывает безопасные галлюцинации.

Через пару дней мы собрали с собой узелок с едой и на рассвете отправились в путь за редким растением. Когда пришли, солнце уже было в самом зените. И я так уползала на жару, собираясь мелкие соцветия, что свалилась без сил посреди поляны.

— Боже, какая духота, — простонала я, стягивая с себя платок. — Просто дышать нечем! — и стащила кофту с длинными рукавами, оставаясь в нательной рубашке.

— Хоть юбку-то не заголяй, — недовольно пробурчал Гри. Огляделся вокруг: — Ты тут пока посиди, а я по округе побегаю, может, еще какую редкую траву найду.

Я немного повалилась, потом села среди душистой травы, расплела и расчесала пальцами волосы, давая голове отдых. И сплела себе венок. Кем я была в этом мире — мне было неизвестно, поскольку ведьмой я себя ну никак не ощущала, но где-то в глубине души я все еще была девятнадцатилетней девушкой. И хотелось беззаботного времяпрепровождения, счастья, веселья, улыбок...

— Снежная дева! — выдохнули у меня за спиной.

Да что ж такое! Что ж за напасть! Как, блин, платок стяну — так сразу в герои! Надо взять на заметку — герои в платках не ходят!

— Это не я! — сразу отказалась от предложенной чести, но обернулась.

Надо мной возвышался Ромуальд, как ни странно, достаточно целый. Только пара бланшей на красивой физиономии. А за ним толпилась чуть ли не целая конная армия.

— Это что такое! — вскочила я на ноги, начиная злиться. Тут, понимаешь каждую травинку собираешь, а они одним махом почти половину поляны вытоптали, козлы! — А ну кыш отсюда, окаянные!

— Снежная дева, — благоговейно повторил рыцарь, протягивая руку и касаясь моих волос. — Белые, как снег. — Заглянул мне в глаза: — Голубые, как лед...

— Тупая, как дерево! — постучала я его согнутым пальцем по лбу. — Я — не ваша мифическая Снежная дева. Так что езжайте своей дорогой! Всего хорошего!

— Снежная дева, — заладил, как попугай, этот чертями двинутый рыцарь, глядя на меня с таким неприкрытым восхищением, что сразу захотелось забраться на дерево за неимением пьедестала. А что? Чем дальше от народа, тем целее слава героя.

— Окстись! — строго сказала я, оглядываясь по сторонам в поисках путей отступления. По всему выходило, что пути мне все отрезали. Если только не зарыться в землю головой на манер страуса, но не хотелось оставлять беззащитной пятую точку. Чревато это при такой куче мужиков. — Второй раз для особо глухих на весь организм повторяю — вы ошиблись!

— Прости меня, Снежная дева, — на полном серьезе заявил мне этот отморозенный на оба полушария (я знала, что поход с доспехами через лес зимой просто так для здоровья не проходит!), и сцапал в охапку. Как, блин, свое!

— А ну поставь обратно! — орала я, выкручиваясь изо всех сил и отбиваясь, совершенно не стесняясь. Плевать, если чего-то ему сломаю. Потом вылечу! Так вылечу, что руки склею и ноги узлом завяжу.

Конечно, я дралась за себя, родную, на пределе возможностей. Я даже наплевала на свою брезгливость и попыталась перекусать все, куда смогла дотянуться. А дотянулась я до много. Жалко только, что не до самого дорого! Хоть и грех, но было бы приятно откусить! Только мне рот заткнули ладонью. Гад!

Ромуальд взвалил меня на коня животом вниз и запрыгнул следом. Я в запале чуть было и коня не покусала. Потом передумала — жалко животное. Вдруг мое бешенство передается? Лошади-то за что страдать? Она же не виновата, что на ней скоро будет ездить всадник без головы!

— Отпусти меня немедленно! — блажила я, не жалея легких. Потому как чувствовала моя пятая точка тяжелую руку рыцаря... Тьфу! Чувствовала моя интуиция, что меня точно не пожалеют. Если этот в ближайшем будущем тяжело контуженный вбил себе в голову, что я та мученица из пророчества (тому, кто это придумал — два ведра касторника!), точно поволочет мир спасать!

— Прости! — твердил, как заведенный, Ромуальд, посылая коня во весь опор. А за ним скакала молчаливая стража. Я так подозреваю, что мужики были не в курсе, но спорить не спешили. Или их предводитель вообще такое часто практиковал, и они привыкли. А что? Увидит девчонку, подгонит под пророчество и давай женщиной от проблем загораживаться!

— Я не Снежная дева! — орала я, норовя сползти с коня. И пусть под копыта, зато протест во всей красе! — Это все поклеп и навет! Отпусти меня, и я никому не скажу, что ты клинический идиот!

Бесполезно. У него, блин, мозги уши закупорили!

Скакали мы долго. Или мне так показалось? Трудно наблюдать за временем, наблюдая за копытами. Но куда-то доскакали.

Конь остановился. Ромуальд спешил и стащил меня вниз, аккуратно ставя на ноги. Даже юбку поправил и волосы пригладил. А то они дыбом от злости встали. Жалко, что я не Медуза Горгона, сейчас бы столько яда ему пожертвовала на добрую память!

Притащил меня рыцарь к пещере на небольшой горе. Снизу лес, сверху небо, справа вход, слева армия. А где выход?

— Снежная дева, — на полном серьезе выдал мне Ромуальд, протягивая руку к своим разбойникам, — выполни свое предназначение! — Тут ему притащили какую-то воздушную, белую тряпочку, оказавшуюся ночной рубашкой. Ей меня и спеленали. В смысле, натянули молча и с почтением и подтолкнули к пещере.

— И чего я там забыла? — озадачилась я, рассматривая вход. — Зачем мне туда надо?

— Там дракон, — ошарашил меня рыцарь. Нет, без шуток. С таким серьезным выражением лица этот сильный мужчина посылал меня, слабую, к дракону!

— И что? — застыла я, стараясь переварить поступившую информацию. Пока получалось плохо. Информация гуляла сама по себе, а мозг от нее бегал, чтобы не сойти с ума.

— Выполни свое предназначение, Снежная дева, — посмотрел на меня рыцарь, — уничтожь дракона.

— Да вы спятили! — выдала я свой вердикт, стаскивая с себя доспехи спасительницы. — Каким образом? Мне его до смерти закусать, заплевать или утопить в слезах? Или просто вежливо попросить? — Я ткнула пальцем в невозмутимого рыцаря: — Дорогой дракон, не соблаговолите ли вы очокуриться, потому что кто-то головозастывший решил за мой счет устроить себе счастье! Так давайте устроим его вместе! Так?

А в ответ тишина. Жалко мертвых с косами здесь нет — я бы у них парочку кос позаимствовала на время. Чтобы увеличить их же поголовье.

— Иди! — твердо развернули меня к пещере, снова натянув рубашку.

— Счас! — кивнула я и села на землю. — Своими ногами туда не пойду! И если ты меня туда силой запихаешь, я все равно выйду наружу! А если я выйду, то выйду из себя заодно, и вот тогда вопрос: куда пойдешь ты?!!

— У меня нет выбора, — сжал мужественные челюсти похититель ведьм. — Мы пытались справиться сами, но у нас ничего не получилось!

— И поэтому, — вытаращилась на него я, — ты хочешь, чтобы я заменила собой все войско? И одной левой уложила дракона? То есть у всей страны не получилось, а у меня, маленькой и слабой, получится? — Я сложила на груди руки: — Вот что я тебя скажу — ты спятил! Это окончательный диагноз!

— Иди, — помрачнел Ромуальд, кивая в сторону пещеры. — Я должен попытаться и спасти свой народ от дракона. И если это значит пожертвовать одной красивой девушкой, то я это сделаю!

— Точно спятил! — окончательно уверилась я в его неадекватности. Собственно, выбора у меня и не было. Впереди придурок с армией, позади дракон... Может, хоть он нормальный? Ну должны же быть в этом мире нормальные? Нет?

— Иди, — заладил рыцарь, вытаскивая меч. И за ним вся его рать (Мать! Мать! Мать!!!) обнажила свои метровые ножики, — не заставляй меня делать тебе больно.

— Пипец! — у меня даже слов нормальных не нашлось, так и оскоромилась перед аристократом ненормативной лексикой. — А дракон, типа, мне хорошо сделает? До экстаза доведет, когда жрать будет?

— Да что ты мне душу травить! — шагнул ко мне с оружием Ромуальд. А глаза большие-больные... из чистого сострадания так бы и выковыряла! — Иди немедленно! — И вся армия за ним мечами оцетинилась.

Выбор стать сырым шашлыком или жареным кебабом был очень трудным, почти невозможным.

— Ладно, — решила я, поправляя стандартную униформу мучениц, — схожу. Только я вас предупреждала — опыта у меня нет, пророчество не мое, что из этого получится — я не знаю, но вы все равно пожалеете! — И пошла в пещеру с гордо поднятой головой.

А там было темно, хоть глаз выколи. Да я бы и не один выколола, да все мечи остались снаружи, а я, как дура, внутри.

— Тут есть кто-нибудь? — спросила я тихо-тихо. А в ответ тишина. — А, может, нет никого? — успокоила я себя, рассчитывая по-тихому отсидеться, а потом свалить отсюда в родную избушку. Там Гри, наверное, с ума уже от беспокойства сходит. Где он срочно другую ведьму найдет?

И тут в крошечной темноте зажглись два громадных золотых глаза. И запахло дымом. А потом внезапно вспыхнули факелы на стенах, являя мне великолепного черного дракона колоссальных размеров.

— Мама! — только успела сказать я, чувствуя, что сейчас произойдет что-то непоправимое. И это непоправимое не заставило себя ждать.

— Стоять! — рывкнул дракон и прыгнул на меня сверху.

Все вокруг зашаталось, загредело. Чуть-чуть потрясло, слегка пошатало, а потом все закончилось. Причем, что было особо удивительным — я все еще была жива, даже несмотря на то, что надо мной возвышался дракон, закрывая меня со всех сторон своим бронированным телом.

— Ну ты ожогла, подруга, — пророкотал ящер и отодвинулся.

Я подняла голову, которую до этого накрывала руками, и прифигела. Нет, правда, такого я не видела даже в кино. Пещера исчезла. Вместо нее в отдалении была сложена аккуратная горка камней вперемешку с каким-то мусором, в котором угадывалось золото и драгоценные камни.

— Ик! — помотала я ничего не ображающей башкой, которая, впрочем, мгновенно отреагировала на обвинение. — Это не я! Я ведьма, а не сапер! Да я даже формулу фосгена не знаю, а уж порох для меня просто красивое слово!

— Ты сама по себе оружие, — пророкотал дракон, склоняя голову на бок и одним глазом кося на застывшую в изумлении армию во главе с Ромуальдом.

— Тогда шас застрелю! — рывкнула я, нервно отряхивая свое похоронное рубище. — Любого, кто дернется в мою сторону!

— Снежная дева, — выродил из себя Ромуальд, весь такой торжественный и опустился на колени.

— Не дави на спусковой крючок, — честно пообещала я, тыкая в него пальцем не поворачивая головы. — У меня все еще состояние аффекта!

— Зоя! — вылетел к нам взъерошенный, запыхавшийся Гри. — Ты в порядке?

Кот углядел рядом со мной дракона, прыгнул между нами, выгнул спину, выпуская когти и прошипел:

— Только тронь ее!

— А зачем? — уставился на него потрясенный такой наглостью дракон. — Нет, она, конечно, красотка, но мы даже не знакомы!

— Все! — у меня сорвало крышу, и она упорхнула в небесную даль, прихватив с собой осторожность и самосохранение. Я подскочила к дракону, врезала ему кулаком по морде, которую он так кстати наклонил. Потрясла ушибленной рукой. Повернулась к рыцарю, прошипев сквозь зубы: — А тебе повезло, что я лежачих не бью! — вне логики долбанув его в ухо. И гордо пошла отсюда.

— Зоя! — догнал меня Гри. Оглядел с ног до головы: — Что это на тебе за погань?

— Эти заботливые дяди, — кипела я от возмущения и праведной злости, — снабдили меня саваном! Сказали, к дракону в другом виде нельзя! У него будет расстройство желудка!

— Желудок у меня крепкий, — заверила меня эта чапчирица. — И белый цвет мне нравится! И девушек я иногда уважаю...

— Тебе не повезло! — живо развернулась я в его сторону. — Ненавижу белый цвет! Не перевариваю наглых мужиков! И с сегодняшнего дня терпеть не могу драконов!

— Снимай эту гадость! — вцепился в меня когтями Гри. Но только задрал подол, как сразу передумал. — Знаешь, поскольку на тебе там очень мало чего осталось, а нам еще до дома добираться, ты пока в этом походи, ладно?

— Зоя! — к нам присоединились пыхтящий леший, злющий кентавр, бьющий копытами, стая волков, вооруженных увесистыми дубинами, и чертово семейство с вилами. — Помощь нужна?

— Ну и кто теперь кого? — фыркнула я, обозревая попятившихся людей и заинтересовавшегося дракона. Честно предупредила: — Если кто-то из вас ко мне за зельем припрется или лечится надумает — пусть сначала хорошо подумает! Я ж так вылечу, что родная мама не узнает!

— Ведьма? — прозрел рыцарь, все так же стоя на коленях и потирая ухо. — Лесная ведьма?

— Злая ведьма, — поправила я его, забираясь на подставленный круп кентавра. — Очень-очень злая ведьма! А очень-очень-очень злые ведьмы очень-очень-очень-очень хорошо помнят свои обиды! И если я хоть раз тебя вблизи увижу, то тебя уже никто не увидит, никак!

И мы все ушли домой. Правда, чертово семейство и волчья стая слегка задержались. Видимо, соскучились по общению. А кто я такая чтобы мешать людям развлекаться?

— Зоя, — бежал рядом со мной Гри, — прости, что оставил тебя одну. Мне даже в голову не могло прийти, что тебя могут похитить.

— Да ладно, — махнула я ладошкой, борясь со сном. — Чтобы ты им сделал? Их там видел сколько было? И все хотели Снежную деву!

Над нами пролетел дракон, расправив громадные крылья.

— Теперь все будет хорошо, — заверил меня кошка. — А с тебя глаз не спущу! Пылинке не дам упасть!

— Мне так грязной и ходить? — зевнула я, прикрываясь рукой. — Пусть грязь сама пластами отваливается?

— Чего они хотели? — влез молчавший до этого Леви, сердито скрипевший всеми суставами.

— Меня они хотели, — не подумав брякнула я, с трудом держа глаза открытыми. — Всем скопом. Где, орали, наша Снежная дева!

— Сейчас приду, — отреагировал леший и смылся.

— Куда это он? — вяло поинтересовалась я, лениво раздумывая: если я обниму Кента за талию и прикорну — это же не будет считаться домогательством?

— Увидишь, — загадочно прошипел Гри, чуть ли сыпля искрами с шерсти.

И правда, не прошло и получаса, как мимо нас на всех парах пронеслась вся королевская рать пешедралом. И на заднице у каждого висел либо волк с дубиной, либо черт с вилами. И всем этим дирижировал довольный Леви, покрикивавший:

— Деву они захотели! Такая ведьма нам самим нужна!

— Приятно, черт побери, — мурлыкнула я, утыкаясь лбом в теплую мускулистую спину кентавра и проваливаясь в сон.

— Это что такое?! — разбудил меня истошный крик кота. — Это по какому праву я вас спрашиваю?

— Что такое? — подорвалась я, чуть не свалившись на землю. Распахнула глаза и все равно рухнула. Встала, потирая пятую точку, не переставая пялиться на довольного дракона, занявшего почти всю поляну. — А вам тут чего надо?

— Ты меня дома лишила? — склонил башку дракон, разглядывая меня, как в первый раз. Типа, раньше не видел, только мельком посмотрел.

— Не было этого, — мгновенно открестилась я, на всякий случай скрещивая за спиной пальцы. — Это все навет, клевета и инсинуации!

— Лишила, — удовлетворенно сказал ящер. — А поскольку я теперь бездомный, то буду жить тут...

— Еще один сумасшедший на мою голову, — выругалась я и попыталась решить дело миром, мысленно готовясь к войне: — Вы где тут жить собрались? Землянку выкопаете? Представляете, как звучит — землянка для дракона! Круть!

— Зачем так экстремально? — оскалился ящер. Честное слово, симпатичнее от этого он не стал. — Я могу и тут пожить.

— Где? — мне даже спать расхотелось. — Был один придурочный, тоже хотел пожить в теремке, залез на крышу и похоронил всех к едреной матери! Потом блинчики доставали и скатывали, чтобы меньше места занимали в братской могиле.

— Ну, все не так плохо, — заметил дракон и превратился в человека. Посмотрел на меня умными золотистыми глазами и заявил: — Видишь, не все так уж и страшно...

— Нет, — загородил меня собой Гри, — страшно! Быстро превращайся обратно — так безопаснее! Нечего одинокой ведьме под одной крышей с мужиком жить!

— А Ромуальд? — напомнила я злобствующему коту.

— Этот не считается, — отрезал кошка, с неприкрытой враждебностью глядя на новоявленного красавца, который, впрочем, не вызывал у меня никаких чувств. То ли я устала и не воспринимала его как объект поклонения, то ли у меня уже выработался иммунитет. А что? Столько времени с Ромуальдом бок о бок и никаких слюней — ах, какой мужчина, давай срочно стребую с тебя алименты за дочку и сына. — Он больной, а ты была под прикрытием!

— Тьфу на все! — заявила я. Подошла к друзьям, обняла Кента и Леви, попрощалась и пошла спать, напоследок рывкнув: — Если кто-то утром хочет открыть глаза живым, то ему лучше держаться от меня подальше! — и от души хлопнула дверь, чтоб им тоже жизнь малиной не казалась.

А ночью ко мне пришел Грегори...

— Зоя... — Измученный, исхудавший, он стоял у входа, где на последнем издыхании слабо теплилась крошечная масляная лампадка, и смотрел на меня темным, непроницаемым взглядом, который я ощущала кожей. Потом мужчина медленно, неспешно приблизился, двигаясь, словно я пугливая лань, и он боится резким движением меня испугать.

Его рубашка смутно белела в ночном сумраке. Босые ноги, одетые в темные штаны, вызвали много вопросов. Я никогда не видела щеголеватого Грегори необутым, ни разу. Он всегда блестел начищенными сапогами, был ухожен и свежевыбрит. И я никогда не видела его настолько растрепанным, словно Грегори черти всей командой в футбол играли. И особенно старался Чертова Малютка.

Лампадка в последний раз дернулась и погасла.

Во сне мы оба почему-то стояли посреди моей избушки бабы-яги, было тихо и темно, потом появился тусклый источник света, неясное свечение у нас над головами. Где-то далеко запиликал сверчок, ночной артист погорелого театра, но здесь и сейчас мы были одни в целом свете.

Грегори сделал шаг вперед и, склонившись, прижался лбом к моему, тесно обнимая горячими руками и притискивая к себе. Его колотила мелкая дрожь. Он шепнул:

— Боже, я так за тебя боялся. Думал, с ума сойду от страха, пока искал возможность прийти.

Даже не пытаюсь скрыть слезы радости, я призналась:

— Ты не поверишь, я и сама за себя боялась. — Потерлась лицом о его лицо: — Куда ты пропал? Было время, когда я совсем отчаялась, думала... А, впрочем, не хочу больше об этом вспоминать. Ты же не бросишь меня больше? Не оставишь? Будешь, как и прежде приходить?

— Нет. Не брошу и не оставлю, клянусь Небом, — пообещал мой самый близкий и единственный родной человек, прижимая мою голову к своей груди. — Даже если будешь прогонять. Не могу без тебя, Зоя...

За дверью громыхнуло и начался ливень с градом. Огромные градины, словно булыжники, лупили по крыше, по стенам, задевая окошки, затянутые слюдой. И что-то брэнчало, стучало и...

— Дай мне пять минут, дорогая, — бережно отстранил меня от себя мужчина и исчез, оставляя недоумение и пустоту.

— Какого хрена! — орал снаружи Гри, надрывая свою луженую глотку. — Вам что другого места не нашлось? Ну и что, что традиция! Сейчас вы этой традицией у меня оба схлопочете по самому нужному всем особям

мужского пола, вне зависимости от расы!

— Блин! — повернулась я на другой бок, сильно зажмурившись. — В кои-то веки встретила с другом, а тут концерты, как в марте под валерианку.

Но встать и выяснять подробности мне не хотелось. А хотелось снова провалиться в сон и вернуться в тепло надежных рук. И моя мечта сбылась.

Мы обнимались, глядя в глаза друг друга и безмолвно переговариваясь, и были душой за тысячу километров от этого места.

Свет в избушке стал немного ярче. Сердце громко колотилось в груди, перед глазами все плыло. Я не помню, кто первый потянулся к поцелую. Кажется, я. Или он? Или мы оба?

Да какая разница! Главное, что я мечтала, грезилась быть с ним рядом. Ощутить его губы, руки и желание. Я любила его, как друга, раньше, теперь хотела любить, как мужчину. Но хотел ли этого Грегори?

Да! Сто раз да! Он хотел этого не меньше меня. Он сграбастал меня всю, приподнимая и целуя так, что закружилась голова. Он обращался с моими губами, словно ласкал лепестки роз, его пальцы гладили мою шею и грудь, будто ничего более драгоценного у него в жизни не было.

Его не смущало ни мое тело, ни мои шрамы, ни то, как я выглядела, и кем я была... или не была. Он просто был со мной, с Зоей, с девочкой, с которой повзрослел, и которая превратилась в девушку и теперь горела желанием стать с ним женщиной.

Я и оглянуться не успела, как Грегори извернувшись, улегся на мое спальное место, уложив меня поверх себя. А дальше началось нечто восхитительное и невообразимое, настоящий хаос. Полузакрыв глаза, любимый ласкал мою грудь губами и языком, доводя меня до отчаянно-громких стонов. Нежа мое тело, он не пропустил ни местечка за ушами, ни плеч, ни тонких ключиц, ни чувствительного подрагивающего живота.

Живя в современном мире, молодая девушка знает достаточно, что за чем следует. Так и я ожидала, что после пылкой прелюдии этой ночью наконец перестану быть девушкой. Ждала с огромным удовольствием и радостью, твердо зная, что потерять девственность уродине в такой обстановке с любимым мужчиной — великое счастье и огромное наслаждение; то, о чем я не смела и мечтать.

Но, похоже, Грегори решил сподобиться сана великомученика. Потому что он не пускал мои жадные руки ниже своей талии, а при каждой попытке забраться туда, начинал так страстно ласкать, что у меня мутилось в голове и я вынужденно отступала.

Мой партнер был пылким и решительным, чутким и понимающим. За одну ночь я узнала о своем теле больше, чем за всю жизнь. Я никогда даже не подозревала, что могу стать рабой секса, но я ей стала. Его пальцы, язык...

— Пожалуйста, целуй меня еще... — Я буквально плавилась от желания. Как наркоманка, не в силах отказаться от дозы непередаваемого удовольствия, подставляла грудь под его ласки и хотела большего, смутно понимая, что это далеко не все...

Перед моими глазами вспыхивали алые пятна, я не владела собой.

Грегори и сам начал мелко дрожать, его дыхание сбилось. И я видела, что любимый меня хочет до потемнения в глазах, но почему-то отчаянно сдерживается. Временами он останавливался, стискивая зубы, и его лицо искажалось, как от боли, а на висках выступала испарина. Тогда он на несколько секунд отстранялся от меня, а затем продолжал с новой силой, пытаясь довести меня до чего-то особенного, дать что-то такое...

И тут начало сильно гроыхать. Как будто на мою избушку сошла настоящая снежная лавина. Блин!

Когда раздался громкий стук, Грегори разочарованно застонал, посмотрел на меня долгим тоскливым взглядом, еще теснее обнимая, и... пропал.

Я распахнула глаза, застонав от разочарования. Рядом со мной на лежанке топорщил шерсть кот, сверкая разноцветными глазами. И никаких следов ночного пылкого любовника.

— Нет в жизни счастья, — пробурчала я, спуская ноги с кровати. — Как говорили в моем летнем лагере в горах вожатые: «Пошуршали по изгибам, потерялись о выступы — и по палаткам, спать!»

— Ты о чем? — повернул на меня башку Гри, не переставая прислушиваться к происходящему на улице.

— Я о сексе, — вздохнула я, нашаривая свои лапти, — которого нет. И личной жизни нет. И счастья нет!

— Зато я есть, — утешил меня кошка, потираясь боком. — А о сексе тебе еще рано думать. Потому что, когда включается секс — выключается голова. А она тебе, судя по всему, еще не раз понадобится. Пойдем посмотрим, что день грядущий нам готовит?

— Пойдем, — согласилась я, одеваясь, но не особо стараясь маскироваться. Все уже видели какая я «красивая», так чего людей в обман вводить? Быстро умылась, заплела волосы в косу и распахнула дверь. И тут же закрыла ее обратно.

— Зоя? — с тревогой посмотрел на меня Гри. — Ты в порядке?

— Нет, — честно призналась я, в тяжелом раздумье глядя на дверь. — У меня такое ощущение, что я сейчас кого-то убью. Ты умеешь прятать трупы?

— Для тебя — все что угодно, — заверил меня компаньон. — Хоть голыми лапами могилу в камнях выкопаю.

— Тогда пошли, — решила я. Открыла дверь и выскочила наружу, пока не передумала, рванув к дереву на опушке, на котором сидел несчастный Ромуальд, а под ним расположился весь гарем... секта... стая волков, с нетерпением ожидавших, когда он сверзится со своего насеста.

— Я тебя предупреждала? — начала я вежливо, приблизившись и задрав голову. — Я тебе честно сказала, что тебя ждет? Какого черта ты сюда явился? Меня в грех ввести?

— Прости, — посмотрел на меня рыцарь, стараясь удержаться на ветке и удержать меч, — но я не могу иначе. Места себе найти не могу от стыда, что засунул девушку к дракону, хоть и должен был.

— Охреть! — обалдела я, упирая руки в бока. — То есть если бы меня сожрал этот красавец, то ты бы сильно переживал? Постфактум? А нельзя было начать переживать ДО того, как ты меня туда спровадил?

— Я и переживал, — уныло сказал Ромуальд. — Но как у наследного принца у меня есть определенные обязательства, и я был должен попробовать...

— Это дракон меня был должен попробовать, — нахмурилась я, не собираясь так просто сдаваться.

— Я красивых девушек не ем, — заверил меня дракон в человеческом обличье, появляясь в поле видимости. — У меня с ними другие отношения.

— А в ухо? — пожелала я ему доброго утра. И снова посмотрела на Ромуальда: — Так зачем ты сюда прилетел, птишка ранняя?

— Он ночная птишка, — улыбнулся дракон. — Пришел уже полночь — и сразу в драку полез, защищая прекрасную деву от ящера. Ничему прошлый раз не научил!

— Сколько тебе лет, что ты такой наивный? — покосилась я на дракона. — Когда это рыцари, особенно наследные принцы, чему-то учились? Они только сами учить могут. И все больше, как не доверять и обманывать.

— Все равно хочу искупить свою вину, — не сдавался Ромуальд, с опаской поглядывая на довольно щерящихся волков. — Не смогу нормально жить, если не искуплю!

— Патетично, — вздохнула я, — но глупо. А с чего вы вообще враждуете?

— На территории нашей страны не может быть дракона! — отрезал Ромуальд, сев на любимого конька, а, вернее, еще крепче вцепившись за ветку. — Это угроза населению! Особенно невинным девушкам!

— И поэтому одну из них ты ему и предложил, — злопамятно напомнила я. — Лично!

— Да не нужны мне ваши девы! — возмутился ящер. — Сами ко мне лезут. Шляются около пещеры в прозрачных рубашках, позы всякие принимают, на алименты напрашиваются. Всякое непотребство предлагают, причем настаивают, чтобы я был именно в драконьем обличье. Им, видите ли, нервы пощекотать нужно! А про физиологию ни одна из этих куриц даже не слышала! И разница в размерах тоже не смущает!

— Погодите, — потеряла я лоб, чувствуя начинающуюся головную боль, — один просто жил, а второй защищал тех, кому защита не нужна? И все это за мой счет? Или я чего-то путаю? А просто поговорить вы не могли?

— Ты издеваешься? — фыркнул Гри, присаживаясь около моих ног. — Когда два противника могли поговорить, если каждый думал, что он круче?

— Интересно, — дернул щекой дракон, — как я мог с ним хоть о чем-то договориться, если это придурок в консервной банке...

— Нельзя оскорблять противника, — сделала я ему внушение, надеясь на лучший исход событий.

— ... Подкрался ко мне со спины и ткнул мечом в зад... рядом с хвостом, — закончил дракон, гневно супя иссиня-черные брови.

— Точно придурок, — немедленно согласились мы с Гри.

— А что я был должен делать в полной темноте? — возразил Ромуальд, защищаясь. — Там же ничего не было видно. Шел на ощупь. Ну и попал слегка не туда...

— Так и я попал, — прервал его дракон. — Сначала ко мне, когда я мирно сплю, врываются домой. Потом хотят лишиться возможности сидеть. Следом начинают сильно материться и требовать выйти на смертный бой один на один! Конечно, я повернулся посмотреть, кто там такой глупый...

— А огнем дохнул, чтобы факелы зажечь? — невинно предположил Гри.

— Нет, — честно отказался дракон, — чтобы отстал. И дышал я на него вполовину силы, а потом еще тащил это сокровище к лесной ведьме...

— Так это я тебя должна благодарить? — ахнула я, начиная засучивать рукава. — Это ты мне такое счастье к порогу положил?

— Ну не себе же мне его было оставлять? — пожал широкими плечами, обтянутыми черной кожей куртки, дракон. — Если бы я всех оставлял, кто ко мне в гости лезет, то остался бы бездомным, а страна бы обезлюдела. — Пожаловался: — Они же все прут, как нанюхавшиеся попрыгухи! Мужики подрались, девы понравиться, маги за чешуйками, дети просто поглазеть. Никакого покоя! А пещера одна-единственная на много километров.

— Так, — сжала я виски пальцами, — кое-что мы выяснили. Злого умысла между вами не было, значит,

враждовать нет смысла. Другой вопрос, — ткнула я в Ромуальда, — что ты от меня-то хочешь?

— Возможность искупить свою вину, — тут же ответил рыцарь. — Тогда я снова смогу почувствовать себя мужчиной.

— А сейчас не чувствуешь? — на всякий случай уточнила я, склоняя голову на бок.

— Сейчас он чувствует себя поганцем, — хихикнул Гри. — Но это состояние у него перманентное и особо не тревожащее. Где ты видела будущего короля с чистой совестью?

— Я вообще никогда будущего короля не видела, — сообщила я коту. — Этот не считается. Он у меня с королевством не сочетается. С деревом, козлами, свиньями и сволочами — легко, а с королевством никак.

— Мне действительно очень жаль, — подал голос Ромуальд. — И я сделаю все возможное и невозможное, чтобы исправить...

— Тебе точно от меня что-то надо, — сделала я новый вывод. — Чтобы принц болтался на дереве перед ведьмой и просил искупления в исступлении? Это наводит на мысль либо о подвохе, либо об очень большом подвохе. Какая догадка правильная?

— Согласен на все, — вместо этого ответил рыцарь. — Могу охранять, сражаться, завоевывать...

— Не надо! — перебила я его. — Мне, конечно, в хозяйстве нужны мужские руки, но, думаю, что наследный принц этими руками вряд ли умеет пользоваться по назначению!

— А что я должен этими руками делать? — полюбопытствовал сразу заинтересовавшийся Ромуальд.

— Главное, — вылез вперед кот, — чтобы ты этими руками ее не трогал! А то я тебе их быстро красивым бантиком морским узлом завяжу! — и фыркнув, повернулся.

— Для начала нужно перекрыть крышу, — честно сказала я. — Потом коновязь поправить, угол у бани покосился...

— Зоя! — ошарашенно выдохнул Гри. — Это что?

— Что? — повернулась я к нему, подняла глаза на избушку и застыла. — Нихрена себе!

Вокруг моей избушки, практически до окон было насыпано золото в слитках, монетах и изделиях. В ласковых лучах раннего солнца перемигивались разноцветными искрами драгоценные камни. Пускали солнечные зайчики полированные доспехи и мечи.

— Это как понимать? — резво развернулась я к безмятежному дракону. — Это по какому такому праву ты сюда свое барахло перетащил? Чтобы меня все местные разбойники срочно полюбили неразделенной любовью?

— Я же сказал, что буду тут жить, — индифферентно пожал плечами дракон. — А это моя заначка. Внутри я решил не заносить пока...

— Ну вообще! — покачала я головой. Посмотрела на Ромуальда. И свистнула волкам: — Спасибо за помощь! Но мы его сами добьем, если будет нужно.

Оборотни согласно клацнули зубами и удалились.

— Спасибо, — поблагодарил меня рыцарь, слезая со своего насеста. — Я все отработаю.

— Живи пока, — спокойно сказала я. — Тут еще один смертник на очереди есть. С тобой разберемся, когда руки дойдут. Но под ногами у меня не путаться!

— Забирай свои манатки, — шипел разъяренный Гри, наступая на дракона, — и вали отсюда! Нам и без тебя хорошо!

— Боишься, что она тебя бросит, хранитель? — вкрадчиво сказал дракон, ничуть не впечатленный враждебностью. — И ты останешься не у дел, когда она откроет свои способности?

— Какие способности? — наострила я уши, пока кошка тянул меня за подол в дом.

— Способности химерины, — спокойно ответил ящер. — Ты уже на пороге активации. Еще чуть-чуть — и тебе будут доступны все возможности твоей расы.

— Какой расы? — вырвала я у кота юбку. — Ничего не понимаю!

— Она не химерина! — заорал Гри, выпустив когти. — Она ведьма!

— Это ты так хочешь думать, — парировал дракон, — потому что боишься этого больше всего на свете. Когда девочка войдет в полную силу, ты ей будешь не нужен. И если она останется с тобой, то только потому, что сама этого захочет. Именно это тебя и страшит, хранитель?

— Я не боюсь этого! — рыкнул в ответ кот. — Она просто еще не готова!

— Кто такая химерина? — влезла я между ними. — Кто-то может мне нормально ответить?

— Химерины — это одна из самых сильных и неуязвимых рас в нашем мире, — согласно кивнул головой дракон, потряхнув длинными черными волосами. — Они произошли от химер, но в процессе эволюции получили большие способности и возможности. Ты можешь оборачиваться любым существом во всех мирах. И помимо этого, у тебя есть способности перемещаться между мирами. Твоя раса, например, создала свой собственный мир, где и проживает до нынешнего времени. Другим туда хода нет.

— Что-то мне мало в это верится, — закусила я от волнения нижнюю губу. — Никогда не ощущала в себе

какие-то скрытые возможности...

— Потому что они скрытые, — пожал плечами дракон. — Если хочешь, я помогу тебе с ними справиться и обучу тому, что знаю сам...

— Нам и без огнедышащих не холодно! — бесновался Гри, закрывая меня собой. — Мы сами!

— Почему? — посмотрела я в золотистые глаза дракона.

— Потому что я для этого живу, — просто ответил он. — Я Смотрящий на этой земле. Моя обязанность и задача помогать химеринам. Таков древний договор, который чтут все драконы. Я в твоём распоряжении, девочка, когда бы ты не пожелала.

— Меня Зоей зовут, — почему-то вспомнила я, что мы не знакомы. Уже, типа, живем вместе, а имен друг друга не знаем.

— Я — Ланселот, — широко улыбнулся дракон. — Мне будет приятно учить тебя, Зоя, — он покосился на кота, — если твой хранитель не будет нам мешать.

— Гри, — присела я на траву, — пожалуйста, ты мне самый близкий тут и родной, но так хочется узнать, действительно ли я эта неведомая химерина. — Протянула к нему руки: — Ты мне поможешь?

— Куда я денусь, — как-то сразу сник кошак, но обниматься пошел. Прижался ко мне: — Главное, не давай себя охмурить, Зоя. Уже сейчас рядом с тобой будут постоянно оттираться два видных мужика и, не факт, что их не будет больше. Не поддавайся.

— Смеешься? — грустно сказала я, утыкаясь лицом в черную шерсть. — Кому я, кроме тебя, нужна с таким-то лицом? И потом, у одного чувство вины, второй чего-то там разглядывает. Так что мотивы самые прозаичные.

— Дурочка ты еще, — утер мне лапами глаза Гри. — Сама себе цену не знаешь. Но мешать не буду — учись. — Признался со вздохом: — Он действительно может тебя научить многому, чему не смогу я.

— Вот и хорошо, — обняла я его еще крепче. — Я люблю тебя, Гри.

— И я тебя, Зоя, — мурлыкнул в ответ кот.

— Когда начнем? — деловито спросил Ланселот, прерывая нашу идиллию.

— Сейчас позавтракаем и начнем, — пообещала я, отлипая от кота и вставая на ноги. — Только, боюсь, что на всю нашу компанию у меня продуктов не хватит...

— Недалеко стоит мой обоз, — подал голос Ромуальд. — Если вы позволите мне...

— Валяй, — равнодушно махнула я рукой, не в силах отойти от множества важных новостей.

— Только пусть твои люди, — вмешался Гри, — сюда не суются. Давай они притащат что надо и убираются восвояси. Нечего у нас тут общежитие устраивать!

И мы пару часов просидели на крылечке, наблюдая, как на опушке леса разбивают палатку и разворачивают походную кухню. Кот туда сразу наведалься, снял пробу и разрешил повару находиться на поляне при приготовлении пищи. Дракон тоже подсуетился и добыл себе шатер. Теперь место моего обитания слегка смахивало на рыцарский турнир.

Пока Ромуальду кто-то из своих, видимо, подкованных в ремонте, объяснял, как перекрывается крыша, ко мне подступил Ланселот. И я, разомлевшая от сытного завтрака, включающего в себя свежий белый хлеб и фрукты, сдуру согласилась. Если бы я знала, на что подписываюсь, варила бы себе спокойно свои зелья и травила народ.

Через несколько часов...

— Ты уверен, — кряхтя снимала я свою ногу со своей же шеи, — что для развития способностей нужно именно так медитировать?

— Нет, — тут же ответил дракон, — но так прикольно, когда ты корячишься в позе лягушки в экстазе.

— Убью, — мгновенно отреагировала я. И кот тут же приволок мне один из мечей, раскиданных вокруг дома. Так сказать, нужно держать оружие производства под рукой.

— Могу я помочь? — крикнул с крыши Ромуальд, раздетый по пояс.

— А я поучаствовать? — присоединился Гри, в кои-то веки образовав союз с рыцарем.

— А кто будет ее учить? — выкрутился Ланселот, белозубо улыбаясь. И я представила его со вставной челюстью. А потом, как он оборачивается, и челюсть становится ему мала и выпадает... Беззубый дракон — это такая сказка! Страшная!

— Я постигну нирвану в одиночестве, — заверила его я. — И всякие ластоногие ящеры не будут мне поганить мой экстаз!

— Почему ластоногие? — полюбопытствовал учитель.

— Потому что их легче склеивать, — пояснила я на полном серьезе, размышляя: а после смерти он останется человеком, или мне придется закапывать драконью тушу? Леви этого точно не переживет. А две могилы копать мне было лень. Да лешего было жалко — я его любила и уважала.

— Хорошо, — внезапно стал собранным Ланселот, — поскольку энергия у тебя уже проснулась, когда ты разметала мою пещеру, то, думаю, можно приступать. Загляни внутрь себя...

— Это каким образом? — вытаращилась на него я. — Вывернуться наизнанку? Это ж экстрим.

— Ладно, — на удивлении покладисто согласился дракон, — тогда попробуй найти в себе...

— У меня там много чего есть, — нахмурилась я. — Целые залежи полезных ископаемых — искать буду долго.

Может, для начала пообедаем?

— Не увиливай! — окоротил меня учитель. — Просто представь себя кем-то и попытайся им стать...

Я закрыла глаза и честно попыталась. Что-то екнуло внутри и бухнулось снаружи.

— Что такое? — распахнула я глаза, раздосадованная, что прервали.

— Мантикора, — обошел вокруг меня Ланселот. — Для начала неплохо. Как показатель поведения пойдет.

Давай что-то другое попробуем.

— Хорошо, — посмотрела я на встающего с земли и потирающего поясницу Ромуальда, свалившегося с крыши.

Вдалеке из походного котла торчали ноги повара. — Попробую.

Закрыла глаза и снова сосредоточилась на своем внутреннем мире. Снова что-то екнуло и бухнуло.

— Грифон, — удовлетворенно сказал Ланселот, обходя меня уже по дальнему кругу. — Как как показатель сущности прокатит. Давай еще!

Посмотрев на свалившегося с лестницы Ромуальда и уже несколько пар ног, торчащих из котла, я вздохнула и подчинилась. Если я сейчас еще чего-нибудь отчебучу, то в котле будет весь обслуживающий персонал, а обед останется снаружи, и не факт, что съедобный.

Закрыла глаза и подумала о Грегори. Опять что-то екнуло, но на этот раз охнуло.

— Единорог! — восхищенно выдохнул рыцарь, опускаясь на колени. — Белый единорог!

— Белая мантикора или грифон вас не смущали? — зыркнул на Ромуальда дракон. Погладил подбородок и выдал: — Теперь все в курсе твоей личной жизни! Поздравляю!

— Конец нам! — безнадежно сказал Гри, плюхаясь на задницу. — Чем отбиваться будем?

— Давайте решать проблемы по мере их поступления, — оптимистично заявила я. — Пока тут никто в очередь не стоит!

Гри, Ланселот и Ромуальд уставились на меня так, как будто я им на Макинтош Винду поставила, но ничего не сказали. И правильно сделали.

В общем, через какое-то время жизнь наладилась. Все оказались при деле. Рыцарь доломал все, что мог доломать, пока чинил. Гри кричал, что он поседет мне в масть и требовал ритуального сожжения Ромуальда на остатках коновязи. Пришлось спасать обоих и начать заниматься с рыцарем основами боя на мече, благо их было дофига раскидано около дома. Когда я могла только лежать после этих занятий, приходил дракон и заставлял меня искать смысл внутри себя. Все выходило наружу словесно, и я превращалась в какое-то чудовище. Последней была лернейская гидра. Вот тогда я славно оторвалась. Меня хватило на всех.

В один из теплых солнечных дней прискакал взмыленный гонец и что-то очень долго и экспансивно толковывал Ромуальду, размахивая руками и стараясь пометить пеной, брызжущей изо рта во все стороны. Они чего-то там пообсуждали, рыцарь безнадежно кивнул и пошел договариваться со мной.

— Снежная дева! — брыкнулся он на колени. У этого мужика была просто мания дышать мне в пупок. — Прошу освободить меня на время от моего служения. Возникли срочные проблемы, требующие моего немедленного вмешательства.

— Ну если надо, — вздохнула я, легонько пиная Гри, старавшегося помахать рыцарю на прощанье подолом моей юбки. — Я буду скучать.

Честно говоря, не буду, но все же не вежливо говорить в открытую наследному принцу, на землях которого ты живешь: шел бы ты лесом, рыцарь, пока не оставил нас бездомными.

— Если я не вернусь, — начал нагнетать обстановку Ромуальд, — то вы всегда будете в моем сердце. Оно навечно принадлежит вам!

— Нет-нет, — сразу испугалась я, отодвигаясь на всякий случай, — оставьте его себе. Это слишком хрупкая вещь. Боюсь, уроню или сломаю.

Мы еще чуть-чуть повыдрыгивались друг перед другом, изощряясь в изящных оборотах, и все же расстались на радость счастливому коту и задумчивому дракону.

Ромуальд оставил нам походную кухню (это волновало меня), наказал привозить продукты, как и раньше (это волновало кота) и отбыл с большим отрядом (это взволновало дракона).

Где-то через неделю после его отъезда я жевала булочку, запивая свежим молоком, и случайно задалась вопросом:

— Интересно, что сейчас делает Ромуальд?

— Он как раз со своим войском, — задумчиво сказал Ланселот, разглядывая небо, — подошел к границе и сейчас будет молиться, чтобы эльфы их порвали не сразу.

— Зачем? — я даже есть прекратила от удивления.

— А им ушастые объявили войну за спорные земли, — пожал плечами дракон.

— Ну, если все так плохо, — отставила я крынку с молоком, — и мы не можем победить, то почему бы не отдать им эти спорные земли и сохранить жизни?

— Потому что спорные земли, — любезно пояснил Ланселот, — это все земли королевства. И в живых Ромуальд в любом случае не останется...

— Его могу убить только я! — вскочила я на ноги, потому что мне сильно не понравилось, что какое-то ушастое чмо может распоряжаться жизнью моего рыцаря только потому, что у них уши уравнивают мозг снаружи. — Как ему помочь?

— Ну мы, конечно, можем уравновесить расстановку сил... — педантично занудел дракон, но я уже бежала к опушке.

— Куда?!! — завопил Гри, бросаясь вдогонку.

— На своих двоих далеко не убежишь, — в один взмах крыльев догнал меня обернувшийся Ланселот. Я с ним молча согласилась, перекинувшись в... да кто знает, во что! — главное, что у этого было два копыта и две когтистых лапы.

— Не пуцу! — блажил в отдалении кошка.

— С крыльями быстрее, — расчетливо натолкнул меня на умную мысль ящер. Я послушалась, и вскоре рядом с черным драконом в воздух поднялся снежно-белый.

— Зоя! — завывал внизу Гри. — Куда ты побежала... поскакала... полетела, зараза?!! Вернись домой немедленно! Я за тобой не успеваю!

— Я его быстро спасу и вернусь! — пообещала я нервному коту. — Не волнуйся, я буду очень осторожна!

— Врать нехорошо, — заметил Ланселот, рассматривая, как меня носит из стороны в сторону, пока я пыталась приспособиться к воздушным потокам. — Ты никогда ничего не делаешь осторожно.

— А как у тебя получается говорить, не разжимая пасти? — любопытствовала я, чуть не проглотив при этом большую птицу. — Тьфу!

— Попробуй связаться со мной мысленно, — хмыкнул черный дракон. Он успел виртуозно подпихнуть меня снизу, пока я падала, сильно задумавшись о мысленной связи. — А лучше вообще ничего не говори. Тебя это сильно отвлекает. Видимо, ты можешь либо махать крыльями, либо языком.

Я на этот выпад обиделась, но промолчала, потому что мы как раз облетали косяк гусей, летящих клином. Птицу я, конечно, люблю, но не уверена, что люблю перья как добавку к мясу.

Под чутким руководством Ланселота мы все же долетели до границы и приземлились аккурат между двумя армиями. На этом же отрезке земли переругивались Ромуальд и какой-то ушастый самоубийца, осмелившийся шевелить своими лопухами в сторону моего рыцаря! А я жертвами не делюсь!

Представляете лица этих драчунов, когда рядом с ними появились два дракона? Причем черный сел изящно, чуть взбороздив землю лапами, а я плюхнулась кульком и еще и кашлянула нечаянно сажей. Слава богу, в сторону чужой армии. Так что эльфы в ближайшее время будут заняты.

— Нет! — поскакал ко мне Ромуальд и встал спереди, загородив от эльфа. Ну по-крайней мере, попытался загородить. Одну лапу.

— Драконы! — изумленно выдохнул прекрасный эльф, передергивая длинными ушами. — Живые!

Я осторожно переставила Ромуальда вместе с конем себе за спину и оставила его безлошадным. Конь упал в обморок. А рыцарь ничего, выжил и даже снова попытался меня загородить своей широкой грудью.

— Не мешай, — рывкнула я ему, зажимая между когтей. — Мне тут с супостатом поговорить надо!

— Вы не будете с ним сражаться! — вырывался от меня Ромуальд. — Я больше не отдам вас дракону!

— Ты сам понял, что сказал? — постучала я ему когтем по шлему. Легонько так... и вбила по колену в землю. О! А это лучше, чем держать самой. А если что, можно и еще чуть-чуть внутрь вогнать...

— Если ты подаришь мне одного дракона, — влез в нашу беседу эльф, протягивая ко мне загнувшиеся ручки, — то, клянусь, священной рощей мы никогда не будем больше предъявлять требования к вашим-нашим территориям...

— Пиши письменно, — рыкнула я, вспоминая «без бумажки — ты букашка, а с бумажкой в сортире весело». — Ничего не будем рассматривать, если все не будет закреплено должным образом.

Эльф тряхнул роскошной шевелюрой, стриганул ушами и помчался вспоминать знакомые буквы.

— Я не могу вам позволить, — выкопался из плена Ромуальд, — взять на себя мои обязанности!

— Слушай, — положила я голову на лапу и ласково на него посмотрела (рыцарь тут же побледнел). — Я тебя всего до коленей закопала, а ты почти час вылезал. Прикинь, если тебя на пару метров вглубь зароят, и ты будешь совсем неживой. Как ты будешь в этом случае выкарабкиваться? Меня уже пугали зайцем-зомби, рыцаря-зомби я просто не переживу!

— Кто такой зомби? — вычленил самое главное Ромуальд.

Я показала.

Обе армии отошли на приличное расстояние и внимательно поглядывали издали, видимо, раздумывая — страдаю я падучей или это просто судороги, потому что мышцы затекли.

— Вот! — притащил нам исписанный лист эльф и сунул под нос. — Это моя клятва.

Я покосилась один глазом, потом другим, потом свела оба к носу и еще раз поглядела. И наконец не выдержала:

— На каком языке ты это накропал, отрок?

— На старозельфийском, — поднял на меня восторженные темно-лиловые очи парнишка. — А что?

— Не пойдет, — аккуратно подпалила я листик. — Нам нужно на нормальном. Мы ваши красивые завитушки не понимаем и никому показать не можем. Вдруг вы нас эдак изящно-матерно обложили в свое удовольствие?

Эльф почесал в затылке и убежал.

— Я не смогу жить, если с вами что-то случится! — начал снова надрываться Ромуальд.

— «Закопай его показательно, — посоветовал мне Ланселот. — И мы подождем договора в тишине».

— Ромуальд, — попыталась решить я дело миром, — в первый раз ты жертвовал мной и это было для меня плохо, но для тебя хорошо. Так?

— Так, — не стал отрицать рыцарь.

— Теперь я жертвую собой сама, — вела я дальше логическую цепочку, — и это для меня плохо, а для тебя хорошо. Так?

— Да, — снова кивнул наследный принц.

— Улавливаешь разницу? — с надеждой поинтересовалась я, потому что сама я ее никак не улавливала.

— Нет, — честно ответил Ромуальд. — И в том, и в другом случае предусматривается жертва.

— Да, но это моя жертва, — встала я грудью на защиту собственной глупости. — И это я выбираю. А потом, эльфы все же лучше дракона...

— «Это чем же? — обиделся Ланселот. — Что у них есть такого, чего нет у порядочного дракона?»

— «Клинописи, — чуть-чуть подумала я и ответила. — А эльфы ей клянутся».

— Вот! — прискакал к нам резвый эльф. Они там эти договора под копирку пишут? Или у них где-то комп заныкан?

— Ну-ка, ну-ка, — прочитала я цидулку. — А почему не прописан цвет дракона? Вот тут, — ткнула я когтем в нужное место договора и, конечно, порвала пергамент. — Извините, давно на маникюре не была.

— Что-то еще? — у эльфа было просто ангельское терпение. Теперь я понимаю, почему его соплеменник женился на ведьме — ему было просто откровенно начхать, кто с ним рядом копошится.

— Ну-у-у... марку, возраст и пробег мы писать не будем, — задумчиво протянула я.

— Я не подпишу! — влез неугомонный Ромуальд. — Я потом спать спокойно не смогу!

— Будешь спать беспокойно, — невозмутимо ответила я, намереваясь покончить с этим делом, пока сюда не нагрянул Гри, собрав всю нашу компанию. Все же чертово семейство вкупе со стаей оборотней не способствовали мирному ведению переговоров.

— Я что-то еще должен исправить или добавить? — терпеливо спросил эльф.

— Пока нет, — покачала я головой.

Эльф вытащил стило и вписал сверху дырки большими печатными буквами «БЕВЫЙ».

— Это какой цвет? — полюбопытствовала я. — Нет, ну я слышала о маренго, аквамарине и даже пюсовом, но вот бевый для меня что-то новенькое. Это бежевый или бело-бежевый?

Пацан скрипнул зубами и исправил на «ВЕЛЫЙ».

— Не пойду я с вами, — ткнула я лапой в посягателя на мое тело. — Не хочу жить в плену у неграмотных узурпаторов!

Парнишка скрипнул зубами и ускакал постигать грамоту в ускоренном обучении.

— Вот! — посмотрела я ему вслед с ностальгией. — Не только у нас проблемы с обучением молодежи. — Пригорюнилась: — Вот до чего мы дожили... многие считают, что Пушкина прикончил Дидро, который шил сумки, а это были три разных человека: Дидро, Диор и Дантес. Философ, модельер и мужик, который не любил поэзию.

— Не будет на то моего согласия! — блажил Ромуальд, все еще думая, что он тут главный. Пусть, конечно, думает, что хочет, лишь бы в войну не ввязывался.

— Все исправлено! — прибежал назад эльф и сунул мне договор прямо в нос. Я внимательно прочитала и не нашла к чему придраться. Ну пара запятых была пропущена. Абзацы не выделены. Восклицательными знаками все изобиловало. Особенно в конце: Я! М-мать! Клянусь! Не трогать! Если! Не буду! Переписывать! Эту гадость! Еще раз!

— Подписывай, — передала я договор Ромуальду. — Мне некогда. Я в плен хочу.

— Не буду, — упрямо сказал этот венценосный осел. Вот интересно — это гены или личная особенность?

— Факсимиле считается? — поинтересовалась я у эльфа. Тот кивнул. Я быстро сграбастала рыцаря, перевернула и припечатала договор к его сапогам. — Все равно вы все делаете через то место, откуда растут эти ходули.

— Это незаконно! — поправил шлем, сползший на уши, Ромуальд. — Никто из здесь присутствующих не признает эту писульку за документ...

— Мужики? — покосилась я на нашу армию, выпустив струйку пламени из правой ноздри.

— Это нерушимая клятва! — отреагировали все, как один, сделав три шага назад.

— Видишь, — нависла я над рыцарем, — все «за», а ты не считаешься.

— Пойдем, — потянул меня за крыло эльф, — пойдем — мне тебя подарили!

— Это кого кому еще подарили, — фыркнула я, пристально изучая наивного драконовладельца.

Ничего мне пацанчик попался, слегка наивный, чуточку неграмотный, а так все при нем. Голова, две руки, две ноги, только уши по размеру выделялись. Ну и смазливый до икоты. Лиловые очи, вытянутые к вискам, пухлые губы, прямой нос и два острых уха. На мой взгляд это было чистым излишеством.

— «Зоя, — сказал мне Ланселот, расправляя крылья, — ты, главное, в человека старайся не превращаться. У эльфов слегка странные обычаи, тебе вряд ли понравится. Я за тобой через неделю прилечу. Как раз ты за это время наиграешься, эльфенок спятит, а Гри войдет в ум» — и улетел.

— Ромуальд, — строго сказала я рыцарю, рвущему на шлеме волосы, — проследи пожалуйста, в память обо мне, чтобы Гри вместе с всей компанией не объявил отдельную войну эльфам. Мне больше ничего им дарить! Вряд ли Ланселот согласится быть «чевным» или «чмонным» драконом в новом договоре.

— Я обязательно спасу вас! — этот вопль стоял у меня в ушах, пока мне показывали дорогу в стан эльфов.

А там...

Собственно говоря, ушастые сами не знали, что со мной делать. Если я пленник, то куда меня сажать под замок. А, главное, зачем?

Если гость, то где опять же размещать и чем кормить.

Так вся ставка переругалась вдрызг, пытаюсь найти мне правильное определение в их многотомном этикете. Кстати, усеченный вариант параграфов, как нужно вести себя на поле боя, они возили с собой на трех телегах. И сейчас каждый, кто умел читать сидел с томиком и выяснял — а зафига я им сдалась!

Я в это время лежала посреди лагеря на пузе и тырила из продуктовой палатки халву и шоколад. А что? Кем бы я у них там не оказалась, а кормить меня положено!

— Простите, — вылез ко мне эльф с изумрудными глазами весь из себя красивый в мундире, расшитым золотой нитью, — а вы не могли бы побыть имуществом? На этот счет существуют твердые предписания...

— Имущество движимое или недвижимое? — деловито уточнила я, счищая с ящика с халвой какого-то вопящего дурниной эльфа. — Ням-ням. Тьфу! Извините, это, кажется, ваш колпак!

— Есть разница? — уткнулся в свод правил эльф в золотой вышивке.

— А то, — кивнула я, на ощупь шарясь в продуктовой палатке. — Если я движимое имущество, то пойду сама, а если недвижимое — то понесете меня вы!

Тут у эльфа чего-то замкнуло, и он пошел к своим размыкать кольцо безумия.

В общем дочитались все до того, что ползали по лагерю на четвереньках и трясли длинными волосами, как гривами. Кстати, видимо под шумок, испарился весь запас спиртного, но я к нему лапу не прикладывала.

— Эй, — заблажила я, когда уже начало темнеть, — где я буду спать? И где мой тюремный ужин? И как вы вообще хотите, чтобы я рассказывала об этом плене своим внукам? Что вам было все равно, что вы взяли в плен дракона? Вы не могли победить его оружием, поэтому уморили голодом?

— Каким голодом?! — выскочил из палатки разъяренный повар. — У меня из продуктов одна капуста осталась! И кто-то все еще голодный? А как насчет несколько сотен голодных эльфов?

— Это вы мне их в рацион предлагаете? — попыталась я поднять броне-щитки над глазами в удивлении. — Пытаетесь сократить поголовье эльфов драконьим путем?

— Тьфу! — в сердцах сплюнул повар, сорвал свой красивый, пожеванный мной колпак, бросил оземь и пошел увольняться.

Вот! Если вести правильную политику, то у них к утру половина состава уволится и мне больше достанется.

Наступила ночь, а эта ушастая братия так и не договорилась, что со мной делать. А поскольку я тут находилась на полулегальном положении, то они просто выставили вокруг меня охрану и успокоились.

— Зря, — честно сообщила я какому-то сильно вздрюченному командующему. — Периметр вы вроде как прикрыли. Но я же улететь могу.

— Дайте мне слово, — устало вздохнул несчастный командир, оценив мою откровенность, — что вы не будете этого делать!

— «И тут мне как-ак поперла карта...» — вспомнила я старый анекдот. Внимательно посмотрела на мужика: — И вы мне поверите?

— А у меня есть выбор? — пожал плечами эльф, нервно дергая себя за кончик косы. — Если я накрою вас сетью, вы сможете ее сжечь и улететь. Если надену на вас цепь, то куда мне ее крепить?

Я представила, как парю в небе, вся красиво обвитая цепями, точно колбаса веревками, и помотала головой, стараясь избавиться от такого яркого видения.

— Вы не согласны? — удивился командующий, уже ни на что сильно не надеясь. — Будете бежать? Если да — то, пожалуйста, бегите подальше, чтобы мы вас не нашли.

— Я останусь, — заверила его я, подумав, что эльфы просто не могут так легко от меня отделаться. Они еще не все проблемы на себе испытали и не выпили свою горькую чашу до дна. Хотя, если все так и дальше пойдет, то ушастые быстро сопьются.

— И мне вас никак не уговорить? — посмотрел на меня с такой неприкрытой надеждой мужик, что мне его даже стало жалко на какую-то секунду. Но с другой стороны, если я сейчас их не убежу... убежду... не добыю своей харизмой, то они снова к нам с претензиями полезут. А мне Ромуальд все же ближе. Привыкла я к нему.

— Нет, — посмотрела я на него кристально-честным взглядом. — Буду держать свое слово до вашего конца! И потом я же должна узнать какой именно цвет вы считаете «бевым».

— Тьфу! — совсем не изящно сплюнул за землю командующий и удалился от меня, наказав часовым всячески помогать моему санкционированному побегу.

Я посмотрела ему вслед, вздохнула, вспоминая Гри и нашу избушку. Как хорошо оказаться сейчас там и вечерять на крылечке, поедая вкусный ужин, под тихое переругивание кота, рыцаря и дракона.

Покрутилась на месте, отыскивая удобную позу, и улеглась, положив морду на лапы и прикрывшись крыльями. Чего только не сделаешь для мира...

— Подвинься, пожалуйста, — услышала я сквозь дрему. Приоткрыла один глаз и чуть не подскочила на месте. Ко мне под крыло полз эльфеньш.

— Что тебе здесь надо? — уставилась я на него в изумлении. — Чего тебе на своей перине в палатке не спится?

— Мне так надежнее, — заявил этот наивный ушастик и таки заполз ко мне. Поелозил, забрался на мои лапы, свернулся в колечко и сладко задрях.

И что вы думаете я делала всю ночь? Не в жисть не догадаетесь! Я баюкала эльфа! Сидела, как дура, на хвосте и держала ушастую сволочь около своей бронированной груди. Даже пыталась спеть колыбельную, но тут восстала вся армия и пообещала сбежать сама в неизвестном направлении, если я не заткнусь. Ну, я, конечно, заткнулась, но приняла к сведению, что эльфы не любят драконьего пения. Так что арсенал моего оружия пополнился.

Утром мы все пожелали друг другу доброго утра. Я в вежливых выражениях, а эльфы в вежливых матюгах, потому что завтрак им не светил. Но тут приехал Ромуальд и привез мне поесть, в надежде уговорить не дурить и дать ему умереть на поле боя, в сражении с эльфами. Я пообещала остаться в плену навсегда, если он не заткнется и не даст мне возможность получить удовольствие от отпуска. После чего поделилась пищей с эльфами, и они слегка примирились с моим присутствием. До обеда, наверное.

После завтрака эльфийская армия собралась двигаться в путь. И тут встала еще одна проблема: один мой шаг плохо соотносился с их шагами.

— Я догоню, — пообещала я им, — как только вы скроетесь вдали.

Судя по лицам собравшихся, они рассчитывали скрыться гораздо дальше и надеялись, что я где-то в пути потеряюсь. Наивные. Где я еще таких наивных эльфов найду?

Так что избавиться им от меня не удалось, хоть они и приложили для этого все усилия: путали следы, сворачивали в другую сторону, окапывались в поле, прикидываясь сусликами.

Но я с настойчивостью опытной ищейки все равно находила эльфийскую армию. Вот все же, в любом мире мужики сначала берут кого-то в плен, а потом долго думают, что с ним делать и ужасаются последствиям.

Представляете, помимо армии, им еще было нужно прокормить голодного дракона. А я абы что есть отказывалась. Так что забот у них было много. Зато сразу отпало желание чего-то еще завоевывать. Правильно, а вдруг там вручат еще одного дракона, и эльфийская экономика погибнет на корню?

В общем, до места дислокации мы добрались в рекордные сроки. Меня начали заманивать в подвал, не подумав о том, что если я захочу оттуда выйти, то кто-то очень недалёковидный останется бездомным. Но я не спешила указывать на этот просчет. Должны же они учиться на своих ошибках?

— Скажите, — прискакала ко мне очередная эльфийская шишка в роскошном мундире, — вы сдались к нам в плен, чтобы уничтожить расу эльфов? Вы испытываете к нам чувство классовой ненависти?

— Что навело вас на такие раздумья? — разглядывала я сводчатый потолок.

— Вы подчистили все наши полугодовые запасы пищи, — честно признался не представленный мне эльф.

Собственно, по его виду было заметно, что он с удовольствием бы представил, но меня и Богу.

— И что вы предлагаете? — взглянула я на него искоса.

— Можно мы подарим вас вампирам? — с надеждой вылупился на меня мужчина, судорожно сжимая в руках... ну это было уже не опознаваемо. Чего бы он там не сжимал, замацал до смерти. Наверно, мою шею представлял.

— Не то чтобы я была против, — пошевелила я крыльями, — но я у вас тут еще не все достопримечательности посмотрела. Не все деликатесы попробовала...

— Это угроза? — напрягся эльф.

— Нет, — помотала я башкой и чего-то там задела из украшений на стенах. Было много пыли...

— Послушайте... кхе-кхе, — прокашлялся парламентар, — давайте вы или подаритесь вампирам, и пусть они вымрут как вид, или мы вас просто отпустим. Как вас люди умудрялись содержать?

— У них я была на самообеспечении, — призналась я честно. — Именно поэтому мне не хочется вас покидать. Бесплатная крыша над головой, дармовая еда... только развлечений мало, но я так и быть пострадаю за страну и корону.

— Милая дама-дракон, — чуть не сожрал свой мундир от злости мужчина, — давайте все же решим наши проблемы мирным путем. Пока наш принц договаривается с братом о разрешении полетов на вас, мы вас потихоньку выведем и выпустим...

— Что он делает?.. — опешила я от такого известия. — На ком он летать собрался? На мне?! Если этот ушастик свалится — кто будет виноват? И потом, на мне кататься — это моветон. Потом придется жениться, а я не созрела к браку!

При мысли о женитьбе эльфа на прозорливом драконе, у парламентаря окончательно отказал думательный аппарат (хотя по моим наблюдениям — там и так был экспериментальный образец), и он начал выпихивать меня наружу голыми руками, толкая в хвост.

— Не напрягайте меня, — предупредила я окончательно спятившего мужика, норовившего меня и плечом в задницу подвинуть. — Последствия могут быть ужасающими...

И кого это в данный отрезок времени волновало?

— Если вы оскверните собой правящую семью, — пыхтел эльф, — то я продам все, что у меня есть! Куплю на эти деньги яду — и скормлю вам!

— Это вредная биологическая добавка, — отказалась я от такого витамина в своем рационе. — И это некрасиво!

— Зато честно! — не сдавался несчастный, уже устав выносить меня наружу.

Что за хлипкая нация, а? Одну маленькую хрупкую леди-дракона прокормить не могут? И уже почти отощавшую даму на руки взять никак!

— Ладно, — поразмыслила я, подсчитывая время, которое я тут пробыла. Судя по всему, скоро у них будут новые гости и мой отпуск закончится. А я, действительно, ничего не успела посмотреть. И, вероятнее всего, меня уж точно второй раз не пригласят. Да они потом Великую Эльфийскую стену от драконов поставят. — Не можете прокормить дракона — кормите меня! — и поменяла облик.

— Пипец! — выдал эльф слово иностранного языка, пролетая мимо меня в стену. — А чего вы сразу не уменьшились?

— Ну вы же требовали дракона, — пожалала я плечами, отряхивая юбку. — Не могла же я вас всех так кровно обидеть и жестоко разочаровать. И потом, вы теперь твердо выучили урок, что на страну, способную содержать драконов, нападать нельзя! Потому что если вы эту страну победите, то кормить нас придется вам! — и пошла прочь, оставив эльфа в глубоких раздумьях.

Шлялась я по красивому дворцу достаточно долго. Никто не хотел показывать мне дорогу. Наоборот дамы, запакованные по самые уши в бронелаты из благородных тканей, и кавалеры в мундирах, шитых золотом, брезгливо морщили аристократичные носы, отворачивая безупречные лица.

И бродить бы мне по этому замку до скончания своих дней, но я никогда не отличалась терпением. Может, это и плохо, но зато сохраняет время. Когда я поняла, исследовав один этаж целиком, что провожатых мне не дадут, или дадут, но аналог Ивана Сусанина, то решила взять дело в свои руки.

Прислонилась плечом к стене и подумала: а кто лучше всего находит нужных людей?

Правильно! Собака. И дальше по эльфийскому дворцу бегал трехголовый белый Цербер. Вот народ повеселился, сидя на вазах, статуях и карнизах.

Чувство вины мне тоже было незнакомо, зато наполняло чувство гордости: когда еще эльфы позанимаются производственной гимнастикой в рабочее время?

Вскоре мне попался знакомый запах эльфенка, приведший меня в громадный кабинет. Охрану я сняла достаточно тихо. Просто лизнула стражников в лоб, и они сами отвалились в обморок.

Когда я хотела зайти, оттащив бдительно перекрывавшую дверь стражу, то как-то не с руки было открывать дверную ручку лапой. Пришлось возвращаться к обычному облику.

— Простите за беспокойство, — ввалилась я в кабинет, прерывая беседу на повышенных тонах между двумя эльфами. Кстати, похожими как две капли воды. Только тот, что постарше, как бы это сказать... выглядел более побитым жизнью... ой! Мужественным. А так оба хоть куда... Только не мне на шею! — Но мне бы хотелось заявить протест по поводу плохого обращения с драконами.

— Вы кто? — недовольно сдвинул на меня темные брови старший эльф. — По какому праву вы врываетесь во время аудиенции?!!

— Так я, собственно, дракон, — ответила я, рассматривая его честными глазами. — Тут понимаете какое дело... если сама за себя не заступишься, то сразу же норовят на спину залезть. А я против. У меня профессия вредная и спина больная.

— Какая-какая профессия? — не мог взять в толк старший, пока младший на меня просто откровенно пялился.

— Так ведьма я, — призналась, смущенно теребя юбку. — Лесная.

— Вы же только что сказали, что вы дракон, — указал мне на несоответствие эльф.

— Так совмещаю по необходимости, — покаялась с тяжёлым вздохом. И тут мне на глаза попало зеркало в тяжелой раме, висящее аккурат за спиной старшего.

Я мельком взглянула на него, заранее поморщившись. Потом присмотрелась. Еще раз. И пошла к зеркалу твердым шагом, недрогнувшей рукой отодвинув мешавшегося под ногами эльфа.

— Да что вы себе позволяете! — разозлился тот, снова вставая у меня на пути.

Я отодвинула. Он снова влез. Я попыталась обойти — он передвинулся.

Я говорила, что у меня терпение мизерное? Ну, в общем, эльф сам отошел в сторону, когда над ним завис ядовитый хвост мантикоры. Мало того, что отошел сам, так и еще и брата с собой забрал. Чуть ли не на руках в противоположный угол унес и мечом прикрыв.

— Этого не может быть!!! — гладила я рукой зеркальное полотно, вернувшись к человеческому облику и не в силах поверить. — Это просто какое-то чудо.

На меня из отражения смотрела прежняя Зоя, которая была до аварии. Прежняя, да не совсем. Ушла детская пухлость. Скулы стали более четкими, подчеркнув голубые глаза. Смуглая кожа, загоревшая под летним солнцем. Пухлые губы. Прямой нос. Тонкая фигура, округлая во всех нужных местах.

— Я тебе говорил, что она уникальна! — восторженно лопотал младший, не сводя с меня горевших экстазом глаз.

— Ты говорил о драконе, — резонно возразил старший, глядя на меня с прищуром. — А наша гостья — химерина.

Я посмотрела на них с недоумением, пожалала плечами и снова углубилась в изучение своей внешности. Все казалось таким... чудесным, волшебным и странным.

— Наша драгоценная гостья, — к моему отражению в зеркале присоединилось отражение старшего эльфа, — могу ли я поинтересоваться ваши именем?

— Можете, — согласилась я с его предложением и замолчала, ожидая, что будет дальше. Мужик слегка помаялся, непонятно чего от меня добиваясь. Потом взглянул на брата для поддержки и снова пошел в атаку.

— Не соблаговолит ли изящная химерина назвать нам свое имя? — закрутил словесный оборот эльф, просто пожирая меня глазами.

— Не соблаговолит, — сказала я, повторив первые два слова, лишь бы он от меня отвязался.

Эльф прямо заметно увял. Тоже мне маргаритка, скрещенная с репейником. Не нравился он мне. Вот не нравился, и все тут! Нет, я понимаю, что каждая нормальная девушка или женщина, повстречавшая эльфа, просто обязана покрутить ему уши, проверяя, настоящие ли, заглянуть в рот и, кто посмелее, залезть в штаны. А вдруг там что-то новенькое выросло? Не так, как у людей? Не посмотришь и будешь всю оставшуюся жизнь с интригой жить.

Но я была согласна мучиться любопытством. Потому что хоть что ты мне рассказывай о прекрасном народе, а букатини только из-за названия не перестают быть лапшой. Слишком всего было много. Перебор. Много внимания, много восхищения, много вожделения. Почему? Что им от меня надо?

— Драгоценная гостья, — еще раз попробовал разговорить меня эльф, — будьте столь милосердны — сообщите свое имя.

— Зоя, — отвлеклась я от зеркала. Приподняла брови, ожидая ответного жеста вежливости.

— Зая? — повторил младший.

— Зоя, — строго поправила его я. — Мы еще не так близко знакомы для подобных вольностей.

— Вы можете называть меня просто Тристан, — склонился над моей рукой старший эльф, молниеносно ее сграбастав. — Остальные титулы мы можем опустить, как слишком длинные.

— А меня Изольдом зовут, — широко улыбнулся младший.

— Вы издеваетесь? — вытаращилась я на них в изумлении. — Да каждая порядочная девушка знает, что имена эльфов заканчиваются на «эль». Например: Тристаниэль и Изольдэль.

— Откуда такое странное правило? — удивленно вскинул брови старший. — Почему нас не могут звать нормальными именами, а не этими кличками, которые вы озвучили?

— Н-ну-у, так вроде полагается, — растерялась я, отбирая свою руку назад.

— Кем? — тут же полюбопытствовал Изольд.

— Литературой, — еще больше растерялась я.

— Не читайте эту лживую макулатуру, — посоветовал мне Тристан. Лучезарно улыбнулся и сказал: — Мы приглашаем вас, драгоценная Зоя, погостить в нашем дворце столько, сколько вы сочтете нужным. Вам будут предоставлены все условия для удобного проживания и любая роскошь, доступная нам.

— Да я даже не знаю, — застеснялась я, раздумывая, успею ли я насладиться этой роскошью, пока сюда не припрется Гри и не утащит меня исполнять обязанности ведьмы. — Если только ненадолго, и если я вас не стесню...

— Поверьте, драгоценная, — снова попытался облобызать мне руку Тристан, — если вы не будете превращаться в дракона, чтобы покушать, мы все вынесем. Для нас будет великая честь принимать у себя химерину!

И вот что-то в этих словах мне не понравилось. Хоть напоите меня зашибенкой!

Не успела я дать своего согласия, как все вокруг закрутилось со скоростью света. Не успела я прийти в себя, как оказалась в шикарном покоях, в громадной ванне, наполненной душистой пеной, с подносом фруктов в зубах и противной теткой рядом.

— Меня зовут Артурина, драгоценная химерина Зоя, — пропела тетка, которой на вид было ну двадцать пять-двадцать шесть, убирая за ухо прядь каштановых волос. — Я буду вашей наставницей, наперсницей и компаньонкой. Также в мои обязанности входит просветить вас, как следует вести себя днем с особами королевской крови правящего дома, — (я запихала в рот горсть черешни), — и как принимать этих особ ночью.

Тут я начала отплеиваться косточками. Прицельно. Хоть и не специально.

— Зачем? — отдышалась я, умудрившись не подавиться и не утонуть. — Зачем я должна кого-то принимать ночью? Днем нельзя обо всем поговорить?

— Ночью, — многообещающе улыбнулась Артурина, — не разговаривают, а решают другие проблемы!

— Это какие? — нахмурилась я, размышляя: мало им было дракона, ох, как мало!

— По традиции нашего рода, любая незамужняя девушка, возведенная в ранг почетной гостыи, — терпеливо объяснила мне прекрасная эльфийка, закатывая в восторге очи, — удостоивается чести посетить королевскую постель и даже задержаться там, если понравится...

— Не понравится! — решила я одним махом поставить точки над всеми буквами. Даже над эльфийской клинописью!

— ...Правителю, — не обратила внимание на мой выпад наставница, — и его брату. Если вы сумеете продержаться там три ночи, начиная с сегодняшней, то вы автоматически попадаете в статус фаворитки. Вам выделят дворец, содержание, слуг и день в году, когда вас будут навещать. Все остальное время вы вольны будете жить как считаете нужным, при условии, что у вас не будет детей...

— А если будут? — пригладила я, вставшие дыбом волосы.

— В этом случае, — кивнула компаньонка, довольная моей любознательностью, — вы либо получите титул матери королевского ребенка, либо вас выберут во временные жены. Если же у вас получится родить двоих и больше детей, то временный статус становится постоянным.

— Знаете что, — начала я вылезать из ванны, — я, пожалуй, пойду домой, в свою избушку. Мне тут не нравится.

— А вам и не должно нравиться, — твердо усадила меня обратно Артурина, — главное, чтобы понравилось нашему Правителю и его брату. И у вас уже нет права отказаться или изменить свое решение. Потому что был издан указ о вашем статусе. Если вы откажетесь от своего слова или исчезнете, то вашей стране будет объявлена война!

— У нас мирный договор, — разозлилась я, рассматривая поднос как оружие за свободу.

— У вас мирный договор с младшим принцем, — снисходительно сказала наперсница, — а войну вам объявит старший. Так почему бы вам просто не расслабиться и не получить удовольствие в двойном размере?

— То есть выхода у меня нет? — прищурилась я на нее.

— Нет, — покачала она головой с аккуратной высокой прической. — Это традиция, а мы всегда следуем традициям.

— Ну-ну, — кивнула я, сузив глаза. — Как честная девушка хочу вас предупредить — вы пожалеете!

— Надеюсь, — вздохнула Артурина и ловко защелкнула у меня на запястье тяжелый браслет, украшенный драгоценными камнями, выложенными причудливой вязью.

— Это еще что? — потрясла я рукой, разбрызгивая пену. — Мне ничего не надо, тем более такой дорогой

подарок...

— Это не подарок, — суксилась наперсница, отступая от меня подальше. — Это ограничитель ваших возможностей, драгоценная Зоя. Вы некоторое время не сможете пользоваться вашими способностями химерины и превращаться.

— Справились? — рывкнула я, как пуля, выскакивая из ванны и быстро заворачиваясь в полотенце. — Думаете, им это поможет?

— Надеюсь, что нет, — как-то очень честно ответила эльфийка.

— Вы были этим пробником! — вдруг прозрела я, сложив свои наблюдения и ее оговорки. — Простите, не знаю, как это у вас прилично обзывается.

— Это неважно, — опустила длиннющие ресницы наперсница. — Все женщины при эльфийском дворе это проходят...

— И что, никто не сопротивляется? — внезапно успокоилась я и присела на краешек ванны. — Несогласных нет?

— Вы видели Правителя, — грустно усмехнулась Артурина, не поднимая глаз, — разве можно отказать такому мужчине?

— Любому мужчине можно отказать, — убежденно сказала я. — Другого не понимаю: зачем им сопротивляющаяся девушка? Ну понятно же, что я по своей воле во всем этом фарсе участвовать не буду!

— А смысл? — отвернулась от меня компаньонка. — Вы ценны не сами по себе, хотя весьма красивы. Но больше вашей внешности в вас привлекает ваша сущность. Только химерины могут дать партнеру беспредельную неуязвимость, власть и могут стать наваждением, если полюбят. Но даже на первые два качества найдется много желающих. Да все короли, правители и владыки будут выстраиваться в очередь чтобы завладеть несвязанной химериной.

— Стоп, — напряглась я, — а вот с этого момента поподробней, пожалуйста. Что значит «несвязанной»?

— Химерина отдает девственность мужчине и оказывается связанной с ним на всю жизнь, — терпеливо поведала мне эльфийка. — Если это случается, то нет смысла искать благосклонности химерины — она все равно больше ни на кого не посмотрит. Говорят, что ваша раса в детстве очень уродлива. Это сделано для защиты девушек. Как только вы находите своего партнера, как ваша красота начинает расцветать...

— О-па! — вспомнила я свои мучения в подростковом возрасте и мамины уговоры, что еще не время. Но в таком случае... где шьется мой суженый для которого я так, блин, расцвела. Я ж и распуститься могу!

— Говорят, химерины могут убирать при этом все свои дефекты, — продолжала рассказывать Артурина, — но этого никто точно не знает. Слишком давно наш мир не посещала ваша раса, а уж несвязанная девушка — вообще исключительная редкость и великая драгоценность.

— Угу, — фыркнула я, начиная веселиться, — то-то я смотрю, что меня люди подогнали под пророчество и чуть не скормили дракону. Был бы у него редкий деликатесный ужин.

— Эта отсталая раса, — брезгливо поморщилась эльфийка. — Они до сих пор думают, что они венец эволюции.

— А кто они? — заинтересовалась я местным фольклором.

— Начальная ступень, — на полном серьезе сказала наставница. — Должна же природа была на чем-то практиковаться!

— Ха-ха-ха! — залилась я смехом, чуть не свалившись обратно в ванную. — Сейчас меня разорвет, как хомячка в микроволновке! — С трудом успокоилась под недоумевающим взглядом эльфийки: — Скажите мне, пожалуйста, а у эльфов есть какие-то правила на счет домогательств к бедным девушкам?

— Все должно быть сделано в то время, — поджала красивые губы Артурина, — когда сядет солнце и до того, как оно покажет первые лучи. Этот обычай освящен веками и ему следуют безукоризненно.

— То есть, — прикусила я палец в раздумье, — днем ко мне приставать с неприличными предложениями никто не будет?

— Это исключено! — распахнула глаза женщина. — Как можно заниматься этим, оскорбляя солнечный свет?

— Ну, насколько я слышала, — с удовольствием, — заверила я ее. Переключила тему, пока дама не упала в обморок от такого кощунства: — А сегодня у нас что запланировано? А то меня сюда так быстро спровадили, что не успели огласить весь список мероприятий. Сказали только, что будет что-то важное и грандиозное.

— Сегодня вечером бал в честь прибытия делегации дроу, — сообщила мне компаньонка. — Мы так долго добивались этого сотрудничества — и вот, наконец, должен состояться обмен посольствами...

— Это любопытно, — кивнула я, потуже заворачиваясь в полотенце.

— Вас это не спасет, — разбила в пух и прах призрачную надежду Артурина. — Дроу не будут на вас претендовать, пока на вас этот браслет. А потом вы уже будете принадлежать эльфам.

— Или эльфы мне, — пожалала я плечами. — Пойдем лучше посмотрим, в чем у вас тут на балы принято ходить.

Оказалось, у эльфов на балы принято ходить чуть ли не замотанной по длинные уши в корсет. Вообще, в предоставленном мне гардеробе оказалось лишь две крайности: либо бронированные китовым усом платья без декольте с воротником, подпирającym подбородок, украшенные тяжелой золотой вышивкой и драгоценными камнями, либо одеяния для ночи, состоящие из кружев, тюля, завязочек и всего, что обнажает, а не одевает.

— Вы уже выбрали, драгоценная химерина Зоя? — поинтересовалась у меня эльфийка, пока я во все глаза пялилась на подаренное счастье. — Конечно, вам, возможно, с непривычки будет тяжело танцевать в нашем парадном туалете...

— Что, и сортир с вышивкой? — рассеянно полюбопытствовала я. Мне пришло в голову кое-что при слове «танцевать». Что-то такое крутится...

— Фи! — скривилась Артурина. — Такое грубое слово в прекрасных нежных устах невинной девушки попахивает...

— Сортиром, — хихикнула я, соображая, чем все-таки займусь на балу. — Когда я должна быть готова?

— У вас еще есть пара часов, чтобы отдохнуть, драгоценная химерина Зоя, — заверила меня наперсница. — Потом я приду, чтобы помочь вам облачиться в надлежащий туалет.

— Договорились, — выпроводила я ее за дверь и чуть ли не бегом бросилась в недра гардеробной. Если мой план не сработает, то всегда можно придумать что-то другое. Фиг эльфы пройдут наши заслоны!

Когда ко мне ввалилась Артурина во главе боевого отряда служанок, я уже стояла, упакованная в плащи, и радостно щерилась во все зубы, дарованные мне природой. Намек был предельно ясен: подойдешь — и умрешь покусанным! Загрызу!

— Я готова! — не позволила я никому даже рта открыть. — Можем идти?

— Я должна взглянуть на ваш наряд, — попыталась проявить норов компаньонка, по выражению моего лица, видимо, понимая, что дело тут не просто нечисто, а даже очень нечисто, можно сказать — с духом. — Возможно, вы могли что-то неправильно завязать, застегнуть или надеть. И потом, ваша прическа... — неодобрительно взглянула на мои волосы, собранные в высокий хвост и украшенные пучком разноцветных перьев.

— Это же моя прическа, — приподняла я в наигранном удивлении брови, — пусть ей и будет стыдно! — И рванула на выход, просочившись в коридор.

Эльфийке ничего не оставалось как повести меня к дверям бальной залы, тихо бормоча себе под нос и изредка поглаживая шею. Надо сказать, бирюзовое платье, расшитое жемчугом и бриллиантами, шло ей необычайно, не будь оно таким... это была как вакуумная упаковка для продуктов. Можно срезать только ножом, чтобы добраться до искомого. Может, они начинают раздеваться днем, чтобы успеть к ночи?

Мы шли-шли-шли и, наконец, дошли до громадных дверей, около которых нас перехватил похожий на метрдотеля тип с таким презрительным выражением, будто мы к нему ввалились пьяные и с пакетами из «Макдональдса».

— Я не могу пропустить даму в плаще! — заблажил надутый эльф, приходя в дикий ужас от такого поругания этикета. — Это против предписанных правил!

— Так я пошла назад? — обрадовалась я отсрочке. — Никто не покажет мне, где тут выход в земли людей?

— Это драгоценная химерина Зоя, — свистящим шепотом, как страшную тайну, поведала ему Артурина. — Ее ожидает наш Правитель и его брат! А вы, хранитель дверей, позволяете себе не пускать нашу гостью?

— Нижайше прошу прощения, госпожа химерина, — склонился в поклоне эльф, распахивая двери.

А за дверями буйство красок, вихрь дорогих тканей, сияние драгоценных камней. И все это медленно и печально. Под заунывную музыку.

Бр-р-р!

Меня пока к трону сопровождали — я чуть не уснула. Поверите-нет, мы половину зала нога за ногу прошли, а танцующие всего одну фигуру в танце сменили. Мра-а-ак! Понятно, почему они так долго живут. Они просто не торопятся умирать!

В конце зала, на троне, как горный орел на насесте, сидел Тристан и разглядывал своих подданных с таким выражением лица, что казалось, сейчас соскочит, ухватит за холку и потащит в уголок жрать.

Тут этот красавец увидел нас и поманил пальцем, приглашая к себе. Артурина тут же уселась в глубоком реверансе. Устала, наверное, тащить на себе платье и украшения. Правильно, привал на дороге — дело святое. Если бы тут еще и наливали...

Мы минут пятнадцать потоптались на месте, пока эльфийка встала из ритуального чинопочитания, а я вертела головой по сторонам.

Зал красивый, эльфы шикарные, кое-где видны дроу с темной кожей и светлыми волосами, а домой, в избушку, хочется со страшной силой. Чую, замучает меня ностальгия еще до окончания бала.

Кстати говоря, бал эльфы устраивают примерно около пяти вечера. Это, наверное, чтобы успеть к ночи настроиться на темные дела. Ну, им сегодня крупно не повезло. У меня были радужные планы. Получится — не

получится, но настроение я им все равно испорчу!

В общем, за час мы до трона все же доползли. Тристан улыбнулся публике, еще шире улыбнулся мне, нахмурился на Артуру и показал мне на кресло на третьей ступеньке трона. Так все было странно. Наверху стояло два трона, на одном восседал Тристан, второй пустовал. На следующей ступеньке вниз, еще два трона поменьше. На одном ютился Изольд, опять же в одиночестве.

Потом место для меня на кресле. Ступенька ниже и стульчик со спинкой, еще ниже — табуретка, следом маленькая табуретка и завершала эту эволюцию мебели бархатная подушка. Интересно, это почетная ссылка?

— Присаживайтесь, драгоценная химерина Зоя, — пропел слишком чем-то довольный Тристан. — Разделите с нами удовольствие.

И все так двусмысленно. Догадываюсь, на что ты, паскудник, намекаешь. Я тебе браслетик-ограничитель еще долго не забуду. По гроб твоей жизни, который выстругает мечом Ромуальд из того дерева, что выберет Леви под зловную арию Гри.

— Недостойна, — отказалась я сразу, во избежание недоразумений. — И делиться не люблю. Что мое, то мое.

— Правда, прекрасный бал? — встрял занозой Изольд, тоже чему-то радуясь... в последний раз.

— Еще не разглядела, — призналась я и пошла к предложенному креслу. И еще и передвинула его подальше от этих братцев. Все же ломать шаловливые ручки на балу — это прямой моветон и попираание устоев.

И часа три мы сидели, как приклеенные на своих местах. Сначала зырили на танцы, потом обменивались дипломатическим ядом с дроу. Эти дроу, надо сказать, тоже те еще... ходоки. Когда им меня представили, они меня чуть в слюне не утопили. Хорошо рядом стояла Артура, как спасательный круг... плот... оплот.

Хотя дроу мне чем-то понравились. Не как мужчины, как личности. Когда Тристан начал важно загибать о том, какой исключительный народ эльфы, дроу тут же согласились эльфов исключить. И, судя по выражению глаз, из жизни тоже вычеркнуть.

— Сейчас будет последний танец, драгоценная химерина Зоя, — нагнулся ко мне Изольд. Вытянулся наподобие удава, тоже мне желтопузик, блин. — И после этого мы можем удалиться в свои покои...

— Как, последний? — возмутилась я, начиная метать молнии взглядами. — А почему меня потанцевать не позвали? Я хочу исполнить танец своей исторической родины!

— Это не совсем уместно, — улыбнулся мне Тристан, всем видом показывая, чего ему там уместно. Вот это «чего» мне и не нравилось.

— Плевать, — честно сказала я, также улыбаясь в ответ. — Пока не станцую — никуда не пойду!

— Какую музыку предпочитает наша гостья? — тут же пошел на попятный Правитель, видимо, не желая показывать дроу, что у них есть дикая химерина.

— Я сейчас сама выберу! — зловеще пообещала я и, восстав из кресла, потопала к оркестру.

Знаете, почему эльфов называют прекрасным народом? Потому что у них хвалить больше нечего! Я полчаса объясняла музыкантам, что от них хочу, а они мне все пытались сыграть полонез, отдававшийся в моих ушах похоронным маршем. Пришлось пригрозить, что отберу барабаны и литавры и сыграю сама, как могу.

В общем, заиграла достаточно веселенькая мелодия, разогнавшая танцоров по углам. И тут на середину зала выскочила я, сбрасывая плащ.

Барабаны стали не нужны. На пол в обмороке бухались эльфийки, увидев, во что я была одета. Вернее, во что я была раздета!

На моих бедрах крест-накрест были завязаны две цветные шали. Такую же шаль я приспособила вместо топа. И все это с перьями и украшениями.

— Каррамба! — рявкнула я, начиная изображать вариант латинской ламбады. — Эль карасон! Танцуют все! — И начала потряхивать пятой точкой, как участницы бразильского карнавала.

Не знаю, как это у меня получалось — но, видимо, получалось. Потому что оживились дроу, начав вертеться вокруг меня, и подстраиваясь под ритм.

Как только это безобразие углядел Тристан, то сразу решил ответить своим безобразием, справедливо полагая, что меня запросто уведут дроу, и плевать им на эльфийский браслет. Правитель скрипнул зубами и присоединился к нам, стараясь выхватить меня из кучи мельгешащих вокруг дроу. Да счас! Что он мне мог показать, на что бы я хотела посмотреть? Билет домой в пакет услуг не входил, а все остальное пусть своим подданным показывает. Они по долгу рождения обязаны это терпеть.

Мы так славно веселились. Плевать, что отдавили кому-то ноги, истоптали лежащих на дороге дам, истрепали нервы правящему дому эльфов и выдергали у меня все перья на сувениры. Зато было клево!

— Драгоценная химерина Зоя, — пыхтел где-то рядом Тристан, дергаясь, как в падучей, — уже слишком поздно! Вам пора отдыхать!

— Плакать будет тот, по кому я плакала тогда... — напела я ему перевод текста «Ламбады». — Уже от себя: — Горько-горько, долго-долго и всю оставшуюся короткую жизнь... — и увистала с довольным дроу в другую часть

залы.

— Меня Мерлином зовут, — сообщил мне партнер по танцу, выписывая бедрами восьмерки.

— Зоя! — крикнула в ответ, не переставая танцевать. Как же все-таки здорово оторваться! Наверно, так же здорово, как и оторвать чего-то у претендентов на мою девственность. Чтоб они о ней только мечтали, а тронуть не могли!

— А чего это я? — вдруг отделилась от стены эльфийка средних лет. — Это ж вся жизнь пройдет и ни разу принца не поцелую! — и зажала, как в клещах, Изольда. Тому сразу стало плохо. Ручкой — брык, ножкой — дерг и чуть-чуть не кирдык.

Мне его даже жалко стало. Зря его, что ли, около груди всю ночь укачивала. Пришлось отобрать.

— Потискал сам, — выдернула я принца из могучих объятий дамы и вручила страже, — дай потискать другим! — И смотрела потом, как парнишку уносят из зала почти в бессознанке: — Память обо мне будет с ним, куда он ни пойдет... — вспомнилась следующая строчка из ламбады.

— Я приказываю прекратить! — завопил встревоженный Тристан, взобравшись на трон. — Объявляю бал закрытым! — Музыка стихла, а за окнами все еще было темно. Непорядок!

— А после бала, — радостно завопила я, — нужно обязательно прижать к груди самого красивого! Это приносит счастье, удачу и здоровье! — Только забыла упомянуть, что все перечисленное уносит у красавца. — А кто у нас самый красивый? Кто может быть красивее Правителя?

Прикиньте, народ повелся! И на всю жизнь в моей памяти запечатлелся Тристан, прыгающий по карнизам от кучи распаленных подданных, желавших урвать свой кусочек счастья, удачи или здоровья, или уж хотя бы венценосного тела.

— Я это запомню! — надрывался эльф с верхотуры, бдитительно отпихивая всех ногой.

— Память обо мне будет с ним, пока он не умрет... — сообщила я, трущемуся рядом со мной Мерлину. — Ай-й-й!

— Вы предлагаете мне вступить в заговор против Правителя? — уставился на меня дроу испытующим взглядом.

— Доставь удовольствие своему телу, Макарена! — подмигнула я, двигаясь в сторону оркестра. Тех долго уговаривать не пришлось. Нужно было лишь пообещать не наускивать на них толпу. И мужики сбацили отпадную «Макарену».

Народ наконец отстал от Тристана и начал веселиться сам, танцуя кто как мог.

— Мне все это не нравится! — вопил Правитель, но спускаться не торопился. Правильно! Осторожность — наше все!

— Тебе нравятся измены по-партизански? — спела я ему внизу строчку из «Макарены» и заскакала вокруг Мерлина. И уже экспромтом: — Измени мне, и я буду любить вечно твою фотографию. Измени, и я буду ходить на твою могилу, как на работу. А если забудешь, то умрешь скучной смертью в своей постели, старый и седой!

— Все химерины так весело проводят время? — полюбопытствовал Мерлин.

— Не-а, — разочаровала его я. — Только те, кто не понимает, почему ночью нужно заниматься чем попало, если можно танцевать!

И мы отжигали до самого рассвета. Хоть я и устала, как рыцарь на жаре, зато первую ночь пережила девственницей. И даже если бы эльфы нарушили свои традиции и решили все свои черные планы претворить днем, то у них все равно не хватило бы на это сил.

Когда лучи солнца проникли в бальную залу, я устало вздохнула и радостно улыбнулась. Упахала я эльфов на славу. Но сама ног не чувствовала. Огляделась вокруг и вытащила из толпы Артуру.

— А? — посмотрела на меня наставница рассеянным взглядом.

— До покоев проводи, пожалуйста, — попросила я, с трудом шевелясь. Ноги весили, наверное, каждая по полтонны. — А то я заблужусь и не дай Бог сбегу в неизвестном направлении.

— Конечно, драгоценная химерина, — вспомнила свой долг эльфийка, бросая хищный взгляд на все еще сидящего на карнизе Тристана. — Следуйте за мной.

— А как же я? — подал голос загнанный правитель.

— Беса не мучай, — посоветовала ему я, вытаскивая из волос остатки перьев, — что в вольном переводе с испанского значит: «Целуй меня, целуй меня много», — но на расстоянии! — И ушла.

А что? Все правильно. Правящая партия наверху, народ внизу. И у них вечный конфликт: надо что-то дать, а дать или нечего, или чревато, или неохота. Так и блуждают в трех соснах властью облеченные Сусанины.

С трудом доползла до роскошной кровати и свалилась в нее пластом, наплевав на все меры безопасности. Два полуживых тела в кровати — это не секс, это больничная палата.

— Просыпайтесь, драгоценная химерина Зоя, — разбудила меня почти на закате Артура. С таким ритмом жизни мне будет прямая дорога к вампирам. — Вам нужно подготовиться к визиту Правителя и его брата.

— Не утомонились еще? Решили петь дуэтом? — зевнула я, размышляя, чем еще можно успокоить лопоухих живчиков. Действовать кардинально не хотелось в силу гуманности. Так что я решила оставить этот вариант на самый конец. Красиво звучит: вконец концу конец, если не хочешь идти под венец, да?

— Меня послали вас известить, — недовольно поджала губы эльфийка, — о серьезности намерений. Так что вы будете вставать, или уже так дождетесь и время сэкономите?

— Другие варианты есть? — серьезно поинтересовалась я, погружаясь в размышления, чем я еще могу сразить эльфов, чтобы у них были проблемы помимо моего тела.

— Нет, — с сочувствием покачала головой Артурина. — Но можно выбрать способ: быстро, медленно или на двоих...

— Я тут еще достопримечательности не видела! — соскочила я с кровати быстрее ветра, пока мне ребенка, блин, не надуло. — Хочу ознакомиться с вашими памятниками.

— Памятники у нас только на кладбище, — обломала мой энтузиазм наставница. — Правда, у нас есть Озеро Выбора. Туда ходят влюбленные и, если они смогут пройти по лунной дорожке, то это истинная любовь.

— А если не смогут? — тут же уцепилась я за идею.

— Тогда их никто не заставит вступить в союз, — улыбнулась женщина, — потому что мертвые не женятся.

— В смысле? — не поняла я.

— Тонут, — кратко пояснила Артурина, провожая меня в купальню.

— Я все же рискну, — поведала я ей после краткого раздумья. — Какие тут у вас есть корсеты?

Оказалось, этих орудий пытки для настоящих эльфиек у них изобрели великое множество: для тонкой талии, для поддержки груди, для плоской груди, для уменьшения объема, для придания объема, и так далее. И я надела их все! Чуть не скончалась от удушья, но не захочешь эльфов — и не в то влезешь. Например, в неприятности.

— А теперь, — просипела я, держась двумя руками за стойку балдахина, — фижмы!

— Какие нести, драгоценная химерина? — любопытствовала компаньонка. — Есть круглые, есть плоские, есть колокольчиком, есть для...

— Все! — прикрыла я в ужасе глаза. — Тащи их все! Когда еще у меня будет возможность поносить такие наряды?

В общем, когда на меня все это надели и сверху с трудом нацепили платье, то я прониклась. Теперь я знаю, как чувствует себя кочерыжка в капустном вилке. Усталой.

— И как называется этот стиль? — спросила у меня Артурина, пряча улыбку.

— Капкан для Правителя, — поведала я ей, обнимая столбик, как родной. Отцепиться от него не было никакой возможности. Если я упаду, то меня под этим и похоронит.

— И что вы будете делать дальше, драгоценная химерина Зоя? — встала рядом эльфийка с выражением неземного удовлетворения на красивом лице. Небось мечтала, как меня будут раздевать в четыре руки и как этим лапам достанется.

— Дальше вы найдете мне тележку, — проскрипела я, собирая последние силы. — И позовете мне парочку дроу. Они без комплексов. Сразу умереть от такого поругания этикета не смогут.

— Как прикажет, драгоценная химерина, — кивнула наперсница и удалилась.

И я подумала, что сдать, конечно, проще, но дать сдачу гораздо интереснее.

Я поставила на уши весь эльфийский дворец и дала пищу сплетням на следующие сто лет.

— Поберегись! — орала я, сидя в строительной тачке, которую катил ржущий во все горло Мерлин, рассекая по коридорам. — Мужчина, если вы не уйдете с дороги, — это стражнику с алебардой, — то поедете вместе с нами! — и тут мне подарили алебарду, нечаянно уронив ее сверху.

Честное слово, если бы не восемь корсетов, то было бы уже две Зои. А так лезвие просто отскочило от какой-то из многочисленных планок, не принеся никакого вреда, кроме как незапланированного декольте.

— Куда теперь? — вывез меня из беспокойного дворца дроу.

— Вези к озеру, — велела я, развалившись в тачке, как в машине экстра-класса. А что? Личный водитель у меня точно был! — Будем выяснять кого я могу там утопить. — И заорала: — Люди, кто смертельно хочет на мне жениться, пусть приходит к вашему озеру. И врача с собой захватите на всякий случай. Женитьба — это очень опасное занятие!

Мы взяли в заложники одного из стражников, пригрозив начать отбирать в мужа с него, и выспросили дорогу. Когда нам начертили кончиком меча на боку тележки карту маршрута, потому что мы так и не поняли словесного объяснения, состоящего из лязгающих зубов, Мерлин крикнул, снова взялся за ручки тачки и повез меня выдавать замуж. Но очереди за нами почему-то не выстроилось. Наверное, я все же не была популярна в этой местности.

Поплутав по дорожкам, мы выехали-вышли к озеру, находившемуся в самом конце сада. И что интересно, совершенно ровная гладь воды. Ни ряби, ни ветерка, ни лягушки, ни кувшинки. Ничего. Как будто на землю уронили громадное зеркало. И вокруг все пусто и гладко. Кустики, осока, бурьян отсутствовали. Вытоптали или

съели от волнения?

— Что будем делать? — спросил меня дроу, устанавливая тачку в устойчивое положение. — Какие наши дальнейшие действия?

— Будем маскироваться, — предложила я. — Я буду камнем, а ты выглядывай из-за меня, как суслик. Может, кто и купится. А если серьезно — то спасибо за помощь, но, думаю, тебе надо идти. Иначе ваш договор с эльфами накроется рваным тапочком.

— Да и черт с ним, — махнул рукой Мерлин. — Этот договор им нужен больше чем нам, а я такое веселье ни за что не пропущу. У нас во дворце такая скука, а здесь так весело.

— Принц? — сердито покосилась я на него. Что-то много вокруг меня в последнее время принцев развелось. Куда ни плюнь либо лысый, либо принц.

— Король, — ответил мне дроу, зубасто улыбаясь. — Второй.

— Что второй? — сдвинула я брови.

— Второй король, — пояснил мужчина. — Первый сейчас управляет страной, третий руководит армией, а я на пленуме.

— Уволен, — надула я губы, начиная злиться. И чего я раньше о его титуле не спросила? А если у него тоже генитальные... гениальные планы о сексе с химериной?

— Откуда? — не понял меня Мерлин. — Из королевства?

— От меня уволен! — рявкнула я в сердцах. Сама себя загнала в ловушку. Вокруг никого, только я в дамской броне с алебардой и король. — Я простолюдинов люблю! Они жениться не спешат!

— Я тоже не спешу, — заверил меня дроу, глядя честными-пречестными глазами. А я прям таки поверила. Если вспомнить, какие бенефиты ему светят за небольшую смертельную работу сделать меня женщиной, то тут уж...

— Все мужики вруны, — сделала я вывод и отвернулась, смотря на озеро. А чего? Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Алебарда у меня была, а навык приходит с практикой.

— Почему тут так тихо и пусто? — размышляла я вслух, стараясь себя занять, чтобы заранее не наброситься на дроу в учебном бою.

— Потому что это мертвое озеро, — ответил мне собеседник, тоже глядя на воду. — Когда-то давно, приглашенные маги что-то намудрили, и вода стала мертвой. С тех пор здесь больше ничего не растет и никто не живет.

— И они сюда топиться ходят? — поразила я, забыв об осторожности. — В смысле, жениться? Это чем тут так воняет, если эльфов после этого так прет?

— Любовью? — предположил Мерлин, присаживаясь рядом с тачкой. — Только сильно влюбленный человек может так рисковать своей жизнью.

— Или отчаявшийся, — не согласилась я с ним. — Или отмороженный...

— Зоя, — погладил мою руку дроу, — я хочу тебе сказать, что ты самая замечательная...

— Драгоценная химерина Зоя, — прискакал к нам взмыленный Тристан — и, что удивительно, — в одиночестве. Даже брата для конкурентной борьбы не взял. — Я так долго вас искал...

— В кровати? — прищурилась я, приходя в боевое настроение. — Долго там плутали?

— Вы зря оттягиваете, — честно сказал мне Тристан, прожигая яростным взглядом безмятежного дроу. — Все равно...

— Было бы чего тянуть, — фыркнула я, перебив эльфа. — Что у вас есть такого, кроме клинописи, что можно растягивать?

— Драгоценная химерина Зоя, — выпустил пар ушами эльф и попытался взять себя в руки. Не очень-то это у него получилось. Наверное, было мало практики или слишком большое поле деятельности. — Давайте мы все же вернемся во дворец...

— Вот вы где! — прибежал к нам взмыленный Изольд. — А я вас так искал!

— От кровати хоть что-то осталось? — приподняла я бровь. Вообще, лицо было единственным местом, где я могла шевелить мышцами, остальное почило с миром под корсетами и фижмами. Зато будем надеяться, что враг не придет живым! — Или вы ее добились своими поисками?

— Вы же знаете, что химерину нельзя принуждать? — неожиданно подал голос, молчавший пока дроу, который до этого казался и выглядел несерьезным. — Иначе вы принесете в наш мир всевозможные несчастья. И я не позволю вам этого сделать.

— Никогда не думала, что скажу, — с благодарностью посмотрела я на своего защитника, — но ты настоящий рыцарь, хоть у меня и стойкая аллергия на это слово.

— Значит, ты сам хочешь прибрать к рукам это сокровище? — прищурился на него Тристан. — Вроде бы ты такой хороший, а мы плохие? А ты ей сказал, что у вас в обычае обмениваться женами с родственниками и

друзьями?

— А нормальные в вашем мире есть? — у самой себя спросила я. И сама себе ответила: — Видимо, нет... кроме Гри и Леви. У всех свои тараканы. Только у Гри блохи, а у Леви — короеды.

— И мы не хотели тебя заставлять, — с мольбой посмотрел на меня Изольд. — Тебе бы очень понравилось. Всем нравилось.

— Мне — нет, — не стала юлить я. — Я — не все! Мне вообще эта идея не нравится. Ни с кем!

В этот момент засияла луна и на озере появилась лунная дорожка. Красивая, переливающаяся серебром, манящая к себе и опасная.

— Давай все проверим Дорогой Любви? — внезапно предложил мне Тристан, как будто на что-то решившись. — Если мы сможем по ней пройти...

— Это нереально, — вспомнила я сколько на мне надето железных утяжелителей.

— ...То ты останешься с нами, — закончил мужчина, не отреагировав на мою вставку. — Если — нет, то мы попытаемся тебя уговорить лаской.

— То есть, — скривилась я, — вы меня по-любому не отпустите. Так зачем мне пробовать? И вы завещание все написали? Зная свою везучесть, сегодня в вашем замке будет играть грустная музыка.

— Я все же рискну, — бросился ко мне неугомонный Тристан, схватил за руку и дернул. Фигли! Как я сидела в этой тачке, так и застряла в ней. Ну, может, на пару сантиметров сдвинулась.

— Помоги! — пропыхтел брату Правитель, начиная краснеть. Стыдно стало за свое поведение или пупочная грыжа на мозг надавила?

Изольд схватился за брата и теперь они настойчиво тянули меня вдвоем. Сказка «Репка» просто отдыхала. Такого «дедки» и такой «бабки» еще не знала эльфийская история. Тянут-потянут, а вытянуть не могут. Только подкатали тачку ближе к озеру.

На этом моменте Мерлин решил примерить на себя роль внучки и присоединился к освободителям тачки. И ка-а-а-ак они меня дернули! Ка-а-а-ак выдернули! И ка-а-а-ак мы ухнули в озеро! Я сверху. С корсетами и фижмами. Но на лунную дорожку.

— Мужики! — перепугалась я, прекрасно понимая, что сейчас сыграю роль пресловутого камня на шее. Четыре утопленника нам гарантировано! — Выплывайте из-под меня быстро! Нырятьте, ушастые, кому говорю! Кто утонет, тому сама женилку на уши намотаю!

И тут почувствовала, что я лечу. Натурально. Вода оказалась внизу, я в воздухе, а на моих фижмах три мужика.

— Это чудо! — возрадовалась я, счастливо обмирая, что никто сегодня не умрет.

— Это помощь, — пророкотал надо мной Ланселот.

Я задрала голову и убедилась. Так и есть. Дракон зацепил меня когтями за один из корсетов и парил над водой, спокойно удерживая нас всех.

— И как это называется? — рывкнул снизу Гри, яростно сверкая в темноте разноцветными глазами. — Нельзя одну даже на минуту оставить? Сразу подвиги и мужики? На кой ляд тебе сразу трое?

— Могу тебе всех отдать, — испытала я такое взвешенное облегчение. — Мне из них никто не нужен. Только дрю не бейте. Он был настоящим моралистом.

— Кем он был? — к коту присоединился леший. — Чего он делал?

Ланселот осторожно перенес нас на берег и отпустил. И вот тут я оставила еще один отпечаток на эльфах. Всем телом. Припечатала на совесть. Должна же она хоть у кого-то быть?

— Понимаете, — старалась я сползти с расплюснутых мужчин, — эльфам можно творить непотребство только в темноте. Днем им, наверное, стыдно. А поскольку я только учусь быть ведьмой и как-то неловко нарушать чужие традиции, то решила тоже чего-нибудь подвытворить.

— И как? — любопытствовали черти, вылезая из озера. — Получилось?

— Не так, как они планировали, — сдалась я. Все попытки слишком тяжело давались. — И не так, как планировала я. Но у нас, видимо, разные интересы. Их больше интересовало плотское, а меня духовное, и мы никак не могли найти точку соприкосновения. По их мнению, она находится у меня между ног, а, по-моему, это понятие эфемерное...

— Это они на нашу ведьму свои органы подняли? — из парка выскочили взмыленные оборотни с дубинами. — Счас мы их обратно положим!

— Не надо, — горестно посмотрела я под себя. — Они и так уже лежат... контуженные. Куда уж больше-то?

— За контузией, — зловеще сказал Гри и уцепился когтями за ближайшую к нему ногу, — может последовать смерть!

— Я тут как частное лицо! — прискакал на Кенте Ромуальд с мечом. — Как наемник, поэтому моя страна ни при чем!

— Это им сейчас пофигу, — уверила я его, начиная истерично ржать. Такого нигде и никогда не увидишь.

Эксклюзивное зрелище: рыцарь в латах верхом на полуголом кентавре с копьём.

— Привет, Зоя, — застенчиво улыбнулся кентавр, салютуя мне тем самым копьём. — А мы пришли тебя спасать.

— Спасибо! — смогла выдавить из себя я между приступами смеха. Успела шлепнуть кота по загребушим лапам: — Не трогай дреу! Он хороший! Вон, тащи за ногу слева — это Тристан. Им можешь пользоваться как хочешь.

— Зачем? — недоуменно моргнул на меня Гри.

— Ну-у-у, — попыталась объяснить я свою извилистую логику. — Мне они без надобности, а чтоб добро не пропадало...

— Давай-ка лучше я тебя пересажу, — навис над нами дракон. — А то смена эльфийской династии нам пока не нужна. Но зато я точно знаю, кого следует звать, чтобы поменять порядок престолонаследия практически бескровно, — и аккуратно сдвинул меня в сторону.

Мы растерянно посмотрели на слипшихся в одну кучу эльфов и дреу.

— Может, — выдала я идею, — мы их так и оставим? Одна голова хорошо, а три лучше?

— Это если эти головы есть, — хмыкнул Леви, поскрипывая ветками. — А я пока голов на вижу. Они у них хоть изначально были?

— Если вы о тех отростках сверху, — откликнулась я, соображая: а не стоит ли свалить отсюда по-тихому пока нас всех не обвинили в смерти венценосных особ? — То они точно присутствовали. Я же с ними разговаривала...

— Лучше бы их не было, — злобно выдал Гри, почесывая когти о сапог Тристана, — тогда не надо их отрывать. Хотя всегда есть лишние детали, которые просто опасно иметь некоторым легковозбудимым особям!

— Гри, — отвлекала я внимание на себя, — у меня проблема...

— А когда их у тебя не было? — философски заметил кошка, но уши наострил.

— Если мы собираемся отсюда быстро бежать, — проигнорировала я его выпад, списав на волнение, — то с меня нужно снять эти вериги. Иначе меня легче утопить, чем волочь с собой.

— Не надо подавать мне идеи, — почему-то обиделся кот, но подошел поближе, рассматривая мою экипировку. — А зачем ты на себя все это нацепила?

— В целях безопасности и эксперимента, — вздохнула я. — Пока ты чего-нибудь не ляпнул, сразу скажу, что и первое, и второе удалось с успехом. Я безопасно чуть не утопила трех мужиков, экспериментируя с личной жизнью. А своей они чуть не лишились...

— Мы им сейчас массаж сделаем, — пообещали мне волки, похлопывая по ладоням дубинами. — Мы в этом деле очень хороши. Потом костей не почувствуют, а все тело будет расслабленным.

— А мы иглоукальванием поможем, — покрутили в копытцах вилы черти. — Мертвые поднимаются.

— А может мы начнем с того, — жалобно сказала я, — что снимем с меня одежду?

— Это приглашение? — приподнял голову Мерлин. — Или угроза? — И снова уронил.

— Это производственная необходимость! — рывкнула я. — Мне уже плевать на все...

— Не надо! — подскочил ко мне леший. — Твои эксперименты всегда заканчиваются непредсказуемо! А тут много живых существ!

— Горе мое, — обошел меня сзади Гри, начиная когтями распутывать шнуровку платья. — Как ты дожила до своих лет целой и не в остроге? Ты же так и норовишь кого-то убить или самой покалечиться. Ты бы еще капканов на себя навешала... Ой!

— Это заменители, — надулась я, — чтобы сразу не опознали и не испугались, когда своими ручонками бы полезли...

У всех на лицах появилось откровенное желание срочно сделать массаж эльфам. Причем разнообразный и с применением посторонних предметов.

— Давайте я попробую, — подступил ко мне Ромуальд, опускаясь на колени. — Все же как рыцарь я обучен снимать предметы женского туалета...

— Так-то женского, — приглушенно ответил из-за моей спины Гри, — а тут набор охотника!

— Я все же прошу позволения попробовать, если разрешит Снежная дева, — вперился в меня умоляющим взглядом принц. А что я? Я кивнула. Страдать лучше в компании. Можно пожаловаться компаньонам, и они поймут.

Ромуальд сдался на третьем корсете, прищемив себе все пальцы. Я с ужасом подумала, что дело еще и до фижм не дошло.

— Леви, — выглянул из-за моего плеча Гри, в то время, как рыцарь охлаждал покалеченные пальцы в озере, — теперь твоя очередь. Только сильно своими ветками не шуруди. Если тебе эти орудия пытки их не обломают, то я загну, коли позволишь себе что лишнее.

— Рыцаря ты так не предупреждал, — попенял ему леший, примериваясь к застежкам. — Откуда такое

недоверие?

— Рыцаря предупреждать бесполезно, — хмыкнул кошка, — у него сейчас сверху чувство вины, снизу романтика, и они никак не договорятся, так что какое-то время он безопасен.

Леви, фигурально говоря, сломался на пятом корсете, но дышать мне стало легче. Леший заявил, что теперь понимает, почему у эльфов длинные уши. За них легче вытягивать из этого безобразия. На вопрос: но мужчины же этого не носят? — он ответил, что в этом случае дамы отрываются за свои муки.

— Может, мне попробовать? — перекинулся в человека Кент. — Правда, опыта у меня нет...

— Это что вы тут удумали?! — бежала к нам Артурина, подобрав юбки. Она одарила всех яростным взглядом, упала на колени около отлеживающихся эльфов и пригребла в объятия... дроу. — Мерлин, — похлопывала она его по щекам, — открой глаза! С тобой все в порядке? Чем я могу помочь?

— Приложи меня к груди, — промурлыкал довольный мужчина, обхватывая эльфийку.

— Симулянт! — оттолкнула его моя наперсница и встала. Еще раз обвела всех сердитым взглядом и заявила, задержав его на мне: — Кто ж так даму раздевает, неучи? — И направилась ко мне твердым шагом, позабыв о дроу, сидящем у ее ног.

— Так покажите нам, пожалуйста, — стройным хором ответили мои спасители.

— Вот так надо, — удовлетворенно сообщила Артурина, в мгновение ока избавив меня от дамской брони. — Учитесь!

— Женись на мне! — тут же отреагировал Мерлин. — В смысле, выходи за меня замуж. Обещаю не носить корсеты и фижмы. Так что раздевать меня намного легче.

— Я подумаю, — польщенно фыркнула эльфийка, доставая из глубин своего платья рубашку из толстого полотна и натягивая на меня сверху. Оглядела и заявила: — Ну, по-крайней мере слегка прилично. До дома доберешься, а...

— Я не могу домой, — подняла я руку с браслетом. — Это только через сутки снимется. И я не знаю, снимется ли само или нужно будет возвращаться к вам. Смысл туда-сюда бегать?

— Что это? — ткнулся мне холодным носом в руку Гри. — Чую от него сильную магию.

— Это чтобы я не превращалась, — пояснила, предварительно загородив эльфов. — Во избежание эксцессов. Эльфы, видимо, не любят грифонов и мантикор в постели...

— Я передумал, — пророкотал Ланселот, приземляясь неподалеку, — время для смены эльфийской династии уже настало. Это ж надо было до такого додуматься — лишит химерину всех возможностей! А если бы тебе грозила опасность?

— Она и грозила, — пожала я плечами с удовольствием ощущая свое тело, а не железные пластинки. — Или угроза замужества за опасность не считается?

— Ты! — подскочил к Тристану Гри и вцепился ему в волосы лапами, приподнимая голову.

— Ты кто? — открыл мутные глаза эльф.

— Смерть твоя! — непримиримо заявил кошка. — Если хочешь умереть быстро, сними с Зои браслет, иначе ты будешь молить о смерти...

— На этом месте, — испортила я патетическую сцену, — ты должен засмеяться противным, угрожающим хохотом, и у тебя обязательно должно что-то развеваться даже если нет ветра. Классика жанра.

— Не могу, — проскрипел Тристан, вняв угрозе. — Он только сам может сняться. И только здесь.

— Ну вы попали, — хмыкнула я, оглядывая своих.

Если вы думаете, что одной ведьмы, одного кота, лешего, рыцаря и кентавра, а также стаи оборотней и чертова семейства недостаточно, чтобы развалить эльфийский дворец, то вы правы. Нам просто элементарно не хватило времени. Браслет снялся гораздо раньше.

Но мы успели оставить свой след в истории эльфов!

Я по памяти сварила зелье для потенции, используя для этого подручный материал из сада и кладовых. Эффекта не знаю, поскольку пробовать никто не захотел, но воняло знатно. Дворец обезлюдел в считанные минуты.

Гри из принципа пометил все занавеси и гобелены своим когтями, ставя подпись и проверяя на прочность. Теперь все вокруг было воздушно-ленточным и порхало при каждом ветерке. Также Тристан и Изольд лишились всего своего гардероба, который Гри перепутал с гардинами. Эльфы прятались, завернутые в простыни и проклинали тот день, когда согласились на наш визит.

Леви посетил эльфийский сад, укоризненно покачал головой и в считанные часы вырастил настоящую чащу, чтобы волкам было где резвиться и пугать прохожих.

Чертово семейство оккупировало озеро и доламывало лунную дорожку и днем, и ночью. Днем по памяти. Как это у них получалось, я без понятия, но веселились ребята от души. На озере даже осока завелась и камыши. Тоже, наверное, повеселиться захотели.

Кент не вылезал из эльфийских конюшен, найдя там благодарных слушателей. И что-то мне подсказывало, что

скоро эльфы будут нянчиться с кентаврятами.

Ромуальд был из нас самый приличный. Он ничего не сделал. Только окопался в оружейной и точил мечи. Правда, до рукояток, но зато тщательно.

В общем, день, когда мы улетали, уходили и убегали, объявили национальным праздником освобождения и закатали грандиозную попойку. По-моему, во всей округе не осталось ни одного трезвого эльфа. Так что то, что не разломали мы, доломают сами аборигены.

Когда мы все добрались до нашей избушки, то Гри приказом по сборному гарнизону запер меня внутри. Кот авторитарно заявил, что если я еще один раз, в любую сторону и по какой-то надобности куда-то сдерну самопожертвоваться, он сам мне шею свернет, чтобы остальные не мучились. Остальные побоялись возражать бешеному коту и ушли заниматься своими неотложными делами, но поблизости. Наверное, никогда не видели, как ведьме массируют шею до смерти.

Жизнь постепенно входила в свою обычную колею. Мы снова собирали травы, варили зелье, помогали страждущим. Ромуальд все так же кормил нас из своей походной кухни и занимался со мной на мечях, играя в поддавки. Ну не мог он мне накостылять. Кодекс рыцаря не позволял. К дракону спровадить позволял, а самому прирезать — ни-ни. Дракон муштровал меня, как быть настоящей химериной, и присматривал за рыцарем.

Лучше всех жилось Феклию. Трактирщик не только записывал в очередь лысых и взимал свой процент, но еще водил желающих на экскурсию, показывая вырезанные фигуры и рассказывал придуманную им же легенду о несчастной любви рыцаря, ведьмы и кота. Упомянутый кот грозился выдрать трактирщику приобретенные волосы и успокаивался за половину мзды, взимаемой за просмотр.

Все было бы ничего, если бы к нам не приперлись эльфы. Проснулись мы с Гри одним прекрасным утром, вышли на крыльцо, а там новая шелковая палатка-шатер, на которой развевался эльфийский флаг, и все наши вокруг плотным кольцом.

— И что здесь происходит? — снял у меня с языка вопрос кот, взъерошивая шерсть. — Почему на нашей земле посторонние?

— На моей земле, — поправил Ромуальд, любовно поигрывая мечом.

— Там, где живет ведьма, — вякнули из палатки, — земля считается ничейной. Так что мы не нарушили суверенитет!

— Это кто там такой смелый? — удивилась я, сходя с крыльца. — Без приглашения в гости приперся со своими чемоданами? Чувство вины на темечко надавило? Или стыд уши вытянул?

— Нет! — снова вякнули изнутри. — Мы — наблюдатели. Нам интересно. А так больше ничего не хотим.

— Врать нехорошо, — заявил Ланселот, начиная покрываться чешуей. — Вы до сих пор не отказались от планов в отношении химерины. Будьте мужчинами — скажите прямо!

— Да какие они мужчины, — фыркнул Гри. — Два мужика в тесноте в одной палатке...

— То есть, — приподнял брови рыцарь, — намек на противоестественную любовь у эльфов правдив?

— Это инсинуации! — заверили нас. — Мы — братья! У нас другие отношения!

— Тристан, — рывкнула я, уставая от перепалки, — выходи! Или попрошу унести вас вместе с вашей палаткой. Была коллективная палатка — станет братская могила!

— Это угроза? — высунулся из палатки не выспавшийся эльф. — Или обещание?

— А ты на что рассчитываешь? — ответила я вопросом на вопрос. — С чего ты любишь начинать свой последний день?

— Если можно, — за братом выполз Изольд, посмотрев на всех с таким ожиданием, — то с завтрака.

— А за что вас кормить? — изогнулся дугой Гри. — На каком основании мы должны переводить на вас продукты?

— Я бы перевел, — подал голос Ромуальд, — но мой повар может нечаянно сыпануть в котел яду вместо приправы.

— Не надо портить хорошие продукты! — взвилась я. — Лучше я на них плюну! Волосы, может, и не вырастут, но уши точно станут длиннее!

— Мы можем приносить пользу, — быстро влез в обсуждение своей судьбы Тристан. — И согласны отрабатывать пропитание, потому что наши обозы вы сюда не допустите, да? — и, главное, наивно глазками блым-блым!

— Нам эльфийская контрабанда ни к чему, — кивнул в ответ рыцарь. — Вы под видом харчей сюда морочник потащите и лопухайник. И снова, как двести лет назад, соберете у всех золото и начнете вымогать землю. А мы опять будем за все расплачиваться! А второго дракона у нас нет! — На него с заметным неодобрением покосился Ланселот. Ромуальд мигом поправился: — Мы и первого больше не отдадим!

— Можете проверить на таможне, — заверил его Изольд, — там исключительно продукты. Только не жрите на пробу больше половины, мы на это не рассчитывали... — и мерзко захихикал.

Я сузила глаза и с кровожадным выражением лица обождала, пока этот смех закончится.

— Да какого рожна вам вообще здесь надо?!! — окончательно взбеленилась. — Почему на моей поляне скоро будет, как на рыночной площади? Мне обещали уединенное место для социально важной и тонкой работы. В одиночестве. С котом! Не со скотиной, в смысле, а с этой пушистой сволочью!

— Кот и скот — это уже не одиночество, — вклинился в мой прочувствованный монолог Тристан. — И вообще, контракты нужно читать внимательно, там мелким шрифтом всегда такие пакости прописывают. Вот, например: место уединенное, но местами. — Он показал на избушку: — Там пусто, — потом на палаточный городок. — Тут густо...

— Я никакой контракт не подписывала! — взвилась я кострами в синие ночи.

— Так ты на нелегальном положении... — сразу обрадовался Правитель. — Это меняет дело. Следовательно, мы тут поживем, как дикие туристы...

— Если одичаешь — пристрелю! — пригрозила я, не зная, как от них, блин, избавиться. Со своими-то не знаю, что делать, а тут еще двое. Вот чему они могут научить?

— Могу предоставить контракт, — сразу сообразил свою выгоду рыцарь. — Без мелкого шрифта и на выгодных условиях.

— Только напиши там, — влез Гри, — что она не имеет права удаляться от избушки дальше, чем до сортира! И не может влипать в неприятности!

— А кто тогда травы на дальней поляне будет собирать? — набычилась на него я. — А неприятности, — ткнула я пальцем в эльфов, — сами сюда партизанами лезут.

— Травы и без тебя соберут, — успокоил меня кошак. — Тут сейчас столько народа толчется, что выкосят все под корень!

— Я те дам — под корень! — выполз из леса Леви. — Корень — это основа жизни!

— Это — да! — подобострастно сказали эльфы. — Корень — это везде главное!

— Значит, так! — сделала я свои выводы. — Если вы свои корни будете пытаться окультурить в моем огороде — выполю нафиг! Бесплатно вы тут тоже ошиваться не будете! — Я обвела сумасшедшим взглядом окрестности. — О! Шли бы в баню, ребята!

— Не надо! — упал мне в ноги Гри. — Если они туда пойдут, мы мхом зарастем.

— Мох — основа всего! — вновь проскрипел обиженный леший.

— Тогда ройте бассейн, — поменяла я свое решение. — Глубокий. Опыт топиться у вас есть, так что курсы по выживанию вы сдали экстерном!

— Сейчас мы рабочих пригоним, — потерли руки довольные эльфы.

— Сейчас вы возьмете в свои руки свои лопаты, — прищурилась я на них, — а если лопат нет, то просто возьмете свои руки — и пойдете впервые в своей жизни становиться людьми!

— Это обратная эволюция, — пробурчал сникший Тристан, раздумывая, на что он сдуру подписался.

— Ничего, — заверила его я. — Говорят, труд сделал из обезьяны человека. Посмотрим, что получится из эльфов.

— А если получится что-то не то? — осторожно намекнул мне Ланселот.

— Тогда там и утопим! — пообещала я, разворачиваясь и топя к походной кухне. — И закопаем той землей, что они смогут выкопать. Могилка, правда, получится неглубокая, но всегда можно сверху камней навалить, чтобы не вылезли...

Несмотря на мои неблагоприятные прогнозы, эльфы, действительно, начали рыть бассейн. Сначала они выбрали место, предварительно проконсультировавшись с лешим. Потом проверили положение солнца в разное время суток. Следом каким-то чудесным образом разжились лопатами (я грешила на чертей) и начали копать. Копали они от поляны до заката. Целеустремленно. Ушастые землеройки, блин. Новый вид фауны.

Я, скорей всего, была единственная в мире, которая видела грязных и потных эльфов. Клянусь всем святым, они точно потели! Все рассказы о том, что этот народ утонченный и изысканный — сплошные враки. Матом они крыли не хуже магазинного грузчика. А в некоторых случаях гораздо разнообразнее.

Когда становилось темно, два вольнонаемных рабочих тащились на озеро (Гри перекрыл им доступ в баню из практических соображений траты мыла, но я думаю, что из вредности). Потом с закрытыми глазами ели, что могли удержать в руках (тут у меня включалась жалость, и я кормила обоих с ложки, чтобы работать могли). И ползли спать, иногда засыпая около палатки (дракон качал головой и запихивал внутрь).

Наконец, настал тот час, когда котлован под бассейн был готов. Мы все сгрудились на краю, разглядывая двух лежащих в изнеможении на дне эльфов.

— Что мы будем делать с этой ямой? — поинтересовался у меня Гри.

— Можно сделать второй сортир, — предложил Ромуальд. — Поставим сверху будку. Можно даже этих не вытаскивать...

— Бассейн, — подал слабый голос Тристан, делая плавательные движения.

— Это он куда плывет? — удивился Леви, наклоняясь над ямой.

— К светлому будущему, — пояснила я, не зная, что делать. С одной стороны, поработали они хорошо. С другой — зафигом мне бассейн?

— Еще можно устроить тут погреб, — задумчиво сказал Гри. — Нам все равно нужно куда-то складывать продукты...

— Тристан, — позвала я, присев на корточки и наклонившись вниз, — Изольд. Вам помощь нужна?

— Нет, — простонал младший эльф, приподнимая голову и роняя ее назад. — Я хочу умереть сам. Без посторонней помощи.

— Доставайте их, — распорядилась я, закатывая рукава кофты. — Будем приводить их в божеский вид...

— Только не это, — ожил Тристан, снова уплывая от нас по дну. — Я очень уважаю тебя как химерину, но не доверяю как ведьме.

— Зря, — заметила я, подавая знак мужикам заняться вытаскиванием двух ушастых тел, от которых только эти уши и остались. — Своей судьбе нужно доверять. Зелье — это ж как русская рулетка. Либо выстрелит, либо нет.

— Хочу увидеть тех, кого не застрелило, — простонал Изольд, пока мужики вытягивали упуханных эльфов наверх. — Остальных вы наверняка спрятали, чтобы репутацию не портить. Лес большой...

— Буду я еще вашими экс... периментами лес поганить, — бурчал рассерженный леший. — Сами уходят. Если и помирают, то вне нашей юрисдикции!

— В баню тащите, — велела я, разглядывая несчастных. Труд облагораживает, но и снабжает запахом и грязью. — В избу таких красавцев не пуцу!

— Ты все же считаешь нас красивыми? — как-то сразу ожил Тристан. — Значит, у нас все же есть шанс?

— Один на миллион, — хихикнула я, вспомнив старый фильм. — И не надо радоваться, что он у вас есть. Меня бы это, наоборот, огорчило. Я ж опасная во всех смыслах. Если не убью, то покалечу. Гри подтвердит.

Кот радостно подтвердил и от себя добавил, что если от меня живыми уйдут, то он встанет на дороге и закончит начатое.

Мы совместными усилиями отмыли эльфов. Я больше руководила снаружи. Меня не пустили, чтобы я их не соблазняла или они меня. Я так и не поняла невнятные вопли кота о чистоте помыслов. Ну, помыслы-то эльфам отмыли на совесть. Они впервые в жизни поняли, что веником можно не только подметать.

Через пару часов, когда волки отловили сбежавших из бани эльфов и вернули их обратно, мы с Гри напоили их зельем для поддержания тонуса. Правда, не обошлось без силовых санкций. Эти трусы отказывались открывать рты до последнего. Решающим аргументом стала клизма. Это убедило эльфов выпить зелье, а остальных — что ушастики все же придерживаются нормальной ориентации.

После принятия допинга на грудь, братья посмотрели на меня несчастными глазами и пошли спать. Наивные. Кто ж после такого зелья им даст уснуть? Да и я, похоже, перестаралась — влила в них двойную дозу. Пришлось их связывать, потому что эти воодушевленные лопухие собрались копать рядом второй бассейн, а мы и с первым-то не знали что делать.

— Как ты думаешь, — поинтересовался у меня кот, сидя сверху на ползущем в сторону лопаты Тристане, — сможем ли мы быстро закопать ту яму, что эти два деятеля нам обеспечили, пока туда не свалилась вся наша клиентура?

— Время покажет, — оптимистично ответила я, усаживаясь сверху на Изольда, тоже норовящего еще чего-то покопать. Он даже выражал желание сделать это зубами.

— С другой стороны, — рассуждал практичный Гри, — если они будут там сидеть, то с них будет гораздо легче собирать деньги. Бежать-то им некуда...

— Главное, — фыркнула я, — чтобы они бежали от нас. На это я согласна. Все же проживание рядом с четырьмя красивыми мужиками и одним шикарным котом плохо сказывается на моей репутации. В последний раз у меня попросили удостоверение личности, чтобы удостовериться, что я могу продавать зелья.

— Показала? — заинтересовался Гри, отъезжая от меня на Тристане подальше.

— Ланселот показал, — поделилась с ним я. — Сказал, что я работаю под его патронажем, и обернулся драконом. Нам тогда даже премию выдали. Всем кошельком. И зелье оставили.

— Все же есть от дракона польза, — довольно зажмурился кот. — Надо его в целях рекламы первым показывать.

Утром очухавшиеся эльфы пришли ко мне с просьбой об использовании своей магии в достройке бассейна. Я представила другую альтернативу: как они изобретают бетон, кладут плитку, издеваются над природой, и согласилась. После чего братья чего-то помудрили и начали махать руками и ушами в такт, напевая какую-то абракадабру. Нас в целях безопасности не пустили. А я так думаю, что бы не отвлекали своими замечаниями.

— Зой, — тронул меня лапой кот, пока мы сидели на крыльце в ожидании результатов, — если не дай-то Бог

еще кто-то сюда припрется, ты его чего строить заставишь? Замок али дворец?

— Лазарет, — пробурчала я, поеживаясь. — Где он и будет первым пациентом. Куда нам еще? Этих бы к делу пристроить. Полезному. А то с одной стороны — благодаря Ромуальду, у нас нет проблем с питанием, но с другой — что мы будем делать, когда он прекратит дотации?

— Не прекратит, — заверил меня кошка, довольно жмурясь. — У него так укоренилось чувство вины...

— Которое ты в нем успешно культивируешь, — хмыкнула я, — и поддерживаешь. И вообще... смотри, уже почти темно, а эта парочка все еще свои арии выводит. Может, нужно сварить зелье от хрипоты?

— Лучше от дурости, — заворчал кот, совершенно не выносивший, когда я начинала о ком-то, кроме него, заботиться. — Пошли посмотрим, чего они там напели.

Но не успели мы дойти до эльфов, как небо над нами практически мгновенно почернело. И меня кто-то схватил и поднял в воздух.

— Не пушу! — дурниной завопил Гри, повисая у меня на ногах. — Моя!

— Если ты... — проскрипели надо мной. Я подняла голову и с недоумением уставилась на громадную летучую мышь, державшую меня за подмышки.

— Здравствуйте, — это все, что пришло мне в голову в этот момент. — Как поживаете?

— Если ты, — просипела мышь изо всех сил махая крыльями, — дорожишь своими, то не будешь превращаться!

— А если не дорожу? — на всякий случай уточнила я. Должна же я была оценить степень угрозы? Вдруг они ее еще не придумали.

— Тогда мы уничтожим всех! — выдавил из себя похититель. По умолчанию я решила считать мышь мужчиной. Все же быть похищенной женщиной — это не романтично. — Не провоцируй нас на решительные действия!

— Провоцируй! — орал Гри, держась за мои ноги мертвой хваткой. — Меньше нахлебников будет! Как раз в бассейне и похороним!

Я посмотрела вверх на кишмя кишашее летучими мышами небо. Глянула вниз на отбивавшихся от захватчиков друзей. И приняла решение.

— Когда вернемся домой, — сказала я коту, — надо позаботиться о мышеловках. — Потом вцепилась в лапки своей мыши и велела: — Несите! Я готова к сотрудничеству на время перелета. Но хочу заявить, что предпочитаю крепкие напитки хорошего качества. И питание в полете должно быть подогретым.

По виду мыши было видно, что она чуть не обделалась от такого нахальства. Хорошо, что балласт не сбросила, а то я бы непременно подала жалобу в авиакомпанию!

И мы куда-то полетели.

— Стюард, — выдала я через час, — на вашем борту очень холодно. Прибавьте, пожалуйста, отопления. Мы замерзли!

Мышь напряглась и сильнее замахала крыльями.

— Это не отопление, — крепче сжала я лапы, — это кондиционер. Мы его не заказывали. У вас очень плохое обслуживание в салоне, я буду писать жалобу на ваши авиалинии!

— Жалобу? Я могу и уронить, — прошипел несчастный похититель. — И будет у вас аварийная посадка.

— Не можете, — заверила его я. — Вы меня крали по какой-то надобности — значит, должны доставить в целостности и сохранности. Так что слушайте мои претензии и мотайте на ус.

— У меня нет усов, — рявкнула в ответ мышь, стараясь не сбиваться с курса.

— А молоко на губах обсохло? — любопытствовал Гри, слегка успокаиваясь. — А то вдруг нам дали неопытного пилота.

— Вы нормально похищаться умеете? — не стерпела мышь, начиная выписывать зигзаги. — Как все нормальные люди?

— А где ты тут людей нашел? — изумился кот, начиная потихоньку наглеть. — И нам права о похищении не зачитывали. Так что нечего тут претензии предъявлять. Летел бы лучше нормально, пока не сыграл в черный ящик!

— Что за намеки! — ухнула в воздушную яму мышь. — Причем тут моя кровать?

— Может, лучше я поведу? — предложила я от всей души. — Обернусь драконом, и мы все поместимся. И домчимся до места в бизнес-классе.

— Впервые моя миссия становится невыполнимой, — пробурчала мышь, пыхтя от возмущения. — Вместо того, чтобы выполнить задуманное и доставить девчонку живой, мне хочется сначала проверить ее на прочность и отпустить.

— Это поспешное решение, — возразила ему я, раздумывая, а не сменить ли мне полетное место. Мышь большая, шея должна быть крепкая... — Вы потом замучаетесь объяснительные писать по поводу — почему вы принесли меня в меньшем количестве и худшем качестве.

— Это невыносимо, — закатила красные глаза мышь.

— Теперь ты меня понимаешь? — сел на любимого конька Гри. — А я с ней уже год бок о бок живу и еще не поседел. Так что, может, отнесешь нас обратно? Пока еще седым не стал. И беззубым.

— Это мне не грозит, — высокомерно сказал похититель, поднимаясь чуть выше и подлетая к мрачному черному замку на вершине скалы. — Мы не можем сесть и терять зубы.

— Все когда-то бывает впервые, — утешила его я, рассматривая наше новое пристанище. Очень было похоже на замок из фильмов ужасов. Не хватало лишь грозы и молний в сопровождении звуков грома. А так тютелька в тютельку.

Мы влетели в одно из открытых окон, где нас сбросили на пол из драгоценного паркета, а мышь превратилась в элегантного мужчину средних лет, мгновенно блеснувшего острыми тонкими клыками. И снова красавца. Да что же это за напасть такая, а? — куда ни плюнь, везде идеалы.

— Значит, так, — нахмурился этот великолепный мужчина, сердито поблескивая черными глазами, — сначала я думал поселить вас в роскошных покоях, но после всех дерзостей, выслушанных мной в дороге, я все же брошу вас в тюрьму!

— Это понятно, — переступила я с ноги на ногу. — А чего вы хотели-то? У вас в тюрьмах недобор?

— Вы будете моим подарком Вампирской Матери, — не стал скрывать своих намерений мужчина. — На вековом балу!

— Какой-какой матери? — вытаращилась на него я. Ошарашенно посмотрела на кота: — А зачем нам к его матери?

— Это их прародительница, — пояснил кот, так же сердито зыряка в ответ на похитителя. — Они ей угождают, веселят, дарят подарки, чтобы поддерживать интерес к жизни. Этот решил сэкономить.

— А что мне мешает сейчас отсюда уйти? — наморщила я лоб.

— Мои подданные все еще стерегут ваших людей, — напомнил мне вампир. — И их жизни зависят только от вас.

Звучало неубедительно и было притянуто за уши.

— А как же утром? — проявила я законное любопытство. — Вам же вроде противопоказан солнечный свет, нет? Как в этом случае они будут стеречь моих друзей?

— Мы не боимся солнечного света, — высокомерно вздернул аристократический нос мужчина. — Мы просто быстро загораем!

— До головешки, — закивал кот. — Такие черненькие, красивенькие и уже совсем мертвые.

— Это выдумки, — раздраженно махнул рукой мужчина. Кстати, одет он был, как настоящий вампир — классически безвкусно. Черные штаны, белая рубашка с кружевными жабо и манжетами и алый пояс. Никакой индивидуальности. Сплошные стереотипы. — Мы просто слегка чувствительны из-за светлой кожи. К тому же, у вас там есть прекрасная большая могила...

— Зойка, — повернулся ко мне кот, — какого черта тебе пришло в голову заказать Тристану и Изольду этот бассейн? Их там точно похоронят. А Ромуальда и Ланселота у них в ногах положат, как невинные жертвы.

— Почему? — не поняла я логики кота.

— Потому что эльфы хоть сами это копали, — охотно пояснил Гри, усаживаясь и обвивая лапы хвостом. — А эти только страдали в стороне.

— То есть, — сдвинула я брови на вампира, — вы собираетесь оккупировать мою территорию? — Дождалась согласного кивка и выдвинула ультиматум: — Тогда я оккупирую вашу! Где у вас тут тюрьма?

— И вы не будете сопротивляться? — удивился наивный вампир. И как дожил до длинных клыков? Наверное, никогда не встречался с ведьмой. В этом случае, если у них есть государственный гимн, там скоро появится новая строчка: «Храни вампиров, наша мать, от ведьм, с которых неча взять!»

— Нет, — пожалала я плечами. — Вы меня убедили. Я испугалась. Теперь хочу дрожать в темнице, изнывая от холода, голода и болезней.

— Не надо давать ему руководство к действию, — прошипел Гри. — А то и вправду кормить не будет.

— Не буду, — согласился вампир, растерянно почесывая черную бровь. — Это входит в эксклюзивные услуги узников. На голодном пайке сразу откуда-то появляется хорошая фигура, бодрость духа и желание сотрудничать.

— Ведите, — протянула я ему обе руки. — Мы готовы со смирением принять нашу судьбу.

И нас проводили в камеру. Долго морочиться не стали. Вывели наружу, перевели через двор и запихали на первый этаж каталажки. Камера нам с Гри досталось достаточно сухая, в меру холодная и без крыс. Может, конечно, они и были, но с котом конкурировать не рискнули.

— Что будем делать? — поинтересовался у меня кошка, сгребая солому в одну кучу, подальше от окна. — И есть хочется...

— Тюремщик! — завопила я в зарешеченное окошко в двери. — Когда тут дают баланду?

— Не надо так шуметь! — показался в окошечке римский нос. Остальное видно не было. — Ужин вам не положен, до завтрака вы еще не дожили. Берегите силы и сидите тихо, — и ушел. В смысле, нос ушел, его носитель с собой унес.

— Эльфы тебя хотя бы кормили? — покосился на меня Гри. — Или тоже сэкономили?

— Да нет, — почесала я щеку, подходя к противоположной стене.

— Так «да» или «нет»? — уточнил вездливый кот.

— Да — кормили, — расшифровала я свой ответ. — Нет — я не ела, времени не было. Приходилось много думать на тему «найди счастье — убей мужа».

— Понятно, — улегся на солому кошак. — Теперь другой вопрос: если эти скопидомные вампиры не собираются нас кормить, то как мы будем добывать пропитание?

— Сами, — поджала я плечами и превратилась в слона. Вынесла наружу стену и пошла искать чего поесть, велев на прощанье ошарашенному Гри: — Всем говори, что я сейчас вернусь. Если, конечно, заметят мое отсутствие.

Заметили. Только не мое отсутствие, а дырку в стене наружу. И заметили, когда я уже вернулась обратно, нагруженная хлебом, мясом и вином из дворцовой кладовой. И мы славно поужинали. Вот я не понимаю, как можно было не заметить шлявшегося по территории белого слона? Или списали на галюны? Решили, что им сегодня некачественную кровь привезли?

— А чего это вы тут делаете, а? — сунулся к нам в камеру наряд вампирской стражи с улицы.

— Сидим, — откровенно ответил кот, поглаживая себя по сытому животу, — в тюрьме.

— А почему выход наружу? — прибалдела стража, ощупывая разлом в стене. Глазам своим что ли не верили?

— Свежего воздуха захотелось, — посмотрела я на них честными глазами и улеглась на солому, положив голову на кота.

— Вы хотели сбежать? — осторожно поинтересовались вампиры, никак не догоняя нашу логику.

— Мы же тут, — лениво ответил Гри, начиная мурлыкать. — Если бы хотели, то обязательно сбежали. А так только ночью любимся на голодный желудок, — и рыгнул.

Стража еще чуть-чуть покрутилась вокруг и послала гонца к вышестоящему начальству. Начальство тут же распорядилось перевести нас в другую камеру. Мужики послушались, но рисковать не стали и перевели нас на второй этаж. Мы тоже рисковать не стали и спокойно проспали до утра.

Утром снова встал вопрос о хлебе насущном. Я немного подумала, превратилась в птеродактиля, вынесла стену и полетела в уже знакомую мне кладовую. Потом наведальась туда в обед и вечером. Кстати, скоро нужно будет еще что-то поискать, потому что продуктов становилось все меньше и меньше.

— Это что за безобразие?! — орала снизу неприличным тоном. — Почему снова дыра в стене?

— Потому что, — выглянула я из разлома, дожевывая бутерброд, — у вас плохая вентиляция в камерах! Нам было жарко. И вообще, донесите до начальства нашу ноту протеста — мало того, что нас морят голодом, так нам еще и воды никто не принес... — (Мимо меня вниз полетела пустая бутылка из-под коллекционного вина.) — Извините, — высунулась я наружу, — это не было попыткой покусения на стражу, это чисто благоустройство территории.

Ну, не знаю, может страже понравилось, как мы тут все устроили, и она решила, что было бы неплохо навести похожий порядок и в других камерах, потому что нас срочно перевели на третий этаж. В камеру без окна наружу. Там вообще окна не было.

— И что мы теперь будем делать? — уселся кот, глядя на меня.

— Гри, — посмотрела я на потолок, — тебе знакомо красивое слово «пентхауз»?

— Нет, — покачал головой кошак. — А что это?

— Как проголодаемся, — пообещала ему я, заваливаясь на солому, — сразу узнаешь. Это будет реально круто.

Но не успели мы проголодаться, как к нам в камеру притащили квартиранта. Видно, что мужик явно хорошо пообщался с палачом. Белая рубашка запачкана кровью и кое-где порвана. Физиономия молодого красивого корейца из дорамы. Высокий, черноволосый, смазливый. Коса толщиной в руку. Я даже понасталгировала слегка, самую малость. Его словно утащили из какого-нибудь исторического сериала про династию Чосон.

И тело такое... в меру мускулистое, в меру сухое, накачанное единоборствами... настоящее. Для кино в самый раз — раздеть и пялиться.

На мужественной челюсти красивый синяк. Глазки в закате. Нет, не смотрят на закат, просто не смотрят. Подбили, наверно. На руках кандалы такого размера, что невольно вспоминаешь ряд римских букв «икс-икс-икс-икс-икс-эль».

Как только стража удалилась, сбросив заключенного на нашу солому, мы заинтересованно подошли ближе.

— Почему они его так упаковали? В чем прикол? На мой взгляд, глупо и нерационально столько ценного металла переводить на одного чело... в общем, ты поняла, — забавно вывалив язык, встал над страдальцем кот.

Гри начал наматывать круги вокруг нового жильца, удивляясь со страшной силой. Даже лапой кандалы потрогал.

— И чем он заслужил такие украшения? У нас так даже архимагов и великих богатырей не обездвиживают.

— А вампиров? — задала я логичный вопрос.

— Вампиров — не знаю, не пробовал... — недоуменно потыкался носом в оковы мой личный хвостатый террорист. — Но, думаю, особой разницы не будет. — Кот понюхал железо наручников, лизнул и отошел с нечитаемым выражением морды.

— Наверное, — присоединилась я к пристальному разглядыванию, — чтобы добавки не просил. Типа много не мало.

— П-пить... пить... — простонал несчастный, трогательно запрокидывая голову и облизывая пухлые губы. — Пожалуйста...

— Как ты думаешь, — запустила я руку в волосы, почесывая затылок, — он шерсти не наестся, если тебя цапнет? То есть укусит.

— А меня за что? Я тебе так надоел, что ты меня угробить хочешь? — опасливо отодвинулся от него кот, с подозрением поглядывая то на меня, то на недобитого вампирюгу. — Давай ему просто воды дадим, ладно? Мне моей кровушки для этого кровососа жалко. Тут их, как комаров, — немерено. Одним больше, одним меньше — никто и не заметит, без разницы; я же у тебя один, и телесной жидкости у меня мало, самому не хватает. Так что обойдется водой, однозначно.

— А не загнетса? — закусила я губу. — Мне мало знакома физиология вампиров. Вдруг вода для них яд?

— Заодно и проверим, — оптимистично сказал Гри, не спуская глаз с подопытного. — И так, и так загнетса, так мы хотя бы на будущее будем знать, на что эта раса реагирует.

— Прекрасная... — приоткрыл осоловевшие глазки вампир и снова впал в нирвану.

— Не поняла, — с недоумением глянула я на кошака. — Это он кому? Коме?

— Не знаю, — пожал плечами кот, осторожно трогая лапой пленника. — Мужчина, вы в своем уме?

— Несравненная... — чувственным баритоном пробормотал вампир и снова затих.

— Бредит, — со знанием дела поставил диагноз Гри. — Если принять за аксиому, что ты не прекрасная и не несравненная, а я — мужчина, то это видения. На этом основании прогнозирую, что жить ему осталось всего пару часов...

Вампир тут же распахнул свои глаза.

— ...За это время, — невозмутимо продолжил кот, — ты как раз успеешь замучить его своей заботой.

— Не настолько уж я и плоха, — обиделась я до глубины ведьминской души, а поскольку я чувствовала себя кем угодно, только не ведьмой, то и сильно не загрустила. — И вообще, это ты выдал идею о воде, так что и ответственность вся на тебе!

— Давай, — сложил лапы крест-накрест Гри, — вали все на бедного кота.

— Очаровательная... — никак не мог решить вампир, чего ему там грезится, а потому перебирал все подряд.

— Побитым жизнью слова не давали, — заявил кошак, елозя ему по лицу хвостом и ненароком затыкая рот. — Лежите и умирайте молча. Нам нужно договориться, чем вас отравить, чтобы вы сильно не страдали. — Он задумался. — Или сильно страдали, но быстро умерли.

— Все! — рявкнула я, обращаясь птеродактилем. — Мое терпение лопнуло, и я пошла за водой!

— Ну-ну, — умудренно кивнул Гри, — давай. Посмотрим, в чем ты эту воду принесешь. Возвращайся пеликаном. Там хоть зоб большой.

В общем, разозлил меня кот знатно, и я начала выносить крышу в поисках выхода. Получилось у меня раза с третьего. И пока я дятлом долбилась наружу, Гри таскал нашего страдальца из угла в угол, спасая от падающих обломков. Хотя, после того, как на вампира чуть-чуть не упал достаточно весомый кусок, то второй и третий разы уже он таскал кошака, невзирая на ранения. Можно сказать, мы его уже вылечили. Хотя за водой я все равно отправилась.

Когда я долетела до уже знакомой кладовой и в который раз сломала починенную дверь, то обнаружила одну неприятную вещь... вампиры воду там почему-то не хранили, увы. Настойки, наливки, вина, водку, коньяк — пожалуйста. Сколько угодно, хоть залейся. Даже компот был, медовуха и эль, а воды не было.

— Ну и где тут может быть вода? — щелкнула я зубастым клювом.

— Кто тут? — ворвалась ко мне стража. — Кто тут безобразничает?

— Мышь! — ничего лучше не придумала я и стала мышью. Если бывает мышь размером с хорошего быка. Белая мышь. Зубастая.

— Уп-с! — озадачилась стража и обернулась летучими мышами. — Сдавайся!

— Да счас! — разозлилась я и поменяла облик обычной мыши на летучую и еще крылья для понта распахнула. От кладовой осталась только крыша. Которая, кстати, начала на нас падать. Лишних жертв мне было не надо,

поэтому я вымела пятерых вампиров наружу и прикрыла собой, пока строение складывалось, как карточный домик. Надеюсь, мне в заключении это зачтется.

— Леди, — выползла из-под меня стража, отплеываясь и распрямляясь, — вы откуда сюда попали?

— Из тюрьмы! — застенчиво сказала я. Не в том смысле, что я стеснялась, а в смысле — я стену держала крыльями, которая на нас упала. — Но я туда вернусь!

— Зачем? — прибалдели вампиры, становясь человекообразными и стаскивая с меня ношу. — Вы же сбежали?

— Я от ответственности не бегаяю! — распрямилась я, держась за поясницу. Вообще-то, белая летучая мышь, держащаяся за поясницу — это нонсенс, поэтому я стала горгульей. Они хотя бы каменные.

— Леди, — пятеро вампиров, все, как один поскребли затылки, — если вам нужно внутрь, то что вы искали снаружи?

— Воду, — честно ответила я, рассматривая свои когтистые лапы. — А белые гаргульи бывают?

— Белых летучих мышей тоже не бывает, — нашелся среди них один образованный, — но вы же есть. Так что чего только не увидишь ночью.

— Какая у вас вредная работа, — посочувствовала им я. — Не подскажите, где можно набрать воды?

— Куда? — вытаращилась на меня стража. — Куда набрать?

Тут я очень кстати вспомнила совет Гри и стала пеликаном. Щелкнула клювом и сообщила:

— Сюда!

— Там! — слаженно показали мне руками куда-то вдаль вампиры. — Там есть колодец, но мы вам военную тайну не выдавали.

— Мне уже знакомы измены по-партизански, — заверила их я и полетела на разведку.

Разведка, надо сказать, прошла весьма успешно. Колодец я нашла и даже отбила у кучи мужиков, которые почему-то за него сражались, как за родную маму. Но я была настойчивой и помнила о раненом в своей камере. Правда, похоже мне еще тут несколько... много... всех подкинут. А зачем они в меня оружием тыкали? Нагло так, как будто им глотка воды было жалко! Пришлось доказывать свою правоту ведром, колодезным журавлем, куском каменной кладки и всем, что попало под руку.

Когда я все же всех победила, то набрала воды, оказавшейся странного голубоватого цвета. Набирать подозрительную жидкость в клюв я побоялась, поэтому слетала к ближайшим покоям, выломала оттуда ванну и наполнила ее погнутым о чужие головы ведром. Так и принесла.

Внутри ванна не протиснулась. Дырку в крыше мне расширять было лень, памятуя о непереносимости вампирами солнечного света. Ну и оставила ванну на крыше. Хорошо ведро прихватила. С ним и спланировала вниз.

— Тебя только за смертью посылать, — недовольно сообщил мне Гри, качивая на лапах нашего постояльца с громадной шишкой на благородном лбу. — Мужик уже пару раз пытался отдать концы...

— У него их много? — искренне удивилась я, ставя ведро на пол и изумленно оглядываясь вокруг. Наша камера пополнилась не только ранеными у колодца (интересно, как они так быстро сюда добежали? А еще интереснее, откуда они знали, что мы умеем лечить?), но и кучей еще каких-то нетронутых мною личностей.

— Не говори глупости, — отрезал кошка, выпуская когти и удерживая вампира, который старался куда-то в бреду уползти. — Конец у него один, но отдавать его можно много раз и разным людям. Повзрослеешь — узнаешь.

— Что делаем? — не стала обращать я внимание на его ядовитый выпад.

— Тряпку давай намочи, — отдал распоряжение кот. — На лоб положим. Авось хоть в себя придет, а то, смотрю, у него уже куча новых диагнозов вырисовывается.

— Нет у меня тряпки, — растерялась я. — Могу от юбки кусок оторвать...

— К лечению стриптиз не прилагается, — сердито зыркнул на меня Гри. — Слтай принеси бинтов. Надо его качественно спеленать, пока не уполз.

— Ты меня на грех посылаешь, — тяжело вздохнула я, морально готовясь к выполнению нового задания.

— Грех я возьму на себя, — заверил меня кошка. — Посылай всех ко мне, если будут наводить на неправильные мысли. Я им живо правильную дорогу в рай покажу.

— Смотри не переусердствуй, — фыркнула я и улетела за бинтами.

К поиску нужного я подошла творчески. Для начала покружилась над вампирским замком и выбрала направление. А поскольку я понятия не имела, есть ли у них тут лазарет и где он расположен, то пришла к выводу, что вместо бинтов можно использовать любое чистое тонкое полотно. А где его можно достать? Правильно. На кровати. Простынь, называется.

И вломилась в первую спальню, которая оказалась ко мне ближе. Вылетела я назад с кроватью, с которой пришлось стряхнуть возмущающуюся парочку. Они ни в какую не хотели отдавать мне свои простыни, даже когда я слезно объяснила им ситуацию. Нет, эти жадины в них завернулись и начали угрожать мне мечом и образом с их вампирским святым. Вы когда-нибудь думали, что вампир может быть настолько жадным и бесчувственным? Я ж

не для себя старалась — для их же соплеменника. Так что пришлось действовать грубой силой и отобрать всю кровать! А могли бы пожертвовать лишь одну простынь.

— Уйди кровожадное чудовище! — напал на меня грубый мужчина в полотенце (простыню я у него запасливо отобрала). — Тебе не достанутся наши жизни!

— Да они мне и не нужны, — пожалала я плечами в чешуе дракона. — Оставьте их себе и наслаждайтесь, пока сами себя не поранили.

— А что же вам нужно? — подала голос женщина, изумленно выглядывая из-за широкой спины возлюбленного.

— Кровать! — рявкнула я, выпихивая в окно этот предмет мебелировки. — Хочу улучшить свои условия заключения.

Так и улетела, не обращая внимания на проклятия и вопли, несущиеся мне вслед. Ну и что, что я полстены кроватью выломала? Она в окно не проходила! Нечего, понимаешь, заказывать себе ложе шире, чем окно! Всегда есть вероятность, что нужно будет эту мебель выкидывать или отдавать по требованию.

Приземлившись на крыше, я посмотрела на дыру и поняла, что не только строители сделали маленькие окна, но и я не доломала свой выход на свободу. Опять же, расширять мне его было лень и некогда, поэтому я покидала вниз матрас, подушки и постельное белье и спрыгнула сама.

— Зоя, — выполз из-под матраса кот, вытаскивая за собой полумертвого вампира с синяками под обоими глазами, — ты бы еще ванну сюда притащила.

— На крыше стоит, — пожалала я плечами, смачивая ткань в ведре. — Могу, конечно, сюда спустить, но только вместе с потолком. Надо?

— Не надо, — простонал наш клиент. — До этого момента я надеялся выжить, но сейчас хочу быстро умереть...

— Нельзя, — заверил его кот, стучая по затылку куском кирпича, — мы тебя еще не вылечили. Вот как вылечим, уйдешь отсюда — и умирай сколько хочешь!

— Где тут выход? — завращал головой вампир с неприкрытой надеждой. Но поскольку народ, видимо, решил, что вампирская тюрьма — это такой экзотический способ отдыха, то вампиров тут было столько, сколько эритроцитов в здоровой крови.

— Выход только после оплаты лечения, — вцепился в него Гри. — Неужели ты хочешь сбежать и не раскошелиться после того, как мы потратили кучу времени и сил на твоё лечение? Ты ж нам уже как родной стал! Мы тебя, можно сказать, усыновили!

— Папа! — заорал наш клиент, начиная дергаться, как в падучей. — Это был плохой план! Это был очень плохой план, абсолютно!

— Согласен! — растолкал всех и появился в поле видимости наш похититель. — Мы уже потеряли кладовую, Колодец жизни, западную часть замка, тюрьму, годовой запас продуктов, нервы твоей кухни, мужественность ее мужа...

— Это я не брала! — возмутилась я от несправедливого обвинения.

— Он сам отдал, — согласился со мной похититель. — Как увидел вас, так и отдал. Так вот, возвращаясь к перечислению ущерба — сына я потерять не готов! Уходите отсюда!

— Ни за что! — выдали мы с котом, не сговариваясь.

— Это как понимать? — озадачился похититель, переводя растерянный взгляд с меня на Гри. — Вы отказываетесь?

— Конечно, — пожалала я плечами. — Мы еще не все тут осмотрели...

Раздался всеобщий стон.

— ...с вашей матерью не познакомились, — закончила я, не реагируя на глас народа. — Было бы очень невежливо с нашей стороны уйти не поздоровавшись.

— Я ей передам, — заверил меня главный вампир. — Только уходите.

— Вы, что, святой воды напилась? — зыркнул на него Гри, принимая эстафету. — Чего это мы должны отсюда уходить? Крыша над головой у нас есть... — (Все подняли взгляды на дырку в потолке, слегка замаскированную ванной.) — Компания приятная. — (Народ шарахнулся в разные стороны, делая вид, что они просто так сюда зашли. В тюрьму. Просто так, отдохнуть. Наивные.)

— Что вы хотите за то, чтобы исчезнуть из наших владений? — перешел к делу похититель.

— А с кем, собственно, мы ведем переговоры? — любопытствовала я, складывая на груди руки. — Может, вы не уполномочены принимать решения, а?

— Меня зовут Дон Кихот, Владетель Вампиров, Отец Детей Ночи, — надменно сообщил нам переговорщик. И стал ждать реакции. Ну, не знаю, чего он там ждал, но дождался моего гогота.

— А ты Санчо Панса? — невежливо ткнула я пальцем в нашего клиента. — Или ветряная мельница? Или

ослик?

— Вы откуда меня знаете? — вытаращился на меня чуть не залеченный до смерти вампир. Растерянно посмотрел на отца: — Я им точно не говорил своего имени.

— Тоже мне, секрет Полишинеля! — фыркнул Гри. — Меня другое интересует: сколько у вас детей, Отец Детей Ночи?

— А что? — не понял вопроса Дон Кихот.

— Хочу предложить вам, — умильно посмотрел на него кот, — наше патентованное средство для восстановления потенции и укрепления самочувствия. Если вы принимали участие в создании хотя бы этих, — Гри махнул лапой в сторону притихших зрителей, — то вам явно не помешает!

— Если я у вас его куплю, — размышлял вслух Владетель, — в этом случае вы уйдете отсюда с миром, не причиняя дополнительного ущерба?

— Это нереально, — разочаровала его я. — Для того, чтобы вы его купили, нам его для начала нужно сварить, а для этого требуется ведьминский котел и все ингредиенты. Так что мы у вас погостим неопределенное время. Но вы сильно не расстраивайтесь, а то нам придется еще и успокаивающее средство варить.

— Это вы мне мстите за похищение? — скрючил руки вампир и потянулся к моей шее.

— Не надо, — честно предупредила я. — Могу и драконом стать. Тогда вашей тюрьме точно каюк. А так еще можно починить.

— Легче отстроить заново, — попытался взять себя в руки и успокоиться Владетель. — Так это мсть за похищение?

— Нет, — покачал головой Гри, — это наказание за обман. Зачем вы нам подсунули липового пациента? Мы вам что — шарлатаны?

— Почему липового? — не понял нашего намека Дон Кихот. — Почему не осинового или елового?

— Да нам хоть березового, — фыркнул кот. — Не о том думаете, почтеннейший. Вот какое у вас оправдание, что вы сунули к нам своего сынулю, предварительно измазав его чужой кровью? И кто так художественно рвал на нем рубашку? Кого хотели этим соблазнить? Меня?

— Спаси Мать! — отшатнулся от него похититель. — Зачем нам такой занудный кот? Мы хотели заполучить химерину.

— Заполучили? — ласково улыбнулась жертва произвола в моем лице. — Вот она я. А зачем?

— Как и всем, — непонимающе посмотрел на нас Владетель. — Для престижа и укрепления власти. К тому же сын у меня неженатый. Единственный.

— А остальные дочери? — хмыкнул Гри, показывая на слушателей. — Если они ваши дети и не сыновья, то сразу напрашивается вывод...

— Не надо! — перебил его Дон Кихот. — Отец Детей Ночи — это звание, а не должность. Понятно?

— Нет, — ответила я, почесав нос, чем вызвала шевеление в массах. — А в чем отличие?

— Звание я просто ношу, — вздохнул Владетель. — А по должности должен был бы участвовать. Так понятно?

— Нет, — снова почесала я нос, уже для проверки реакции народа.

— Зоя, — покосился на меня Гри, — что тут непонятного? Если бы его звание было бы должностью, то этот мужчина тут бы не стоял. Он бы давно перенапрягся и умер, выполняя свой долг, потому что у него не было нашего зелья. Я доступно объяснил?

— Вполне, — согласилась я с ним, наблюдая за начинающим краснеть вампиром. — Мне кажется, нам все же надо построить тут избушку ведьмы и наварить им зелий. Жалко будет, если их нация загнется от отсутствия медицинского обслуживания...

— Наша раса, — рывкнул злобный Владетель, — видимо, выжила только потому, что на наших землях никогда не было ведьм!

— И чем вы гордитесь? — укоризненно посмотрела я на него, сострадав всей душой. — Это же позор для правителя — так не заботиться о своих подданных. Они же полностью лишены возможности выбирать свою смерть... в смысле, болезнь... пардон, лечение. Вы лишаете их права выбора!

— Сколько вы хотите за то, чтобы прекратить развращать моих подданных? — выдавил из себя Дон Кихот, шарясь по себе рукой. Видимо, свое копые искал. А оно по должности в звание перешло и стало эфемерным.

— Вот это совсем другой разговор, — удовлетворенно потер лапы Гри. — Давайте сначала обсудим ваши предложения, а потом мы к ним добавим свои!

И тут я ушла в сторону. В процессе вымогания денег Гри не было равных. Если нужно было кого-то раздеть, общипать или обтрясти — мой кот был самой подходящей кандидатурой. Налоговые органы или грабители могли бы только поучиться, как он выторговывал для нас компенсацию за причиненный ущерб. Причем, ущерб он поделил на несколько частей и рассматривал каждую в отдельности.

— Нет, — рвал на себе рубашку Владетель, — я понимаю — ущерб за похищение! Но за недоедание? И это в тс

время, когда вы полностью уничтожили нашу кладовую, где хранились продукты для всего дворца? Это вы называете недоеданием?

— Конечно, — возразил ему кот. — Мы же их недоели? Так какие к нам могут быть претензии? Давайте лучше подумаем, как вы можете нам возместить моральную травму!

По-моему, моральная травма была уже у вампиров, но они сами виноваты. Нечего всех подряд с улицы в дом тащить. Это наказание за беспечность. И вообще: любители халявы должны за эту халяву расплачиваться в пятикратном размере...

— Умножьте свое предложение, — упирался Гри, пока Владетель рвал на себе волосы, — на десять и мы начнем его рассматривать. Пока это не стоит нашего внимания.

— Мне легче вас убить, чем откупиться, — выдал Дон Кихот, соображая, что если у него останется хотя бы жизнь, то ему очень повезет.

— Только трусы идут по легкому пути, — проникновенно посмотрел на вампира кошак. — Вы же не хотите потом воевать с людьми, драконом, эльфами, оборотнями и лесной нечистью?

— Вы мне угрожаете? — набычился на него похититель.

— Я вам рассказываю расклад сил, — обвил хвостом лапы кот, принимая вид записного скромника (ага, из тех, что отдельно записывать надо!). — Должны же вы знать последствия ваших необдуманных решений...

— Мы так по миру пойдём! — кипятился Владетель с растрепанной шевелюрой. —

Если сложить все то, что вы хотите, то у нас не останется ни денег, ни земель! Будем мы нищие и бездомные!

— Зато живые, — разумно заметил Гри. — Почти. Хотя бы ночью... Детей, вон, делаете. Радости жизни можете оставить себе...

— Отец! — внезапно вмешался Санчо. — По одному из наших законов мы можем искупить свою вину, если один из нас уйдет в добровольное рабство к ищущему возмещения, — тут мне достался горячий взгляд из-под ресниц. — Я готов пожертвовать своей свободой в обмен на прощение!

— Один вампир против золота и земель? — подпрыгнул кот, встопорщив шерсть. — Зачем нам лишний рот? Корми его, ухаживай, лечи...

— Лечить не надо, — дарил мне страстные взгляды Санчо. — На остальное я согласен.

— Не пуцуй! — категорично ответил Владетель. — У меня только один сын, и я не желаю отдавать его кому бы то ни было, даже если смогу сэкономить!

— Я все равно не отступлюсь! — нахмурился Санчо. — Хочу пойти с химериной и ее питомцем!

— Это кто питомец, клыкастый? — обиделся Гри. — И вообще, нам больше никто не нужен! Нам и самим хорошо!

— А эльфы? — коварно спросил Санчо, улыбаясь мне лучезарной улыбкой.

— Они строят бассейн! — отбрил кот. — Приносят вред... пользу!

— Я тоже могу чего-нибудь построить, — заверил его юноша, стреляя глазками, — если на то будет желание моей повелительницы.

Я примерила на себя это звание и поняла, что это должность! И отказалась. Категорически.

— Вы хотите спихнуть нам вашего отпрыска? — ярился Гри, наступая на Дон Кихота. — И не платить? Что может нам построить ваш недоросль? И вообще, на что он годен, кроме вранья, притворства и картинного закатывания глаз?

— Да это вообще не обсуждается! — рычал в ответ Владетель. — Я лучше последние штаны сниму, чем вам сына отдам! Вдруг вы его там какому непотребству научите!

Смотрю, у вампиреньша уши сразу торчком после этих слов встали. Заинтересовался, что ли?

— Непотребство — это то, что вы городите! — орал ему кот. — Как вы можете подумать, что невинная девушка может чему-то плохому научить вашего развращенного отпрыска?! Он наверняка уже пошел по стопам своего родителя и тоже примерил на себя роль отца всего народа!

— Мы договариваться будем? — попыталась встрять я, чтобы разрядить напряженную обстановку.

И тут, как назло, начала рушиться крыша и падать ванна. Вампиры так и порскнули во все стороны.

Я понимала, что лично наша четверка свалить не успеет. Мы как раз стояли под дырой. Все, что я успела сделать — это перекинуться в дракона и зажевать всех, кому грозила опасность быть придавленными ванной. Все же такую смерть трудно считать почетной.

Так и вылетела наружу с полной пастью. Там еще кто-то особо наглый пытался за мой язык подержаться. А особо глупый клык обнимал.

— Шеклофно! — выдохнула я, приземлившись подальше от разрушившегося здания. — Тьфу! — выплюнула прицельной очередью спасенных.

— Зоя, — сказал Гри, весь в драконьей слюне, — спасибо, но на будущее, кроме зубов, у тебя еще есть когти и

Мозги...

— Гри, — тонко намекнула ему я, — по твоим же словам, слюна дракона весьма дорого ценится, — и повела мордой в сторону ошеломленных вампиров.

— Ваш долг только что увеличился, — быстро сообразил пушистый вымогатель. — Вы получили редкий продукт и должны его оплатить!

— Мы о нем не просили! — сразу же пришел в себя Дон Кихот. — Это была ваша инициатива! Но за спасение наших жизней... — и тут снова начался их торг о размере компенсации.

Через пару часов Гри ободрал вампира, как липку, выбив из того мешок золота и сундук драгоценностей. А также охранную грамоту, что ни один вампир никогда больше к нам по доброй воле не приблизится. Эту самую бумажку подписал не только Владетель, но все вампиры, которые были в наличии. А Дон Кихот пообещал при случае прислать подписи отсутствующих, чтобы у нас не возникло желания самим за ними наведаться.

Мы вежливо распрощались, на меня навьючили контрибуцию, и под ласковое напутствие: «Будь проклят тот день, когда мне пришла в голову шальная мысль иметь в невестках химерину», — мы улетели домой.

Где-то посреди полета ко мне на спину села запыхавшаяся летучая мышь, с высунутым от усталости языком.

— А ну пошел отсюда, нахлебник! — всполошился Гри, выпуская когти. — Тебя в выкупе не было! Значит, ты лишнее звено! Вот и звени отсюда домой!

Мышь с этим утверждением не согласилась. И они слегка побегали на моей спине друг за другом. С одной стороны, незапланированный массаж, с другой — отвлекало сильно. Можно сказать, сбивало с курса. Я рывкнула и выпустила струю пламени, призывая к спокойствию. А вызвала приступ паники. Теперь на моей шее болтался кот, обнимая сверху и летучая мышь, обнимавшая снизу. Так и летели.

Когда мы все же добрались до места, и я начала кружиться над своей поляной, пытаюсь понять, не подвел ли меня мой внутренний навигатор и туда ли я прилетела. Потому что все видимое пространство было занято армиями. Эльфы вперемешку с людьми, оборотнями и чертями чистили и точили оружие, о чем-то переговариваясь.

Свободное пространство оставалось лишь около моей избушки. И то — там, где поблескивал водой в лунном свете новенький бассейн. Туда-то я и приземлилась, предварительно стряхнув с себя пассажиров и поклажу.

— Зоя! — бежали ко мне Ромуальд, Тристан и Изольд, в то время как я, мокрая и злая, вылезала из бассейна наружу, кипя возмущением. — Ты в порядке?

— Я-то в порядке! — откинула с лица мокрые волосы и уперла руки в бока. — А вот что вы тут устроили? На пару дней одних оставить нельзя? Почему вместо долгожданной тишины я нахожу у себя на пороге кучу ненужных армий?!!

— Зоя! — Кто б меня еще и услышал! Эти три бугая облапили меня со всех сторон и начали целовать, кто куда доставал. — Как мы волновались!

— Не трогать ведьму! — между нами влез ревнивый кот. Рыкнул наблюдающему в стороне вампиру: — Чего глазеешь, счас ее задушат — и кому ты будешь свой долг отдавать, кровосос вшивый?

Санчо принял человеческий облик и только кинулся мне на выручку, как у его груди оказались три острия мечей. Зато от меня все тут же отстали. Только в бассейн уронили, пока за спины запихивали.

— Что и требовалось доказать, — довольно заурчал кот, бросаясь ко мне. — Держись, дорогая. Видишь, к чему приводят твои необдуманные желания? Не было б тут ямы с водой, не купалась бы ты второй раз за день.

— Во-первых, — выползла я на бортик, — третий. Первый был в их колодце, — ткнула пальцем в отбивающегося от троицы вампира. Во-вторых, не было бы тут бассейна, мы бы приземлялись на нашу избушку или уменьшали поголовье армий до сражения. А, в-третьих, — рывкнула я во весь голос, — не смей трогать моего вампира! Он мне подарился, и я несу за него ответственность!

Мужики отступили и растерянно посмотрели на вампира, державшего в руках дрын из разрушенной коновязи.

— Что значит — подарился? — удивленно спросил Ромуальд, не выпуская из поля зрения противника.

— Он же тебя украл? — наклонил голову Тристан, нервно шевеля ушами.

— Он украл, чтобы подариться, — сократила я события до одной фразы. — Сказал, не мыслит без меня жизни и будет со мной вечно.

— Давай тогда его освободим от этого служения? — посмотрел на свой меч Изольд. — И мучиться долго не будет, и тебе спокойней.

— Давайте мы тогда устроим коллективное ритуальное харакири, — внесла я ответное предложение, отжимая волосы. — И я освобожусь от вас всех. Либо так, либо пусть живет.

— Вот говорил я вам, — прыгнул с крыши Ланселот, — что химерина никогда не пострадает. Тем более, зная Зою... — Он красноречиво покосился на мешок и сундук. — ... ей еще и доплатили, чтобы она оставила вампиров в покое. Так?

— А что? — надула я губы. — Должны же у меня быть свои карманные деньги? На булавки?..

— Вся моя казна в твоём распоряжении, Снежная дева, — тихо сказал Ромуальд, опускаясь на одно колено. —

Только намеки — и все сокровища мира я положу к твоим ножкам.

— Все богатства эльфов, — стриганул ушами Тристан, — принадлежат тебе, прекрасноокая химерина. Лишь протяни руку...

— Да-да, — фыркнул Гри, не в силах стерпеть. — И тебе в руки вложат чего-нибудь непотребное. Напекаю ясно: от этого потом бывают дети! А судя по текущим слюням, которые не имеют цены... как слюна дракона... детей будет много-много, и делать вы их будете долго-долго...

— Все! — вскочила я на ноги, направляясь в избушку. — Все мечты обо мне, и что вы там со мной удумали сделать — можете запихнуть себе в любое место, до которого дотянетесь! А я пошла спать! Одна! Нет, с Гри!

— Это уже не одна, — подал голос Санчо.

— А ты тут самый новенький, — мстительно глянула на него я, — поэтому будешь проходить обучение у старших товарищей! — Обвела всех строгим взглядом: — Но чтобы было тихо! Я буду спать! И кот мой! Что хочу с ним, то и делаю! Всем понятно?

— Мы тоже твои, — сказали эльфы и наивно распахнули глазки.

— И моя жизнь в служении тебе, Снежная дева, — заверил меня мечтательный рыцарь.

— А я вообще тут на положении раба, — пожал широкими плечами Санчо. — Могу выполнять любую работу, — облизнул пухлые губы.

— Губозакаточная машинка выдается по первому требованию! — отрезала я, подхватывая на руки Гри. — Могу еще собственноручно пуговицу на лоб пришить, чтобы на слюнях не поскользнулись!

— Ты такая красивая, — сообщил мне Санчо, весь лучась, ночной подсолнух, блин, — когда сердисься. Можно, ты посердишься там, где будет кровать?

— Тьфу! — сплюнула я в сердцах, и все тут же опасливо отодвинулись, памятуя какой эффект отказывает моя слюна. — Ага! — обрадовалась я. — Теперь я знаю, голубчики, как вас держать на расстоянии! — погрозила им пальцем. — И чтобы тихо! Я спать буду! — и ушла в избу.

— Честно говоря, — положила я кота на лежанку, — я соскучилась по нашему дому, даже по этим обалдуям, но мне тревожно. Все развивается настолько быстро и стремительно. Мне все время страшно, что я не смогу себя защитить или подведу тебя, или кто-то пострадает...

— Зоя, — сел на лежанке Гри, — я тебя люблю, и мне все равно — подведешь ты меня или нет. Моя любовь от этого не зависит. Может быть, я не умею красиво о ней говорить, но это то, что я чувствую. — Он потоптался и сменил пластинку: — А теперь, когда твои уши окончательно завяли... или расцвели, давай спать. А то утром, чую, будут у нас новые проблемы!

И мы легли спать. И как только я закрыла глаза, как ко мне пришел старый знакомый Грегори.

Черные вьющиеся волосы, заплетенные в толстую длинную косу, на голове увенчаны темно-синей треуголкой. Полные тайнства глубокие, выразительные глаза, волшебная мягкая полуулыбка. Легкая небритость на мощной челюсти. Тончайшая белоснежная батистовая рубашка, небрежно расстегнутая на груди. На широких плечах камзол, богато расшитый серебряным галуном, простая боевая — не парадная золоченая! — шпага в потертых ножнах на боку... От вида Грегори у меня всегда перехватывало дух. Красивый, сильный и опасный. Мой.

В ярком свете луны все виделось необычным и слегка искаженным, словно покрытым дымкой. Даже звезды на небе были непривычно крупными и яркими.

Мужчина поклонился и встал на одно колено, чтобы поправить мне туфельку, которая почти соскользнула с ноги. Но глаза не опускал.

Я поймала себя на том, что смотрю в голубые глаза своего придуманного парня, своей недостижимой мечты, как зачарованная, и не могу произнести ни слова. Как давно я не видела его! Сколько всего за это время случилось! Но от волнения у меня встал ком в горле.

Пока давний приятель молча вел меня за руку по мощеным дорожкам неизвестного парка, своей красотой достойного фей и единорогов, он улыбался мне, светло и загадочно. Грегори держал себя очень почтительно, как с принцессой или любимой девушкой, и это было непривычно, но очень сладко.

В этом сне я тоже выглядела как спутница принца — на ногах изящные туфельки с драгоценными розетками, светло-светло голубое, почти белое платье с юбкой из множества слоев полупрозрачного газа с разбросанными повсеместно мелкими звездочками бриллиантов. Тугая прическа с несколькими расчетливо выпущенными локонами. Жаль, тут нет зеркала во весь рост, в котором я могу увидеть себя.

Впрочем, это и к лучшему. Будет страшно увидеть себя в прекрасном наряде. Страшно, больно и обидно: мои родители так мечтали о моем выпускном бале именно в таком платье...

Хотя так и подмывало, подхватить пальцами подол и закружиться в танце под луной, осуществив свои давние мечтания.

Временами доносился пьянящий запах резеды и левкоев, иногда волнами пахло летней травой и тонким

ароматом ландышей. Мы сошли с тропинки и давно шагали по пышному разнотравью, но я всего этого не замечала.

Настолько погрузилась в мрачные мысли, что даже не обратила внимание, что мы уже пришли. Мой спутник провел меня в белоснежную ротонду с открытым верхом, стены которой были увиты плетями белых, розовых и темно-красных бархатистых роз, и усадил на круглую лавочку, что была расположена по периметру ротонды.

Вовсю пиликали сверчки. Ротонду, как остров в море, окружала малозаметная бурная жизнь. Где-то вдали, под сенью парка угукала сова или филин. Над головой стремительными тенями время от времени проносились летучие мыши.

Я открыла было рот, чтобы спросить друга детства, зачем он так долго сюда вел, мы могли прекрасно пообщаться и снаружи, но Грегори ласково-укоризненно запечатал мне уста ладонью и произнес:

— Ш-ш-ш! — после чего повел рукой вокруг нас, словно бы рисуя круговую линию. Рвано выдохнул: — Теперь можно.

Мужчина жестом циркового фокусника вынул из куста роз корзинку, накрытую салфеткой, и сдернул накрахмаленную тряпку.

У меня вырвался возглас:

— Пирожные! Мои любимые!

Не то чтобы я умирала с голоду или такая уж сильная сладкоежка, просто я никогда не говорила Грегори, что люблю, а что терпеть не могу из еды, напитков или цветов. Но он всегда знал. Хоть и фантазия, хоть и выдуманный мной персонаж, а все равно приятно.

А еще Грегори достал высокие бокалы и наполнил их прохладным чернильно-черным шипучим напитком. Под звон хрустальных бокалов мы его пробовали мелкими глотками и наслаждались. Ягодное вино с пузырьками газа радовало небо кисловатой сладостью и терпким послевкусием, смывая горечь обиды на кривую и хромую судьбу.

Квадратики «Наполеона»... У меня задрожали руки. Да я бы за них душу отдала! По семейной традиции, маме каждую неделю пекла новый «Наполеон», один вкусней другого: то тесто на сметане, то на масле, то со стуженкой, то с необычным заварным кремом... Она знала их, наверное, сто разновидностей.

Жаль, я сама толком не умею печь, а здесь тортов и пирожных в нашем понимании не знают вообще, даже во дворцах. Мясное-жареное-копченое, пряное-кислое-соленое — сколько угодно! Зато сладости — предел возможностей вяленые цукаты, корзинки с ягодами и жареное тесто в меду.

А с медом все не то. «Наполеон» точно будет не такой, как сейчас — легкий, воздушный, без присущей меду горчинки.

Я трескала нашу любимую праздничную семейную еду и болтала сквозь слезы, чтобы незаметно было, что плачу. Рассказывала все подряд, без остановки: про тяжелую ведьминскую долю, про кентавра, эльфов, рыцарей и вампиров. Жаловалась, как я устала.

Грегори слушал молча, неотрывно глядя мне в глаза, отчего я временами в смущении запинаясь. И как только я вытерла салфеткой пальцы и оставила в сторону бокал с недопитым вином, поднял меня с лавочки и поцеловал.

Перед глазами все расплылось в хаотичный набор светлых и темных пятен. Захватило чувство нереальности происходящего.

Моя ночная греза, мой идеальный мужчина целовал меня медленно, вдумчиво, поверхностно. Словно тихо спрашивал позволения идти дальше. Я с трудом отодвинулась, тяжело дыша.

Грегори застыл. Он внимательно посмотрел мне в глаза и начал отстраняться.

— Мне уйти? Ты любишь другого? Я больше не нужен? — внезапно охрипший голос выдал волнение, хотя по лицу, которое превратилось в гладкую нечитаемую маску, стало невозможно ничего угадать.

У меня глаза, как дождевая туча, набухли слезами:

— Нет. Но... если и ты меня бросишь, я этого не переживу. Не покидай меня, пожалуйста! Очень прошу. Я больше не выдержу одиночества.

Грегори приложил два пальца к губам, затем к сердцу и поднял их к звездам:

— Клянусь Небом! Не оставлю, даже если станешь гнать. Верь мне, ты для меня все.

Я тесно прижалась к нему, отчаянно цепляясь за талию. Грегори, в свою очередь, обнял меня и долго-долго стоял, уютно дыша мне в ухо. Близость его сильного тела успокаивала.

Сильные руки аккуратно распустили мою сложную прическу, небрежно выкидывая на пол множество бриллиантовых булавок. Ласковые пальцы нежно массировали мою голову, отчего хотелось замурлыкать.

А потом он ласково коснулся губами моего чуткого уха и, оставляя влажный след, процеловал дорожку вниз, по шее. Уделил внимание руками, губами и языком моим хрупким ключицам. Приспустив лиф бального платья, припал к груди, покрывая ее невесомыми поцелуями.

И я растаяла. Это было так... чудесно, волшебно, незабываемо. Я так давно мечтала о Грегори, о том, чтобы он...

— Прости меня, любимая, — тихо сказал мужчина, замирая, — но я пока не смогу к тебе приходиться...

— Почему? — выдохнула я, не думая, а лишь ощущая его прикосновения и кожей, и душой.

— Мне нужно уладить кое-какие дела, — отстранился Грегори, приводя в порядок мое платье.

— Например? — выжидательно уставилась на него я, не понимая ничего. Только что было все так прекрасно — и снова какие-то проблемы? Да за что мне все это?

— Мне предстоит серьезное сражение с демонами, — грустно усмехнулся мужчина и... растаял.

— Куда ты? — подскочила я на своей лежанке, случайно скинув с нее Гри. — Какие демоны?

— Зоя, — сердито встопорщил усы кот, — кошмары — это, конечно, плохо, но на кой ляд ты поминаешь демонов?

— А что, они существуют? — ухватилась я за его слова, нервно комкая лоскутное одеяло. — На самом деле?

— Вот я совсем не пойму, — уставился на меня кошак, — тебя абсолютно не смущает наличие эльфов, чертей и оборотней, но ты почему-то удивляешься существованию демонов. У тебя к ним расовая непримиримость?

— А где они живут? — отмахнулась я от его ехидного замечания.

— Где им и положено, — повернулся ко мне хвостом Гри, — под землей. А почему тебя так это интересует? Мало приключений на твою задницу? Так выйди на улицу — там всю ночь чего-то твои последователи преследователи отчебучивали.

— Надеюсь, Санчо выжил, — пробормотала я, мигом вскакивая и начиная натягивать на себя одежду. Потом плеснула в лицо водой, быстро заплела косу и выскочила босиком наружу.

Епишкин кот в трусах в горошек!

— Зюечка, — лучезарно улыбнулись мне эльфы, стоя у бассейна в компании с Ромуальдом, — доброе утро! Как спалось?

— Это что? — ткнула в сооружение над водоемом. — Это как понимать?

Уж не знаю, каким чудом этим деятелям удалось построить сие извращение, но тем не менее, над бассейном, на сваях, как на курьих ножках, возвышалась хатка, собранная из серебряных пластин. Размер у этого безобразия был компактный, чуть-чуть больше гроба, хотя по форме его весьма напоминал. И все это сверху было стыдливо прикрыто соломой. Три снопа покоились на крышке псевдо-саркофага, как цветочные венки.

— Ну... — лукаво стрельнул на меня глазками Изольд, — должен же вампир где-то спать днем...

— И поэтому вы его похоронили? — изогнула я бровь. — Живьем?

— Могу убить, — с готовностью вмешался Ромуальд, — если на то будет воля Снежной Девы. Только прикажи — и мой меч...

— Сейчас как стукну... больно! — пригрозила я, понимая, что поддержку если и найду, то не такую, как рассчитываю. И будет в этом мире на одного вампира меньше, а у меня на пару сотен тысяч врагов больше. Заорала: — Санчо, ты живой?

— Не дождетесь! — приподнял крышку вампир. — На нас серебро не действует. Меньше верьте суевериям. Этот металл сохраняет нам хороший цвет лица и освежает. Так что я вечером буду, как огурчик!

— В пупырышек от стрел, — тихо пробормотал обескураженный Тристан, но я услышала и погрозила ему пальцем.

— Зюечка, — с обожанием глянул на меня Изольд, — ну зачем тебе этот некачественный мужчина? Смотри сама, днем от него пользы никакой. Ночью — еще не известно какая...

— Известно! — крикнул из своего укрытия Санчо. — Выйду вечером и с пользой всем вам покажу, как трое на одного!

— Прибить бы вас всех, — устало сказала я, совершенно не представляя, что с ними всеми делать.

Но тут Ромуальд вручил мне свежесдобитую булочку и кринку молока.

— Живите пока, — пробурчала я, вонзая зубы в сдобу. — Но подальше от меня! — И пошла искать Ланселота.

Дракон обнаружился около вырезанных на деревьях скульптур в глубокой задумчивости.

— Доброе утро, — зашла я издалека. — Как прошла ваша ночь?

— Наша ночь, — ответил Ланселот, не отводя изучающего взгляда от творчества безымянного рыцаря, — прошла в трудовом порыве. Мы все пытались сохранить вампиру жизнь, правда, разными способами. Эльфы почему-то настаивали на посмертной памяти и намеревались воздвигнуть над нимobelisk.

— Где они взяли серебро? — любопытствовала я. — Кто пошел на такую жертву?

— Я, — не стал запыряться дракон. — Иногда лучше отделаться малым, чтобы не поступиться всем. Решил, что небольшой серебряный саркофаг лучше громадного золотогоobelisk. Да и твоему новому приспешнику этот метал до лучины. Целее будет, а его отец обременится моим долгом.

— Страдаете корыстью? — хмыкнула я, раздумывая, как бы незаметнее выспросить о демонах.

— Это лучше, чем страдать идиотизмом, — заверил меня Ланселот, в который раз употребляя «лучше». Это намек или слово дня? — У тебя есть какие-то вопросы?

— Нет, — помотала я головой. — Просто проведать зашла, здоровьем поинтересоваться... Где живут демоны?

— Интересный переход, — все же посмотрел на меня мужчина. — Демоны обитают под землей. Входа в их царство нет, поскольку уже некоторое столетие они никак не могут решить, где поставить таможенную и каким образом взимать мзду: на пути туда или за выход. И то, и другое представляется абсурдным, так как нет таких ненормальных, которые полезут к ним, а демоны никого обратно не выпускают.

— Совсем никого? — испугалась я, окончательно утвердившись в мысли, что Грегори просто необходима моя помощь.

— Совсем, — заверил меня дракон. — Что к ним на рога упало, то для остального мира пропало. А что?

— Ничего, — тут же сообщила я, переступая на месте. — А как же тогда жертвы с ними встречаются?

— Да нет ничего проще, — охотно сообщил мне Ланселот, — значит, нужно сделать все таким образом... — и просветил меня на что особо ведутся демоны.

— Спасибо, — поблагодарила я, погружаясь в себя и размышляя, где мне взять все эти ингредиенты без ведома Гри и сбросить со своего хвоста пятерых добровольных охранников, надоевших хуже горькой редьки.

— Тогда удачного дня, — пожелал мне Ланселот, возвращаясь к созерцанию деревянных панно. — Я с тобой после обеда позанимаюсь.

— Хорошо, — кивнула я, стоя на месте. — Я уже пошла.

— Уже иди, — отпустил меня учитель.

— Уже иду, — все так же стояла я на месте, хотя в своих мыслях была уже далеко.

— Зоя! — завопил где-то кот дурным голосом. — Быстрее беги сюда, а то у нас тут Ромуальд сейчас окочурится, и на твоём личном кладбище будет первый пациент! А я не хочу с него начинать! Мне больше в этом качестве нравятся эльфы!

— О, Боже! — закатила я глаза, срываясь с места. — Как было хорошо, когда мы жили вдвоем! Зачем вы подкинули мне рыцаря? Я ж теперь их всех должна усыновить, как минимум!

— Главное, не делай максимум, — крикнул мне вслед дракон, — чего бы это ни было! А то закончишь гаремом!

— Тьфу-тьфу-тьфу! — сплюнула я через левое плечо, отыскивая причину своей спешки.

Оказывается, кто очень-очень умный решил доказать свою мужскую состоятельность и полез колоть дрова, которых и так было хоть обедай ими. Где логика? Ну и попал себе топором по предплечью. Как это получилось у Ромуальда, я даже боялась спрашивать, пока останавливала кровь. Лично у меня и воображение, и мозги встали в неудобную позу, называемую раскорякой, потому что я никак не могла себе сообразить даже в ночном кошмаре: каким образом рыцарь рубил дрова.

— В следующий раз, — бухтела я, перевязывая пострадавшую руку, — сразу голову подставляй! Чтобы не мелочится.

— Вы так милосердны, Снежная дева, — смотрел на меня влюбленными глазами Ромуальд. — Ваши руки нежнее шелка...

— Давай мы ему милосердно язык отрежем, — предложил Гри, стоя на подхвате. — Орган ему явно лишний, да и нам не сильно нужный. И не забудь ему в настой касторника добавить. Рыцарю явно нужно укрепить мозги и дух!

— Ему и так досталось, — вступилась я за мгновенно замолчавшего Ромуальда. — Не надо делать его хуже, чем он есть, — собирая в таз окровавленные тряпки. И застыла: а ведь это мысль!

— Добрая ты, — не мог успокоиться кошак. — Ты еще поцелуй, чтобы быстрее зажило.

— Я буду вспоминать об этом всю свою жизнь, — в глазах мужчины светилась такая неприкрытая надежда. — Это воспоминание будет скрашивать мою одинокую старость...

— Если ты до нее доживешь, — прервал его излияния Гри. — Что явно сомнительно, если мы только не удалим тебе язык!

— Прекрати его пугать! — сделала я замечание коту. Потом наклонилась и коснулась губами повязки. — Вот! Пусть быстрее заживает!

— Он теперь мыться точно не будет, — пробурчал обиженный кошак. — Знаешь, почему рыцари в большинстве своем вонючие? Они хранят на своем теле воспоминания о поцелуях и не смывают память объятий.

— Снежная дева, — внезапно выдохнул изумленный Ромуальд, начиная шевелить пострадавшей рукой, — у меня ничего не болит. Это чудо!

— Это пипец! — схватился за голову Гри. — Зоя, быстро сними повязку!

Я послушалась, стащила и отшатнулась. Под повязкой не было даже следа раны. Даже шрама. Гладкая, загорелая кожа, бугрящаяся мускулами.

— Все! — сел на задницу кот. — Теперь его точно надо убить. И всех остальных вместе с ним! Иначе тут будут стоять очереди желающих исцелиться, а болезни бывают не только на руках...

— Я никому не скажу, Снежная дева, — заверил меня рыцарь, прикладывая исцеленную руку к сердцу. — Ваша

тайна умрет вместе со мной.

— Все же предлагаю подстраховаться, — никак не мог успокоиться кот, — и запечатать эту тайну. Желательно, топором. Можно мечом или ядом. У меня есть парочка рецептов...

— Если ты кому-нибудь проговоришься, — в упор посмотрела я на рыцаря, снова накладывая ему на руку повязку, — то я никогда не скажу тебе ни одного слова! Да я даже не посмотрю в твою сторону, понял? Так пока и ходи! Типа раненый и работать не можешь. — Утешила. — Зато можешь давать советы остальным.

— Вся моя жизнь... — встал на колени Ромуальд, наклонив голову.

— Бла-бла-бла... в служении, бла-бла-бла... любить до гроба! — фыркнул Гри. — Иди уже отсюда! Нет! Я тебя провожу! Чтобы не смел трепаться направо и налево! — И вытолкал из избушки рыцаря.

Я еще раз посмотрела на окровавленные тряпки в тазу, потом залила их водой, отжала, а кровавую воду слила в бутылочку. Конечно, рыцарь козлом не был, но задатки у него проклевывались и очень даже нехилые. Если не сильно заморачиваться на аутентичности, то по умолчанию сойдет за кровь жертвенного козла. Теперь осталось добыть свечу и кролика.

Остаток дня прошел достаточно спокойно. Все занимались своим делом: эльфы стерегли вампира, Ромуальд стерег эльфов и вампира. Дракон учил меня. Гри стерег эльфов, рыцаря, дракона и меня.

— Тристан, — крикнула я, присаживаясь на крыльцо после последнего урока, где училась владеть собой. Получалось из рук вот плохо. Я-то у себя была, но себе не подчинялась. А если следовать инструкциям Ланселота, то у меня начиналось раздвоение сознания, и начиналась полнейшая неразбериха. — Покажите мне, пожалуйста, как эльфы владеют мечом. А то мне дракон постоянно говорит, что я должна двигаться так же изящно, как эльфы...

— Конечно, драгоценная химерина Зоя, — широко улыбнулся Тристан и поманил брата, — нам нет равных в этом подлунном мире!

Я уселась поудобней на кучу досок, привезенных для стройки людьми с ближайшей лесопилки, и стала наблюдать.

И действительно, танец с оружием был прекрасен. Невозможно было уследить за всеми выпадами и финтами. Два эльфа не дрались — они танцевали, гибко изворачиваясь и уклоняясь текучими движениями. Я получила удовольствие, как от хорошего шоу.

— Ну как? — горделиво глянул на меня Тристан, остановившись после того, как он срезал кончик косы брата.

— Клево! — абсолютно честно заверила их я, собственноручно поднеся воды. Ну и между делом прибрала прядь волос. Мало ли для чего сгодится.

— Подумаешь, — нарисовался рядом с нами Санчо. — Не только эльфы умеют обращаться с оружием!

Вот посмотрела я на него скептически и подумала: сплошные мускулы. И откуда мне с него жира натопить? Если только выдавить, как сок. И то вряд ли.

— Докажи, — раздул ноздри Тристан, отдавая мне глиняную кружку и снова вставая в боевую стойку. — А то мне кажется, что у вампиров только клыки рабочие!

— Не-не, — вклинился Гри, — у них еще кое-что работает. Чем они размножаются. Называется — сила убеждения. Убедил себя и всех окружающих — и пожалуйста — Отец Всех Детей!

— Жалко, что коты невкусные, — оскалился Санчо, показывая острые клыки. — Но могу и попробовать. Из принципа. Вдруг как лекарство сойдет?

— Но-но! — встала я грудью на защиту своего компаньона. — Ты свои клыки на моего кота не скаль. А то живо рашпилем до коронок спилю! Будешь потом пищу через соломинку принимать, если кто позволит.

— Так что? — напомнил вампиру Тристан о поединке. — Выясним, кто лучше владеет мечом?

— Безусловно, — согласился Санчо, принимая оружие от безмолвного дракона и взвешивая в руке. — Только не говори, ушастый, что тебя не предупредили.

— А ты, клыкастик, не задирайся, — с мягкой угрозой сказал эльф и бросился в атаку.

Опять началось шоу. Наверное, они бы дрались до самого утра, но у меня были другие планы. К тому же стемнело и мечам можно было попасть в противника или на ощупь или по принципу: «Кто не спрятался — я не виноват».

— Закончили! — дала я отмашку противникам.

На удивление меня услышали и остановились, тяжело дыша и переводя дух.

— Молодцы, — обошла я вокруг измочаленных дракой мужчин. — Все было красиво-показательно, а теперь всем спать по палаткам! — и заботливо вытерла пот со лба вампира тряпочкой.

Эльф обиделся и стал вымогать заботу, подсовываясь мне под руки и путаясь под ногами. Я всем сказала, что хорошего понемножку, а горькую надо пить не до слез, и отправила отдыхать. И сама отправилась тоже.

— Гри, — спустя какое-то время приподнялась я на лежанке, — мне кажется, что там кто-то лезет к походной кухне. Сейчас проверишь или останемся без завтрака?

— Лучше схожу, — прыгнул с постели кот и побежал стращать всех, кто посмел покуситься на рыцарские

продукты, которые Гри априори считал своими.

Я дождалась, пока его хвост скрылся в дверях и подскочила, начиная шариться в поисках единственной свечи, проклиная себя почему зря, что не догадалась запастись у трактирщика. Хотя вряд ли у него были черные свечи.

Огрызок свечи я нашла, но вот что делать с цветом? Поразмыслила и замазала сажей. Вроде бы теперь уже черная. Кто в темноте приглядываться будет?

Только успела собрать все в узелок, как вернулся недовольный Гри.

— Ну что там? — спросила я его, отвлекая от вопроса, какого хрена я шастаю по избушке ночью.

— Там твои эльфы мочат твоего вампира в нашем бассейне, — поведал мне кот, запрыгивая на лежанку.

— И как? — любопытствовала я, забираясь под одеяло и нащупывая под подушкой заветный узелок.

— И сами мокнут, — тяжело вздохнул кот. — И зачем нам все это? И все эти? Если ты еще кого-нибудь сюда притащишь, то либо мы их уморим, либо они нас отсюда выживут. У меня есть рецепт от тараканов. Давай попробуем? Вдруг на них тоже подействует?

— Не стоит переводить ингредиенты, — фыркнула я. — Судя по всему, тараканы погибнут первыми во всем этом мире, а этому квартету, виртуозно играющему на нервах, ничего не будет.

— Спи давай, — пробурчал Гри, сворачиваясь клубком у меня под боком. Я поерзала, устраиваясь поудобнее и затихла, выжидая время. Потом тихонько поднялась и пошла к двери на цыпочках.

— Ты куда? — бдительно поднял голову кот.

— На двор, — откликнулась я, ныкая на груди узелок. Запихнула ноги в лапти, накинула драную шаль, чтобы не светить ночнушкой.

— Долго там не сиди, — напутствовал меня пушистик. — А то у нас теперь коммунальная поляна. Скоро будем по очереди в сортир ходить.

Я клятвенно пообещала не создавать толпу, но как только вышла наружу, как ко мне сразу подвалил Ромуальд.

— Ну что тебе не спится? — сердито спросила я рыцаря, испортившего мне всю малину.

— Можно я побуду с вами, Снежная дева? — не обратил внимания на мой выпад мужчина. И подхватил меня на руки. Он явно настроился быть моим провожатым. Господи, туда даже цари пешком ходили, а меня будут носить?

— Поставь где взял! — потребовала я, отвоевывая свою независимость. А то знаю я его! Мало того, что донесет, так еще сам внутрь втиснется. Будет хвост искать, чтобы на поворотах заносить.

— По какому праву, — бежали к нам со всех ног эльфы, — ты прикасаешься к нашей драгоценной химерине Зое? Если ей куда надо, то мы сами отнесем!

— Вообще-то, — спланировала с неба летучая мышь, становясь Санчо, — на это у Зои есть я!

— Драться будете или делить? — поинтересовалась я, пребывая в полной безнадежности. И воспряла духом: — Насмерть? А я пока пойду по своим делам, ладно?

— Если на то будет ваша воля, — бережно поставил меня на ноги Ромуальд. — Моя жизнь в служении вам...

— О! — придумала я, как занять лодырничавшее ночью население поляны. — Сегодня полнолуние. Как раз на дальней поляне созрела хвостошлейка. Ее надо косить! Кто больше накосит, тому будет приз! Только, чур, — обвела я строгим взглядом мужчин, — друг друга не косить. Если кто соперника замочит, у того будут вычитаться очки!

— Где поляна? — подобрался рыцарь. Эльфы растопырили уши, а вампир крылья.

— Там! — показала я направление. — Не заблудитесь. Трава светится в темноте малиновым звоном. И шепчет, зовя напиток.

— Эльфы всегда первые! — козырнули мне ушастые и, развернувшись в нужную сторону, припустили бегом. Над ними коршуном реял вампир. А сзади пыхтел Ромуальд.

— «А нам все равно», — пропела я себе под нос и побежала в противоположную сторону.

Немного поплутав по ночному лесу, я нашла поляну, залитую лунным светом, и задумалась. Оно, конечно, все хорошо, но как выглядит пентаграмма? Я смутно помнила, что это что-то типа звезды, но сколько у нее лучей? На этом месте я решила, что много — не мало, и нарисовала прутиком, как могла. Потом по линиям полила кровавой водой из склянки. Водрузила в центре испачканную сажей, свечу. Сверху на нее положила тряпицу с потом вампира и локон эльфа. Не знаю, правильно ли я все сделала, но получилось художественно.

— Хочу продать душу! — сказала я, стоя рядом с пентаграммой или тем, что можно условно за нее принять. — Срочно!

Бабах! Рядом со мной возник полуголый мускулистый мужик в набедренной повязке, еле-еле прикрывающей самое интересное место. Я про пупок. А вы о чем подумали? Голову, помимо буйной смоляной шевелюры, венчали гордые винторогие рога. Копыт не было. Не знаю, были ли у него мозоли или натоптыши, поскольку приперся он босиком, но копыт точно не было. Зато был хвост. С кисточкой.

— Я вот одного не пойму, — взглянул на меня демон горящими золотом глазами, слегка вытянутыми к

вискам, — ты сама дура или меня за дурака держишь?

— Я вас вообще не держу, — открестилась я сразу, чтобы не подумал чего ненужного для дела. — Вы сами пришли.

— Нет, я понимаю, — заложил руки за спину демон, — что вы, ведьмы, нас за людей не считаете...

Тут я с ним молча согласилась. Трудно считать человеком мужика с рогами и хвостом.

— ...Но чтобы вызывать меня шестиконечной звездой?! — выдохнул ноздрями дым демон. — Это уже ни в какие рамки не лезет.

— Я очень извиняюсь, — опустила я глаза к набедренной повязке, — но, честно говоря, не знала ни о каких рамках. Мы без них договориться можем?

— Дай посмотрю, — раздул ноздри демон, после второй порции дыма, — кровь человека...

— ... Он часто вел себя как козел, — торопливо заметила я.

— ...Волосы эльфов, — продолжил демон.

— ...Они длинноухие, как кролики, — выдала я свою причину.

— ...Пот вампира? — изогнул на меня густую черную бровь демон.

— Не могла я из него жир выгопить, — повинулась я. — Не получилось. У него жира вообще нет, весь организм обезжиренный. А времени откармливать не было! И вдруг у него метаболизм хороший? Так что, что смогла — то и получила!

— Из всех условий, — внимательно посмотрел на меня демон, — ровно в полночь зажечь в середине пентаграммы, нарисованной кровью жертвенного козла, черную свечу, сделанную из жира вампира, около жертвенного кролика, ты выполнила лишь одно: согласилась продать душу! На что ты вообще рассчитывала?

— Но вы же пришли, — пожалала я плечами, не понимая, зачем нужно обсуждать мои действия.

— Я пришел, чтобы посмотреть, кто там такой наглый! — повысил голос демон. — И поскольку ты меня все же выманила, то должна заплатить цену вызова. Ты согласна продать свою душу?

— Я согласна продать душу, — кивнула я, не уточняя о чей душе сейчас идет речь. Лично мне моя еще не настолько надоела. Конечно, я и чужими распоряжаться не могла по своему усмотрению, но демон же об этом не знал.

— Подпиши, — в руках у демона внезапно появился и развернулся громадный свиток, исписанный мелким подчерком. А хвостом он протянул мне булавку. — Кровью, что согласна на обмен.

— Обмен чего? — сощурилась я. — Мы же еще не обсуждали, что именно я хочу за душу!

— Это неважно, — проникновенно посмотрел на меня мужчина с рогами. — Ты меня вызвала и должна заплатить!

— Ну уж нет! — уперла я руки в бока. — Вы себе устроили незапланированные каникулы, а теперь еще и нажиться хотите? Давайте обсуждать условия!

— Я могу тебя и просто так забрать, — попытался напугать меня демон. — И ты навсегда останешься в нашем царстве.

— Это страшная угроза, — немедленно согласилась с ним я. — Но вот вопрос: вы точно уверены в последствиях вашего решения? Я же могу и эмигрировать к вам.

— И что? — не понял меня демон.

— А то, — начала загибать я пальцы. — Пособие по безработице, трудоустройство, документы, питание и проживание будут исключительно за ваш счет! Это тоже нужно включить в договор, — покосилась я на свиток. — А то меня терзают смутные сомнения, что вы мне огласили список обязанностей, зажав мои права, которые положены мне как женщине, как ведьме и как...

— Зоя! — завопил где-то рядом Гри. — Какого, блин, рожна ты шляешься ночью по лесу? Быстро иди домой!

— Снежная дева! — надрывался в другой стороне Ромуальд. — Если кто-то посмел вас обидеть!

— Драгоценная химерина Зоя! — выскочили на поляну взъерошенные эльфы и ощетинились мечами.

— Химерина? — изогнул на меня бровь, ничуть не впечатленный демонстрацией силы демон. Цапнул за руку: — Пойдем поговорим в тишине! — и утащил меня с собой.

Когда мы переместились, то оказались в шикарной спальне без окон, увешанной парчовыми красными драпировками. Теперь я понимала состояние быка. Можно сказать, прочувствовала на себе. Тоже сразу захотелось рвать и метать. Но в гостях как-то не принято начинать с выдрючиваний...

Демон промаршировал к громадной кровати, заваленной подушками, улегся на нее с немывтыми ногами и откинул набедренную повязку, продемонстрировав мне демонскую дубинку. Иначе я эту часть тела просто не могла обозвать. Классификацию «член» этот орган миновал во младенчестве.

Я даже глаза зажмурила в надежде, что порно-канал просто показывает рекламу.

— Ну? — сообщил мне демон. — Что стоишь, как истукан? Запрыгивай давай!

— Куда? — обморочным голосом поинтересовалась я, осторожно приоткрывая один глаз и оглядываясь по

сторонам.

— Что ты ищешь? — заметил мои метания демон.

— Телефон, — призналась я, не видя смысла скрывать. — Или как у вас вызывают «Скорую Помощь». Если я на вас запрыгну, то тут одно из двух: либо вас сломаю, либо кровать. А вы бы что хотели?

— Ты слишком беспокоишься о сущном, — заверил меня мужчина, показывая жестом, куда я должна запрыгивать. — Лучше меньше говори, а больше делай! Или я покажу тебе все круги нашего ада!

— Согласна! — истово закивала я. — Пойдемте. Я с удовольствием посмотрю, как вы тут живете...

— Прекрати тратить мое время! — нахмурился демон. — Все равно никуда не пойдешь, пока не запрыгнешь. И если мне понравится, то твоя жизнь будет сносной, а если нет... — повисла многозначительная пауза.

— Ладно, — кивнула я, соображая, как правильно все повернуть. — Но я вас предупредила! — и прыгнула.

Вот только прыгала-то на него я, а приземлилась большая белая жаба. Прямо на грудь. А что? Если жаба давит, то и запрыгивает. Тем более, что мужик сам просил.

— Кхе-кхе-кхе! — откашлялся плоский демон, судорожно стараясь вдохнуть воздух. — Ты чего творишь?!!

— А что? — недоуменно квакнула я, делая ему непрямоу массаж сердца лапками с перепонками. — Вы ж сами просили прыгнуть.

— Ну не жабой же! — столкнул меня с себя рогатый. — Ты должна была, как порядочная девственница, задрать подол и с разбегу нанизаться на мой...

— Это где вы такой ужас вычитали? — открыла я в изумлении рот. В это время вывалился мой жабий язык и приклеился к его груди. — Тьфу! — отлепилась я, спрыгнула с кровати и поскакала искать кувшин с водой. — Чем вы таким противным намазались?

— Это мускусная эссенция секса, — обиженно сказал демон, следуя за мной. Спасибо хоть повязку опустил на место. — А про то, как заниматься сексом с демоном, написано море литературы. Вот почитай любой дамский роман...

— Вас нагло обманули, — квакнула я, уцепив какой-то кувшин и заливая в рот. — Мням! — свела глаза к носу. — А что у вас там было? — и залила остатки.

— В чем обманули? — нахмурился демон, пытаясь отобрать у меня кувшин. — И прекрати заливаться демонской бодягой!

— Пободяжим? — качнулась я из стороны в сторону. Мир стал казаться таким радужным и приветливым. — Вас обманули, потому что это не пособие по сексу с демонами, а пособие как лишить демонов способности размножаться. Прыжок с разбега может и красиво смотрится со стороны, но! — подняла я лапку. — Очень опасно для участвующих в экстремальном виде спорта! — И нашла еще один кувшин.

— Не пей! — не успел остановить меня демон. Попытался напугать: — А то козленочком станешь!

— Таким? — отрастила я себе рога, допивая остатки. — Вам что, больше нравятся козы, чем жабы?

— Мне больше нравятся нормальные девушки, — заверил меня мужчина, становясь между мной и третьим кувшином. — А тебе уже хватит! А то совсем опустишься до состояния... — дальше он договорить не успел.

— Это кто сказал? — квакнула я, отодвигая его скорпионьим хвостом. — И вообще, позвали в гости — так угощайте!

— Ты пьяна! — догадался демон. — В зюю!

— С зюзей незнакома, — отказалась я, соображая, почему так шпорит на суше. — Но если вы настаиваете... — и пошла искать, чем бы еще поддержать новое знакомство. Но остановилась, потому что кое-что вспомнила: — А как вас зовут? А то вроде как у нас все же было, а имени вашего я так и не знаю.

— Что у нас было? — вылупилась на меня демон. — Что — все?!!

— Ну, вы хотели, чтобы я прыгнула, — пыталась я разобраться с лапами. Их было либо катастрофически мало, либо недостаточно много. — Я прыгнула! И мы тесно познакомились! Что вас не устраивает?

— Если мне надо представиться сороконожке с рогами, жабьей физиономией и скорпионьим хвостом, — внимательно осмотрел меня демон, — то меня зовут Кретьен де Труляля.

— Труляля — это то непотребство, которым мы сейчас занимаемся, — определила я, выстраивая ноги в определенном порядке, ведомом исключительно моему мозгу, плавающему в демонской бодяге. — А Кретьен — это определение вашего интеллекта? Как идиото демонус?

— За оскорбление, — набычился на меня демон, — можно и по рогам схлопотать! Ты хоть понимаешь, с кем говоришь, недоразумение?

— Конечно, — закатила я глаза, плюхаясь на задницу, — легче всего оскорбить собеседника, не отвечая на поставленный вопрос. Хотя у вас, кроме вопроса, — скосила я глаза на набедренную повязку, — еще что-то стоит. Видимо, пока на вас еще никто серьезно не прыгал. Так... напрыгивали издали.

— Пьяная женщина — это катастрофа, — наконец доперло до Кретьена. — А пьяная девственница — это... вообще — вилы!

— Вилы есть у чертова семейства, — приоткрыла я один глаз, борясь со сном. — И они их вам точно не отдадут. Производственный инвентарь от рыцарей и невинных дев.

— Тебе надо поспать! — сообразил демон. — А потом мы поговорим, как два цивилизованных человека.

— Вы сами в эту лабуду верите? — квакнула я, зевая и показывая ему саблезубый оскал, казавшийся уместным в данный момент. — Как мы будем договариваться, как люди, если ни один из нас человеком не является?

— Ваше высочество! — начали блажить откуда-то сбоку. — У нас проблемы! Кто-то стучится сверху!

— Ты давай проспись, — посмотрел на меня Кретьен, — пока я не вернусь. А потом продолжим.

— В членовредительстве участвовать категорически отказываюсь, — пробормотала я, цепляя ближайшую к себе драпировку, срывая ее и заворачиваясь. — Все ужасы, пожалуйста, без меня. Хр-р-р...

— И за что мне такое наказание? — встал надо мной демон. Подумал, поднатужился и дотасил меня до кровати. — Спи, мелкая алкоголичка.

— По делам воздаяние? — с трудом приоткрыла я один глаз. — А кому не нравятся мои размеры, то могу и побольше стать...

Но меня уже не слушали.

Сон мой был крепок. И снились такие красочные, интересные сны... Сначала ко мне ворвался Кретьен и с криком:

— Вставай немедленно! Я отдам тебя эльфам, пока они не сломали нам потолок! — попытался стащить с постели. Пришлось вцепиться зубами в прикроватный столбик и дернуть в раздражении лапой. Демон исчез в неизвестном направлении.

Через какое-то время ко мне в сон заявили пять демонов, похожих, как две... пять капель воды, и стали меня стягивать с ложа с криками:

— Просыпайся быстро! У нас летучие мыши жрут потолок! А от этих грызунов нет дезинфекции! — и чуть было не стащили. Но я вспомнила о количестве и сломала им кровать, став первым в истории рогатым мамонтом. В комнате просто не осталось больше места для посторонних.

А сон продолжался. Давно мне не снились приключения.

— Очнись! — блажила рядом чертова дюжина демонов. — Нам не с руки ссориться с людьми! Кто нам тогда будет души продавать?

— Не с руки, — пробормотала я, переворачиваясь на другой бок, — так с ноги. У меня отдых. Не будить, не кантовать, при пожаре выносить первой. Что из этого вам непонятно?

— При пожаре? — обрадовался Кретьен, начиная поджигать занавеси. — Вот тебе пожар — выносись!

— Да счас! — обиделась я, превращаясь в дракона. — Кто так в гости зовет? Что за манеры? Только и можете, что прыгать заставлять! Не продам вам душу!

— Не надо, — обрадовался демон, уворачиваясь от моей лапы. — Оставь ее себе на мелкие расходы. Поверь, что наш ад по сравнению с тобой — детское развлечение!

— Ты на что это намекаешь? — я даже проснулась от такой наглости. И оказалось, что все происходит наяву. Представляете, по мне нахально лазала чертова дюжина демонов. Я ж и обидеться могу. И обиделась. — Не уйду отсюда!

— Что ты хочешь? — пошел на переговоры Кретьен. — Что мы можем тебе подарить, чтобы ты убралась наверх и мучила там своих защитников воплоти?

— Грегори хочу, — честно ответила я, чихая от дыма. Пришлось стаскивать драпировки и тушить. А то, что мне под лапы попались демоны — это был несчастный случай, а не выверенная диверсия. — Отдайте мне моего Грегори, и мы в расчете. Душу за душу, так сказать.

— Как выглядит твой Грегори? — поинтересовался Труляля, вытаскивая из-под меня своих сородичей. — Как мы его опознаем, чтобы отдать нужного, а не обречь на муки невинного?

— А у вас тут типа курорт? — в который раз обиделась я. — И никто никого не мучает?

— Зачем? — удивились демоны всем скопом. Даже те, которые были подо мной. — Нам что, больше заняться нечем? Нам души нужны для прироста населения, а не для всяких извращений, на которые ты прямо намекаешь.

— Кто намекает, — выудила я когтем из-под хвоста одного особо шустрого аборигена, старавшегося прогрызть путь на волю, — а кто и прямо говорит. У вас тут ад!

— Ты хоть знаешь, как это слово расшифровывается? — встал передо мной Кретьен. Ну не совсем встал, и не совсем передо мной. — Ад значит — а давай. А дальше как кому нравится... а давай убежим от этой жизни, а давай начнем все сначала, а давай...

— А давай не будем мне вешать лапшу на уши, — фыркнула я, обдав дымом демонов. — Потому что такого количества макаронных изделий у вас все равно нет! И потом, почему бы тебе меня просто не вынести на поверхность так, как ты принес меня сюда, а?

— Будь проклята та ночь, когда я это сделал! — мрачно сказал Труляля. — И я не могу, пока ты не станешь

меньше. Иначе просто не донесу.

— Слабак, — сделала я вывод. — Как прыгать — так мне, а как носить — так надорвешься! Отдай мне Грегори — сама уйду!

— Как он выглядит? — задал вопрос Кретьен. — Не можем же мы тебе сюда притащить всех Грегори, которые здесь живут.

— Двадцать пять лет, красивый брюнет с синими глазами, — отбарабанила я.

— Седых тоже тащите, — кивнул соратникам демон. — От такой подруги не мудрено и поседеть в таком юном возрасте и у нас политического убежища попросить.

— Поговори у меня еще, — беззлобно пригрозила я, — и политического убежища попрошу сама!

Угроза подействовала, и демоны побежали отлавливать всех Грегори. И в течении долгого времени подсовывали мне каких-то левых субъектов, совершенно не похожих на моего возлюбленного.

— Это был последний, — заявил мне Кретьен, вытаскивая за дверь потерявшего сознание жителя, осознавшего угрозу быть подаренному дракону для амурных дел. — У нас нет твоего Грегори, а, следовательно, ты можешь покинуть нашу страну с миром.

— Да ни за что, — лениво махнула я хвостом, положив башку на лапы. — Вы наверняка его где-то заныкали, как национального врага. Он мне прямо сказал, что должен сражаться с демонами...

— Довела мужика, — с невольным уважением пробурчал Труляля, — что он уже предпочитает сражаться с нами, а не с тобой.

— Так, — нахмурилась я, начиная волноваться, — давай без пошлых намеков. Я, собственно, к вам никаких претензий не имею, но за него всю хату спалю. Не уйду, хоть режьте!

По сверкнувшим глазам демона было понятно, что идея ему понравилась. Но резать бронированные щитки дракона было делом бесперспективным, и он начал меня соблазнять едой, бодягой, золотом, драгоценными камнями и все прочей фигней, которой у меня и наверху было немерено.

— Ничего не возьмешь? — устало спросил Кретьен, отпихивая ногой сундук с драгоценностями.

— Нет, — подтвердила я, прикрывая глаза. — Мне ничего не нужно, но без Грегори я отсюда не уйду!

— И тебе все равно, что эльфы объявили нам войну? — рявкнул демон. — А вампиры намереваются биться насмерть? А люди собираются отречься от нас и стереть любое упоминание?

— Не дави на мою совесть, — посоветовала ему я. — Отдай мне Грегори и, честное слово, я со всеми договорюсь!

— У меня нет твоего Грегори! — схватился за свои рога Труляля. Проверял на месте ли они? — Нет!!! Может он в другом месте! Может, он вообще не хочет иметь с тобой ничего общего!

— Это я с тобой не хочу иметь ничего общего! — рыкнула в ответ. — Отдай то, что мое, и я уйду!

— Со своим уйдешь? — прищурился на меня Кретьен. — Обещаешь?

— Что ты задумал? — полюбопытствовала я, начиная дремать. Все же рассматривать кучу незнакомых мужчин очень утомительное занятие, как оказалось. Тем более, что большая половина из притащенных на опознание сползала в обморок от перспективы познакомиться со мной поближе. Им же никто не сказал, что в основном я выгляжу нормально.

— Я, Кретьен де Труляля, — встал в красивую позу демон, прекратив терзать свои рога, — первый наследный принц царства демонов, отдаю свою душу вот этой девушке, — невежливо ткнул в меня пальцем, — за то, что она покинет пределы царства!

У меня глаза не просто открылись. Они еще и вылупились. Представляете дракона, у которого глазные яблоки чуть ли не на ложноножках? Вот и я не представляю. Но это было.

— Не возьму! — сразу отказалась я от такого подарка. — Мне чужого не надо.

— А я теперь твой, — нахально заявил Кретьен, присаживаясь мне на лапу. — И по закону обязан проживать в твоём мире, рядом с хозяйкой своей души. Так что превращайся в нормальный вид и пойдём осваивать территорию.

— Я тебя передарю, — предложила от чистого сердца и когтистых лап. — Зови отца или мать, я готова к отдаче их долга.

— Не можешь, — демонстративно начал чистить когти демон. — Я теперь твой навеки. До твоей смерти...

— Что ты хочешь этим сказать? — почувствовала я скрытую угрозу. — В чем подвох?

— Только в том, — клыкасто улыбнулся мне Кретьен, — что тебя теперь будет пытаться убить каждый из моего рода, чтобы вернуть меня домой.

— Ты полностью оправдываешь свое имя, Кретьен, — заверила его я, стряхивая на пол. — Это так ты стараешься избежать войны? Если сейчас, зная, что я жива, тебе в крышу долбятся эльфы, вампиры и люди, то что будет, если меня прикончат? Геноцид демонов? Вековая война?

— Не-а, — быстро вскочил на ноги демон. — Мы же не будем торопиться. Просто когда-то возникнет ситуация, что кто-то еще будет тебя убивать, а мы просто не дадим тебя спасти. Так что наша вина будет

минимальна. И я даже сурово отомщу твоим убийцам... после их смерти... в почтенном возрасте.

— Со мной очень трудно жить, — попыталась зайти я с другой стороны и образумить безумца, не знающего на что подписывается.

— Трудности закаляют, — лучезарно улыбнулся ненормальный, вообразивший, что он нашел выход. На самом деле он нашел вход. Угу. В лабиринт, из которого нет выхода.

— У меня бассейн есть, — выдвинула аргумент. — С эльфами вместо акул. И серебряный саркофаг для вампира. И, кроме меня, ни одной дамы, кроме деревянных, на тысячу миль!

— Я готов к лишениям, — заверил меня Кретьен. — Лучше мучиться с тобой там, чем здесь вместе со всеми.

— Спать будешь в палатке, — пригрозила я в сердцах, — если сможешь ее отвоевать у рыцаря и эльфов.

— У меня есть походная, — успокоил меня Труляля. — Для подобных случаев. К тому же интересно посмотреть на мир снаружи.

— Дай мне честное слово, — тяжело вздохнула я, смиряясь с неизбежным, — что моего Грегори у вас нет. И можешь оставаться дома.

— Честное слово, — охотно сказал демон, глядя на меня красивыми миндалевидными глазами, — твоего Грегори у нас нет. Дома я не останусь. Я же теперь твоя тень.

— Пень ты, а не тень, — рявкнула я, становясь собой. — Ты хоть понимаешь, что Гри тебя со свету сживет? И это все будет на моей совести? А где в это время будет твоя?

— Совесть? — посмотрел на меня незамутненными зенками Кретьен. Ну просто смотришься в зеркало, блин! — Это рудимент для демонов. Мы ее не имеем.

— Тогда жизнь поймет тебя, — сообщила я довольному мужчине. — И хвост будет единственным, что останется. И только потому, что тебя на нем повесят.

Вот объясните мне, почему каждый норовит мне себя подарить? Ладно, у Ромуальда до сих пор чувство вины, которое активно кусает его за все части тела. Хотя... благодаря ему я встретила дракона и поняла, кто я есть. Но зачем мне эльфы, вампир и демон? На кой, спрашивается, ляд мне четыре лишних рта, которые, мало того, что жрут в три горла, так еще и бизнес мне портят. Кто будет покупать у ведьмы зелья, если в округе шастает куча мужиков, косящихся на всех клиентов, как на врагов народа? Только враг сам себе. А это уже самоубийца, которому мои отвары не помогут.

Нет, я согласна жить рядом с лешим, Гри, волками и Кентом, которые имеют свою собственную жизнь и на мою не претендуют. Но остальные... это же катастрофа! Полная катастрофа для отдельной взятой ведьмы.

— Ладно, — обреченно вздохнула я, протягивая руку Кретьену. — Хочешь быть первым демоном, который умер из-за ведьминской неразборчивости — валяй, Бог тебе судья. Перемещай меня домой.

— Я еще тебя переживу, — злорадно пообещал мне счастливый мужчина и перенес нас... в клетку.

Ты-ты-ды-дымс, и звон фанфар! Очередная подлянка! Сегодня, наверное, на небе целая распродажа со скидками: три-в-одном!

— Попались! — заорали какие-то непонятные личности в белых балахонах, танцуя странный танец снаружи. — Теперь мы спасем наш мир!

— Ты куда меня притащил, олух царя небесного? — повернулась я к обескураженному демону. — Это, называется, домой? Я не живу в клетке!

— Да? — типа удивился демон, скрывая тревогу и ощупывая толстые прутья. — А я думал — самое надежное место для тебя.

— Не выйдет! — радостно завопили снаружи. — Все укреплено магией!

— В смысле, не выйдет? — на всякий случай уточнила я. А что? С похитителями надо уметь договариваться. — Лично я могу выйти из себя всегда, но кому от этого будет хуже?

— Сбежать не получится! — так же радостно сообщили мне. — Мы все предусмотрели!

— Переместиться можешь? — покосилась я на демона. Тот виновато пожал плечами. — Понятно. — И снова к похитителям. — Какие требования?

— Никаких, — ответили эти бесноватые. — Мы просто принесем вас в жертву, чтобы запечатать портал в наш мир. Хорошо, что у нас есть еще и демон! Его кровь будет хорошим катализатором крови химерины! — и оставили нас одних.

— Что за бред? — уставилась я на Кретьена после бесплодных попыток поменять облик. — Какой портал? Какая кровь?

— Твоя и моя, — серьезно ответил мужчина. Дурашливость отваливалась с демона пластами, как грязь с телогрейки бомжа. — Мы не случайно стараемся не выходить на поверхность. Наша кровь обладает свойством служить катализатором для любых сложных ритуалов. То есть любая жертва становится значимее, если ее кровь смешать с кровью демона.

— Если я правильно понимаю, — села я на задницу, натянув на ноги юбку, — то я тебя сюда притащила на

смерть?

— Или я тебя. В общем, как-то так, — кивнул Кретьен. — Уже давно ходили слухи, что на этот мир готовится нападение и где-то строится большой портал. Видимо, разговоры не лишены смысла, и маги стараются предотвратить вторжение. Ну, в своем понимании, кривыми методами и за чужой счет, как обычно. Так уж эти господа привыкли...

Бр-р-р! А в глазах гордый и трагичный фанатизм самопожертвования. Это демон или ангел, в натуре? Может, у него нимб с крыльями на перезарядке?

Я сострадательно покачала головой и звонко хлопнула себя ладонью по лбу. Вот придурок! Ничего, вылечим и сделаем человеком. И не таких спасали, вспомнить того же Ромуальда. Был козел козлом, а сейчас всего лишь рогатый (учитывая шлем) милый козлик.

— Не переживай, чтобы тебе было не так страшно, я лягу первым, — утешил меня будущий мученик.

Японский городской! Хреновое вышло утешение, мог бы и получше сбацать.

— Малахольный, ты согласен отдать свою жизнь непонятно за что? — поразила я, во все глаза разглядывая спутника. — Без доказательств, без видимой угрозы? Просто потому что?..

— Это великая честь для воина-дворянина и мужчины — заслонить собой от беды, — заверил меня чокнутый Труляля, — всех живущих в подлунном мире. И маги никого и никогда не режут, если нет реальной угрозы. Разве что невинных дев... изредка...

Угу. Надо понимать, для поддержания общего тонуса, когда дворяне-добровольцы под руку не попадают.

Вывод! Первое: кирпича, как для вампира, тут будет маловато. Тут бульдозер нужен. Карьерный. Типа «Коматсу».

И еще... Второе: меня зарежут не просто так, а по делу. Как там в сказке: «Дела лытаешь, аль от дела пытаешь?» Нет, кажется там все было наоборот. Дело как раз пытали. Оч-чень остроумно. Только до сих пор не могу понять, что такое «лытаешь». Наверно, что-то ну уж очень фееричное. Не для средних умов.

Третье: зарежут из-за угрозы миру. Целому миру, ого! Класс! Утешил, родимый Кр-ретин Батькович, буду бесплатной бочкой в каждой затычке... ой, наоборот.

«Великая честь для воина-дворянина и мужчины...» Шутник! Я внимательно оглядела себя сверху донизу и даже местами недоверчиво пощупала: ни воина-дворянина, ни мужчины в упор не обнаружила. Может, у меня близорукость и косоглазие? Или у местных курительный бамбук особо забористый в карманах завалился?

Четвертое, и последнее: насчет невинной девы гад рогатый и хвостатый таки угадал. Хотя немножечко обидно быть принесенной в жертву промежду двумя серьезными заходами, от нечего делать. Можно я с кем-нибудь из дворян честью поменяюсь? — с меня не убудет, и парням будет приятно.

— Но я-то не отсюда, — почесала я лоб в недоумении. — И чести быть жертвенной овцой совсем не вижу. И потом, я не хочу умирать потому, что кто-то где-то чего-то за меня решил.

— Ты — химерина, — внимательно посмотрел на меня демон, присаживаясь рядом и укладывая мою голову на свое плечо. — Твоя кровь самая сильная в этом мире. Так что твоя и моя смерти будут не напрасными. А сейчас успокойся и попытайся отдохнуть перед ритуалом.

Мне окончательно схудилось. Ну просто от глубокой безмятежности до дикого отчаяния за пять секунд и почти без разбега. Хотелось орать, бить, крушить... жалко, некого. Богом и мозгом обиженного демона я не считаю.

— Я что, тебя хвостом по голове приложила? — отпрянула я от мужчины. — Как можно так равнодушно относиться к своей жизни?

— Все проходит, — философски ответил демон, — пройдет и это.

— Ты, блин, не царь Соломон, — вспыхнула я, начиная нервничать, — ты царь Долбофон! И я не собираюсь просто так умирать, и тебе не дам! Я несу за тебя ответственность! Только посмей, как овца, лечь на алтарь — сама тебя до смерти загрызу!

— Хорошо, — кивнул рогатой головой Кретьен, — я лягу, как баран. Как овца ляжешь ты. Потому что и у тебя, и у меня нет другого выбора. Никто не придет нас спасать, потому что никто не знает, где мы. Если нас и найдут, то будет уже поздно. Так что будем утешаться величиим нашей жертвы...

И тут я окончательно озверела.

— Да-да, — отпихнула я его. — В моей избушке будет играть грустная музыка, но я ее не услышу. Нет уж, я еще потрепыхаюсь!

— Зоя, — около нашей клетки в сумерках появилась фигура в белом балахоне, — ты слишком нервничаешь.

— Кто здесь? — подпрыгнула я. Вгляделась и застыла испуганным сусликом: — Безымянный рыцарь? Вы-то тут откуда?

— Магистр Зигмунд? — окликнули моего собеседника. — Все в порядке?

— Абсолютно, — заверил приспешников магистр, — я просто хочу растолковать нашим пленникам важность их жертвы! Нам не нужны сложности!

— Магистр, значит? — прошипела я, вцепляясь в прутья клетки. — Если б я тогда знала — то хрен бы ловила грибы-спринтеры, добывая обалдуйку! Вы бы до сих пор бы любили Гри нежной безответной любовью!

— Тише, — воровато оглянулся Зигмунд. — Не надо всем рассказывать о моих мелких промахах. Я тогда должен был проверить новую ведьму, но никак не ожидал, что ты сможешь сварить зелье такой силы. Поэтому и был поблизости. И узнал много интересного. Например, что ты единственная химерина в этом мире.

— И что? — я со злости была готова перепилить прутья зубами. — Что это меняет?

— Это меняет все, — улыбнулся мне магистр. — С твоей помощью мы сможем обезопасить наш мир. Тем более, — он посмотрел на Кретьена, — ты еще и умудрилась привести демона, за что тебе отдельная благодарность.

— Засуньте ее себе знаете куда? — ярилась я, мечтая, чтобы моя слюна оказалась ядовитой, а не средством для выращивания волос. Вряд ли меня спасет, если магистр внезапно украсится разноцветной бородой или шевелюрой. — Какая мне разница, если меня уже не будет в живых?

— Не все так плохо, Зоя, — отошел от меня Зигмунд. — Твоя жертва благородна, и это должно тебя примирить...

— Магистр Зигмунд! — где-то вдалеке завыл кто-то. — У нас проблемы! Вам срочно нужно сюда!

— Готовьте их! — приказал предатель моих светлых идеалов и ушел.

— Давай ручки, — нарисовался рядом с клеткой маг, поигрывая наручниками. — Или мне изувечить демона? — С угрозой в голосе: — Он и в таком виде нам сгодится.

Я, конечно, могла сказать, что мне все равно и глубоко наплевать на Кретьена. Но проблема была в том, что все равно мне не было. Чувствовала я за него ответственность, хоть он того и не заслуживал. Но мы всегда в ответе за тех, кого нам подарили, даже если этот кто-то подарился сам. Вот такая я дура.

В общем, ничего другого не оставалось, как протянуть руки и дать возможность надеть на себя цепи и ошейник. Так же окольцевали и демона. Потом спели какую-то песенку и открыли клетку.

— Вы никогда не слышали о презумпции невиновности? — поинтересовалась я у ближайшего ко мне мага, отшатнувшегося в страхе. — Нет? Тогда я за вас спокойна!

— Ведите их к алтарю! — приказал откуда-то издалека магистр, которого я просто мечтала заполучить к себе в драконьи лапы хоть на пару минут. Мне бы хватило. Для того, чтобы откусить голову, я бы даже природную брезгливость поборола. Зато удовольствие бы получила на всю оставшуюся жизнь!

Больно вздергивая за цепи ошейников, нас привели к двум каменным постаментам, расположенным под крышей, держащейся на четырех массивных колоннах. Собственно, не было какого-то специфичного антуража. Все достаточно скромно и минималистично.

Сначала разложили на одном из постаментов демона, потом взялись за меня. И если Кретьена положили как есть, то с меня содрали всю одежду.

— Это как называется? — возмущалась я, ежась от ночного ветерка, жадных взглядов и плохого предчувствия. — Почему такое гендерное неравенство? Почему я должна умирать голой, а мужчина одетым? Где в вашем пособии по извращениям написано, что жертва должна быть обнаженной?

— Ложись на алтарь, — потянули меня за цепи, — и не выпендривайся. Быстрее начнем, быстрее освободишься.

— Это шутка юмора такая? — злобно глянула я на мага. И уперлась изо всех сил: — Не лягу! Это камень! Он антисанитарный! И я отморожу себе все! И не хочу умирать голой, синей и с соплями! Это неэстетично, в конце концов!

— Что за жертвы такие привередливые пошли? — нахмурился один из магов, стоящих в отдалении и пошел на помощь. — Нет чтобы принять свою судьбу со смирением и радостью!

— Вы меня с овцой перепугали? — вытаращилась я на него. — Так позвольте мне открыть вам глаза — я девушка, если вы еще этого не заметили.

— А ведешь себя как базарная баба, — заметил добровольный помощник и схватил меня за грудь.

— Это против всяких правил! — задергался в своих цепях демон, до этого лежавший спокойно. — Вы должны нас убить, а не лапать и нагло издеваться!

— Смурф, — возник на горизонте Зигмунд, которого я собиралась изничтожить, как только появится возможность, — не распускай руки. Мы не звери!

— Вы не звери, — согласилась я с ним, — вы гораздо хуже! — и изо всех сил укусила руку мага, все еще сжимающую мою грудь, извернувшись не по-детски. Это я им тоже припомню!

— Магистр, — дрожащим голосом сказал пострадавший Смурф, прижимая свою руку уже к своей груди, — меня преследует желание запеть наш гимн! — И затянул дребезжащим фальцетом:

— Мы рождены, чтоб маги стали былью,

Чтоб все вокруг играло и цвело.

Мы встанем рядом с нужной целью

И смело вонзим свое копьё!

— Магистр, — повернулась я Зигмунду, старательно прячась за поющего мага, — вы не следуете своему гимну.

У вас нет копья и меча нет. Да у вас даже совести нет!

— Ложись! — рывкнул магистр, накидывая на алтарь свой плащ.

— Не лягу! — заупрямилась я. — Вы его когда в последний раз стирали? Может, камень гораздо чище, чем ваша подстилка? И вообще, я не хочу нахвататься ваших тараканов. Вдруг меня тоже потянет приносить жертвы?

— Положите ее! — кивнул злоющий Зигмунд двум дюжим магам. — У нас нет времени на уговоры.

Ну нет, так нет. Я и их покусала. Теперь соло стало хором и вся троица старательно выпевала свой гимн, а моя стенка-прикрытие слегка расширилась.

— Зоя, — попытался воздействовать на мой разум магистр, — это становится утомительно однообразно. Мы все равно должны это сделать, так зачем ты тянешь время?

— Наслаждаюсь жизнью? — выглянула я из-за плеч хористов. Ну, Зигмунд же не знал, что когда работают челюсти, то мозг полностью отключается. Иначе мы бы не обжирались, заканчивая диету. — Не уверена, что есть что-то после смерти, и проверять не хочу!

Но меня смяли числом. Хотя и хор увеличился почти втрое. Так что музыкальное сопровождение нам было гарантировано. Как только меня злодейски приковали на алтаре, Зигмунд встал над демоном, направив тому в грудь кинжал самого зловещего вида. Сразу стало понятно, что он им не кожуру с фруктов чистит.

— Энеки-бенеки... — начал говорить Зигмунд, преисполнившись... да фиг его знает чем он там наполнился, но вид у него был почище надутого индюка.

— Ели вареники! — подсказала я от доброты душевной. Если меня скоро прикончат, так пусть зазря не пропадает. Пусть все ей попользуются.

— Энеки-бенеки, — терпеливо повторил магистр, дернув щекой.

Бац! — на меня сверху приземлилась летучая мышь и распластала крылья, стараясь прикрыть все неприличные места. Но стало как-то еще более неприлично.

— Санчо! — взвыла я от невозможности почесаться, потому что кто-то щекотал мне усами живот. — Спаси демона! Если они его прикончат, я никому этого не прощу!

Летучая мышь чертыхнулась и перепрыгнула на демона, распластавшись уже на нем.

— Я отказываюсь! — со всей дури завопил Кретъен, начиная судорожно дергаться в своих цепях. — Согласен пожертвовать собой, но не своей репутацией! На мне не будет валяться мужик, да еще и вампир!

— Мы не можем принести в жертву вампира! — отпрянул Зигмунд. — Жертва в этом случае будет полностью бессмысленна! Их кровь нейтрализует любое заклинание!

— Лежи спокойно! — рычал Санчо, с трудом удерживаясь на демоне сверху. — И я никому не скажу о твоём моральном падении!

Тут неподалеку приземлился дракон, с которого кубарем посыпались мои друзья.

— Что здесь происходит! — первыми прибежали эльфы и остолбенели, узрев меня в обнаженном виде. — Зоя, почему ты голая?

— Это ты у него спроси! — рывкнула я, начиная заливаться краской стыда. Ткнула в сторону застывшего магистра: — Мало того, что ему мой стиль не нравится, так он из-за этого хочет меня жизни лишиться!

— Сейчас, — первым отреагировал Тристан, лихорадочно срывая с себя рубашку и накидывая на меня. — Так лучше?

— Немного, — призналась я, слегка успокаиваясь. — Только слегка коротко...

На меня сверху легла еще и рубашка Изольда.

— Вы не о том заботитесь! — рывкнул Зигмунд, быстро приходя в себя. — Нам нужно запечатать портал, а для этого нужна жертва! И химерина ее достойна!

— Не достойна! — мгновенно отказалась я от подобной чести. — Я ваш мир спасти не нанималась!

— Если нужна жертва, — подоспел к нам Ромуальд, — возьми меня. — И не придумал ничего лучше, как начать раздеваться под хоровое пение магов.

— Стриптиз! — зажмурила я глаза. — Нет, для меня уже всего слишком много. Это не спасение мира, а оргия какая-то!

— Зойка! — прыгнул рядом со мной на алтарь взъерошенный Гри. — Как только выпустишь тебя из поля зрения, как ты сразу влипаешь в неприятности! — И вцепился когтями в оковы.

— Осторожно с магическим имуществом! — возмущенно вякнул ближайший маг. — Оно подлежит отчетности. Как я буду объяснять наличие на заколдованной от разрушения цепи царापин от когтей неизвестного животного?!!

— Это кот, — посочувствовала я ему. — Так и напишите в объяснительной.

— Это вам так кажется, — отодвинулся от нас на всякий случай подальше маг. — А выглядит совсем

чудовищем!

— Помогите мне! — блеснул разноцветными глазами в сторону эльфов Гри. — А то я сейчас чудовищно распоясаюсь!

И меня быстренько в четыре руки и четыре лапы освободили от оков. Если вы думаете, что маги не хотели нам помещать, то это неправда. Они хотели, но не могли, потому что были окружены оборотнями и чертями. И, видимо, очень трудно колдовать, когда твои ноги стоят на твоих же руках.

— Что вы наделали?! — попытался оправдаться Зигмунд, отпихиваясь ото всех, искренне желавших его успокоить. — Как мы теперь спасем мир?

— Если вам нужна жертва, — пожал могучими плечами Ромуальд, укладываясь на алтарь, с которого меня успели стащить, — то я согласен.

— Мы тоже, — встали с обеих сторон от него эльфы и тоже попытались улечься. Просто какое-то коллективное помешательство.

— Леви, — бросилась я к лешему, стоявшему в стороне и пристально смотревшему на магистра, — есть возможность остановить все это безобразия? Вы же мудрый!

— Не такой, как хотелось бы, — не отводил тяжелого взгляда от Зигмунда леший, — иначе бы понял, кого пригрел в своем лесу! — Он сплюнул: — Тьфу, пакость какая!

— Я не для себя! — надрывался магистр. — Я для всех! Если откроется портал и на нас нападут, то что вы все будете делать?

— Сражаться? — поднял мордочку Санчо. — А вдруг портал откроется, и никто не нападет? А вы уничтожите единственную в нашем мире химерину? Как нам всем тогда жить дальше?

— Никто из вас сейчас не думает своей головой! — блажил Зигмунд, чуть ли не выпрыгивая из своего балахона. — Вы все попали под ее колдовское обаяние! Химерина — великое зло, но и великое благо! Ее кровь и жизнь запечатывают все порталы в нашем мире навечно! Вы же все передеретесь за обладание ей, а так она не достанется никому, но всем!

— Что-то я плохо понимаю, — призналась я, кутаясь в рубашки эльфов. — Чего он добивается?

— Давит на патриотизм, — перевел мне Гри. — Хочет, чтобы все сами, своими руками положили тебя на алтарь.

— Я не позволю, чтобы за меня и мой народ, — сел на алтаре Ромуальд, — отдала жизнь девушка. Пророчество о Снежной деве говорит, что она спасет наш мир, но не говорит — как. И я только сейчас понял, что она спасает нас от нас самих. Кто из настоящих мужчин способен спокойно смотреть, как хрупкая девушка истекает кровью, только потому что мы побоялись пролить свою? Если мне суждено погибнуть, защищая свою страну, то так тому и быть, но я не обагрю свои руки кровью Снежной девы и никому не дам этого сделать!

— В кои-то веки, — приподнял голову Тристан, — я согласен с человеком. Это позор для расы эльфов — прикрываться девушкой, даже если она химерина.

— Если кто-то успокоит этого чересчур активного демона, — пропыхтел Санчо, все еще прикрывая собой Кретьена, — то я тоже соглашусь и пожму всем руки.

— Вы идиоты! — сделал вывод Зигмунд, затихая.

В это время рядом с алтарями, как раз между двумя постаментами, появилось золотистое пятно, начавшее светиться концентрическими кругами от белого до темно-золотого.

— Портал! — выдохнули все слаженно, затаив дыхание и не в силах отвести взгляда.

— Пусть меня проклянут сейчас, — бросился ко мне магистр, заноса свой кинжал для удара, — но прославят в веках!

Перед моими глазами все пронеслось, как в замедленной съемке.

Рука с ножом, опускающаяся к моей груди... Прыжок Гри... Кинжал, рассекающий грудину кота... Яркая кровь на лезвии... Тело Гри, поднимающееся в воздух и летящее к порталу... Громкий хлопок... И все исчезло.

— Гри-и-и-и-и! — закричала я от душевной муки, пронзившей все мое существо. — Гри-и-и-и! — И упала на колени.

— Зоя, — обняли меня множество рук, привлекая в тепло тел, но в моей душе поселилась зима. Лютая стужа, заморозившая все чувства и желания. Мне стало все равно что будет дальше. Мне стало безразлично, что будет со мной. Тяжело терять близких...

— Добились, чего хотели? — подняла я лицо, по которому струились слезы. — Вы лишили меня единственной семьи, которая у меня была....

— Мы все твоя семья, — тихо сказал Ромуальд, выпуская меня из объятий. — Мы давно стали твоей семьей...

— Нет, — покосилась я на него, — вы все чего-то от меня хотели. И никто из вас не был бескорыстен. Даже сейчас, в час моего горя, вы все еще хотите меня заполучить...

— Это не так, Зоя, — выступил вперед дракон. — В данную минуту ты убита своим горем и не можешь здраво

мыслить, но в сердцах все присутствующих, кроме магов, конечно, ты заняла прочное место. Они будут тебя беречь и защищать...

— От кого? — горько усмехнулась я. — От себя самих? Какая цена этой защиты? Способности химерины? Я не хочу!!! Я больше ничего не хочу! Не хочу чувствовать и любить, потому что это приносит боль!

— Мало ты просветлился, — легла на плечо магистра тяжелая лапа лешего, — пойдем, я покажу тебе, как ты был неправ! — И он увел Зигмунда, на удивлении покорного и безропотного.

Волки сели, задрали морды и воем исполнили похоронную тризну по Гри. А чертово семейство ломало свои вилы в знак скорби.

— Пойдем, — навис надо мной Ланселот, — тебя ждут дела.

— Нет, — вытерла я ладошкой слезы, но встала. — Я пойду домой одна. Не хочу никого видеть. Мне никто не нужен! — обернулась драконом, не обращая внимания на брызнувших во все стороны утешителей. — Если я кого-то из вас увижу рядом со своей избушкой, то вы пожалеете! Держитесь от меня подальше! — и улетела.

Драконы тоже умеют плакать. И там, где на землю падает драконья слеза вырастает цветок дивной красоты, называемый «Скорбь дракона», способный исцелить от множества болезней и разбитых сердец. Пока я летела домой, наверное, облагодетельствовала этими цветами целый мир. Мир, который отобрал у меня Гри...

Когда я вошла в свою избушку, снова защемило сердце. Никогда уже Гри не запрыгнет на стол и не превратится в книгу. Не стукнет меня по затылку мягкой лапой за непонятливость. Не согреет долгими ночами, мурлыча свои кошачьи песенки. Больше вообще ничего не будет. А мне нужно научиться жить одной. Если никого не впускать в свое сердце, то и терять будет некого. Вот так.

Я переоделась в безразмерную кофту с юбкой, повязала платок и мазнула по лицу сажей. Не хочу быть химериной, что бы это не означало. Здесь живет баба-Яга, злобная и корыстная лесная ведьма.

Поужинав черствой лепешкой и скисшим молоком, я забралась под одеяло и тихо плакала, пока не уснула.

Утром, выйдя на крыльцо, осмотрела угрюмым взглядом пустующий палаточный городок и пошла заниматься своими насущными делами. Мне нужно подготовиться к зиме. И научиться жить одной. Если это повторять миллион раз, то в это можно поверить.

Если Гри что-то и вдолбил мне в голову, так это то, что зима не любит ленивых и готовится к ней нужно с лета. Деньги, заработанные на оплевывании лысых, у меня были, но мне срочно требовалось отвлечение от мрачных мыслей.

Целый день я колола дрова, в перерывах перекусывая кашей. Отмывала избушку, проводила инвентаризацию и старалась не думать, не вспоминать. Так намахалась за день, что отрубилась без задних ног и снов не видела. Только какой-то дятел в лесу полудничал, надо будет лесовику на него пожаловаться.

Утром привела себя в порядок, вышла на крыльцо, прихватив топор, и застыла: вся моя поленница была аккуратно сложена и не осталось ни одного чурбака. А сверху дров лежал скромный букетик полевых цветов.

— Ладно, — хмыкнула я и пошла полоть огород. Все сильно заросло за время моего отсутствия и раннего попустительства. За целый день я не успела обработать даже четверти. Зато была обеспечена работой до конца недели. С тем и уснула.

Утром вышла на крыльцо и обомлела. Мой огород стоял таким чистым и красивым, хоть показывай на выставке достижений сельского хозяйства. Высокие овощи тщательно подвязаны к тычкам в мой рост, плети вьющихся растений умело пикированы, густо засеянные грядки овощей грамотно прорежены.

И это далеко не все. Вокруг дома, возле посыпанных песком дорожек, в виде рабатов щедро натыкана цветочная рассада: маттиола, резеда, петунии, пионы и душистый табак. И куча других местных цветущих растений, высоких и низких, просто их названий я не знаю. Все щедро полито.

Даже то, что я вчера вырвала в сердцах или по незнанию, было посажено обратно и тоже полито. А на плетне висел венок, сплетенный из полевых цветов.

— Допустим, — сердито буркнула я и пошла ставить силки на зайцев. С этим было сложнее всего. Стрелять животных я не могла, да и нечем, а мяса очень хотелось. Надежда, что дичь ко мне сама прилетит, разделается и сварится — из области ненаучной фантастики.

Намучалась я за этот день — мама-не-горюй. И сама в силках побывала неоднократно. И ежика поймала. И волка. И белку. И даже пару болотных гадюк. Но все же расставила петли с приманкой и уползла домой, ужинать утренней кашей, один вид которой вызывал тошноту. Ничего, скоро должен приехать Феклий с продуктами, тогда и отъемся.

Утром вышла на крыльцо и чуть не поскользнулась на выложенных рядом битых и ошипанных курах, половине совсем недавно заколотого поросенка и горшке с ароматным наваристым супом. В горшке я чуть не искупалась. И все это сверху было украшено букетом из полевых цветов.

— Хорошо, — не выдержала я, утаскивая горшок в избушку и дрожащей рукой запуская туда ложку. Ням-ням. Вкусно! — Пусть будет подкуп. Все равно я взяток не беру! Они сами дают.

После того, как наелась, разделала мясо: часть замариновала, нанизала тонкими ломтиками и поставила вялиться, часть потушила, остальное убрала в холодную. Смахнула со лба трудовой пот и выглянула в окно. А там тихо, как в погребе. Даже непривычно как-то. Не слышно голосов, постоянно переругивающихся. Ничего не звенит, не рушится и не падает. Вот бы Гри порадовался...

Тут я волевым усилием запретила себе вспоминать и пошла топить баню. Попарилась себе в удовольствие, выпила на крылечке душистый чай и пошла спать. Завтра рано вставать — нужно собрать травы, которые еще успею застать. И так с этими приключениями кучу запасов не пополнила, как теперь зимовать?

Рано утром подкралась к двери и замедлилась: что на этот раз? Все ж какая-то интрига. Стало как-то не по себе. Вдруг я сейчас открою дверь, а там никого не будет? Вернее, ничего не будет?

Помотала головой, прогоняя ненужные мысли. Прихватила корзинку и вышла наружу. Ничего. Даже букетика не подложили.

— Что и следовало ожидать, — пробормотала я, пожимая плечами и уговаривая себя, что все правильно. Мне и одной неплохо. Даже гораздо лучше, а если подумать, то совсем хорошо. А настроение и так неважное с утра, вообще упало ниже плинтуса, и стремилось к центру земли.

Я прошлась по свежему, утреннему лесу и решила завернуть в малинник. Захотелось полакомиться свежей малинкой. Но как только я основательно устроилась в кустах, как рядом раздался треск.

— Кто там? — чуть не подавилась я спелой ягодой. — Кого черт принес? — А в ответ приглушенный рык и хрип. Я справедливо решила, что пойти посмотреть — самой нарваться и осталась на месте. Перекусив, вытерла руки о тряпицу и почапала дальше. И вот что странно: всю дорогу меня сопровождал треск и хруст. Но как только я оборачивалась, то никого не было.

Но если я думала, что это были странности, то сильно ошибалась. Странности начались, когда я пришла на поляну. Все нужные мне травы были собраны в пучки, перевязаны и на каждой лежала записка с названием. Записку, кстати, во избежание опознания, писали печатными буквами. Но забыли о бумаге и чернилах.

— Спасибо! — громко сказала я, складывая травы в корзину. Одна — не одна, а вежливость еще никто не отменял. И пошла на следующую поляну, где меня вообще ждали две корзины. Одна с травами, вторая с завтраком, плавно переходящим в обед. Потому что напихали туда столько, что мне и на ужин хватит.

— Еще раз спасибо! — крикнула я, подхватывая корзину с травами. Потом подумала и подцепила лукошко с едой. Чего зря пропадать будет? И вообще, я в последнее время слишком много думала. Надо жить на инстинктах. Так легче выжить!

Поскольку делать мне в лесу уже было нечего, то я потащилась домой. Опять же, сопровождаемая хрустом и полузадушенными рыками. На опушке остановилась и приложила ладошку, как козырек, чтобы рассмотреть мающихся около моей избушки конников. Люди явно были пришлые и чужие. Никогда их раньше не видела.

— Мужики! — рявкнула я, оборачиваясь через плечо. — Оставьте в покое несчастного медведя, которому вы показали уже весь лес! Он же не девушка, чтобы его на руках таскать! И меня тоже оставьте! — и пошла встречать гостей.

— Че мил-человек у меня забыл? — обратилась я к ближайшему коннику, ковыряющему в носу. — Чем вам может помочь скромная лесная ведьма?

— Бабка, — обрадовался пришелец, махая рукой остальным. И задал самый нужный вопрос всех времен и народов: — Ты ведьма?

— А я что сказала, милоч? — озадачилась я, надвигая платок на лоб. Хоть я и была в саже, а рисковать резону нет. — Иль по-другому представилась?

— Ты, бабка, не умирай, погоди! — спрыгнул на землю конник и как-то сразу стал менее солидным. — Тут тебе Лорд Ректор магической академии указ прислал!

— Ука-а-а-аз, — растерянно протянула я, ту же затягивая узел платка под подбородком. — Так я ж неграмотная, милоч.

— А это что? — показал он на мою корзинку с маркированными травами.

— Это, добрый молодец, красивые бумажки, — выкрутилась я, не понимая, что от меня нужно главной персоне магической академии. После недавних событий даже слово «магия» вызывало у меня оскомину и нервную почесуху. Что я, собственно, и продемонстрировала, чухаясь во всех местах.

— Че ты, бабка, как-то странно дергаешься? — подошел ко мне еще один посланец.

— Блох ловлю, — поведала я ему, делая вид, что что-то поймала. — Показать аль одарить?

— Не-не, — сразу отодвинулись от меня все в порыве единодушия, — мы старух не оббираем!

— Похвально, — закивала я, подхватывая свои корзинки, — тогда прощайте, милки. Пошла я свои зелья варить — народ веселить!

— Стой! — схватил меня за плечо самый смелый и самый глупый. — Ты должна прочитать указ и поехать с нами!

— Отпусти, родимый, — дернула я плечом, — не в настроении моя душенька. — Усмехнулась: — И помни, милоч — низзя старушек, Божьих одуванчиков, обижать. У меня завсегда для таких годящее лечение найдется. — Сверкнула глазами: — Пока кому-то плохо не стало...

— Угрожаешь, старая кляча? — наклонился ко мне еще один. — А если мы тебя здесь закопаем, немощь?

Я приподняла брови и хмыкнула: зря он это сказал. И решила подождать разрешения ситуации. Уже заранее стало весело.

Тыдьщ! На поляну вылетел на низком бреющем полете сильно помятый медведь, начавший тормозить заранее, размахивая когтистыми лапами.

Бац! Бац! Бац! Бац! Бац! Каждому посланнику в физиономию метко прилетел кусок медовых сот. И никто ничего не понял. Только я быстро подобрала свои манатки, поддернула подол и взлетела на свое крыльцо от греха подальше. Кажется, кто-то сильно нарвался.

Медведь, хоть и был под стрессом, но сообразил, где кормят вкусеньким и, как только приземлился, так сразу и рванул к ближайшему засланцу. Тот, конечно, от него сдернул в испуге, но кто в состоянии конкурировать с косолапым, которого демон полдня жмакал в страстных объятиях? Так что топтыгин легко сцапал мужика и начал активно мусолить, слизывая вожделенный мед.

Остальные начали доставать оружие, но тут к нашему веселью присоединились обиженные пчелы, у которых отобрали их добро. И они за свое добро по-доброму начали энергично мстить. И мстили, пока не загнали всех в бассейн. Мой, между прочим. А там всякий мусор сейчас плавал. Обидно, знаете ли.

В это время мишка зализал добычу до обморочного состояния и пошел за следующей порцией. И таки нашел ее в бассейне, вылавливая вражеских «рыбок», то бишь оккупантов, по одному. Те даже не сопротивлялись особо, поскольку в бассейне почему-то обнаружились громадные жуки, которые тоже захотели принять участие в веселухе и урвать свой кусок мяса.

А на краю опушки, воровато оглядываясь, кентавр отлавливал испуганных лошадей. И куда-то уводил. Я не мешала. Просто сидела, кушала и наблюдала за творившимся безобразием. Все прямо как в старые добрые времена...

Наконец, медведю надоело, и он нас покинул. Пчелы улетели. Жуки залегли на дно. И народ начал грести на берег. Как говорится, и полдня не прошло.

— Это все ты виновата, старуха! — обвинил меня один из посланцев, выливая из сапог воду.

— Чего это? — удивилась я, криво усмехаясь. — Я даже пальцем не пошевелила, милоч...

— Пойдем отсюда, — потянули грубияна за рукав. — Представляешь, что будет, если она пошевелит?

— У нас задание! — никак не мог успокоиться гонец, которому чуть не настал конец. — На нас рассчитывает сам Лорд Ректор!

— Ну и как бы вы меня везли, голубчики? — полюбопытствовала я. — За конем или на коне? Так я старовата для таких выкрутасов. Хотя, как положено, могу накормить, напоить и спать положить. — Тут я чуть наклонилась вперед и сказала громким шепотом: — Только кто ж потом живой просыпается? Только умертвием встанете, зато хоть что-то у вас будет стоять.

В общем, сбежали мои гонцы. Оплевали мне все крыльцо и пешком ушли. Хотя Кент им лошадей предлагал обратно. Да вот только кони были почему-то не согласны. Хотя не мне их винить. Я тоже была не согласна. Вот такой вотум недоверия.

Пару дней я занималась травами. Кое-что засушивала, что-то варила, часть перетирала. Руки были заняты, а голова свободна. Я постоянно думала, а что бы сказал Гри, а куда бы он меня послал, когда я корень одержишки измельчила, а не порубила дольками. Никак не могла отрешиться от чувства, что мой кот рядом. Это было настоящим проклятием...

Где-то дня через три ко мне во двор помпезно въехала карета, из которой выбрался писанный красавец. Высокий, стройный, богато одетый и в парике. Вот! Если у мужика хватает денег на парик, то точно хватит денег на бедную ведьму. А у этого, кроме парика, еще и трость была.

— Простите, — сказал гость, стоя около открытой двери. Он даже постучал по косяку тростью. — Здесь проживает уважаемая лесная ведьма?

— Здеся, — откликнулась я, срочно замазываясь сажей. Видела я и не таких красавцев, и все прилипли ко мне, как банные листы. Еще одного я просто не переживу. Если он, конечно, себе хвост не отрастит и шерстью не покроется. — Заходи, милоч. Посидим рядком, поговорим ладком. Глядишь, до чего и добазаримся. Но аванс вперед!

— Я заплачу золотом, — посулил мне златые горы сумрачный визитер, входя и осторожно усаживаясь на лавку около стола.

— Дык, милый, — подбоченилась я, — не то ли это будет золото, которые твои молодцы попихали по карманам, украс у бедной ведьмы? Я ж тут казну дракона храню, а они свои жадные лапки в нее запустили.

— Верну, — кивнул пришелец, выкладывая из карманов камзола мешочки и сверточки. — А золотом буду платить своим, фамильным, если поможешь с моей проблемой.

Присмотрелась я к нему. Ну хорош, чертяка. Синие глаза под черными прямыми бровями. Благородный нос. Пухлые губы. Мужественный подбородок. Как с картины сошел. Другой вопрос: откуда бы не сошел, но зачем ко мне пришел?

— Я могу быть уверен, что все что будет здесь сказано останется конфиденциальным? — загнул речугу незванный гость.

— Каким останется?.. — переспросила я, кося под невежественную ведьму.

— Все мои секреты, — поморщился мужчина, — будут принадлежать только нам двоим.

— Это ты на что намекаешь? — схватила я за грудь. — Мне, милоч, на посту еще сто пятьдесят лет стоять. Тут не до баловства!

— Языком, говорю, не будешь трепаться налево и направо? — чуть повысил голос претендент на мое внимание.

— А с кем? — развела я в ответ руками. — Если только с белочками. Так кто их слушает? От них все больше бегают.

— Хорошо, — хлопнул по столу ладонью мужчина, — надеюсь на вашу лечебную этику...

— Не надейся, — поспешила сказать я. — У меня этики в запасе нет. Зелья — да, а этики нет!

— Меня зовут Гамлет де Офелия, — сообщил мне визитер, и я начала искать табурет. — Я — Лорд Ректор магической академии уже десять лет. И я импотент.

После такого признания мне уже и пол стал казаться привлекательным. В смысле — посидеть, потому что ноги отказывались держать.

— И как это выражается? — все же доползла я до своей лежанки и плюхнулась. — Вы вообще не можете, или в частности?

— Есть разница? — глянул на меня Лорд Ректор. — С моей точки зрения, результат всегда один: никакого результата.

— Святой человек, — пробормотала я, проникаясь к нему расположением. С такой болячкой точно ни на что, кроме моего внимания, претендовать не будет. — А с чего этот недуг с вами приключился?

— Понимаете, — погладил лоб мужчина, — я постоянно окружен адептками. Они везде, куда бы я не пошел. В классе, в моем кабинете, в саду, в моей спальне, в кровати. А недавно я двоих даже из своей ванны выловил. — Он поднял голову и посмотрел на меня несчастными глазами: — Я больше не могу. Столько сладкого, и такое все гадкое. Я влюбиться хочу. Нормально! Как все люди!

— Понятно, — подскочила я с места и, смотавшись в свой угол, принесла пустой кувшин, три бутылки зелий и два стакана. Слила зелья в кувшин, набулькала по стаканам и пододвинула один Гамлету: — Пей!

— Это все исправит? — внимательно осмотрел предложенное Лорд Ректор.

— Нет, — отрицательно покачала я головой. — Но на мир ты будешь смотреть другими глазами!

— Рискну. Чем такая жизнь... — кивнул головой Гамлет. Встал, взял стакан, чокнулся со мной: — За ваше здоровье!

— За ваше здоровье! — вернула я ему тост.

И мы выпили. После чего Лорд Ректор стащил с головы парик, являя мне и миру буйную смоляную шевелюру, и занюхал.

— Дай сюда! — утащила я у него эту вещицу и тоже занюхала. Ничего так, только духами дюже воняет. Снова налила: — Между первой и второй перерывчик небольшой!

— Мне нравится ваш подход к делу, — согласился мужчина. И мы снова выпили. И еще раз...

— Понимаешь, — обнимал меня за плечи Гамлет, — это наследственная должность. Когда мой отец с радостью ушел на покой, я надеялся все изменить. Но они же постоянно ко мне лезут, эти зеленые студентки! Юные, красивые... дуры с телячьими зенками-лупалками. Молодое тело, а мозгов — тью-тью. Грудь выросла, а мозги только в зародыше. Акселерация, ешкин кот!

Я охотно поддакнула, закусывая соленым огурчиком.

— И вот эта толпа молодых озабоченных дур, — разорвался несчастный глава учебного заведения, — повсюду за мной таскается. Темные боги, да они гоняют меня, их ректора, как кошка мышку... В своем доме не ночую, перемещаюсь перебежками, в столовую точно так же давно не хожу, воду сам из колодца набираю лично — эти дурищи что ни день подливают приворотное куда ни попадя. У меня на любовную магию уже аллергия!

Я представила и сочувственно вздохнула. Сама в таком положении. Куча мужиков гоняется, а где у них мозги? — нет мозгов! Суфле. Если так дальше продолжится, то останусь я фригидной и одинокой.

Лорд Ректор продолжал горько жаловаться:

— А наш император на все закрывает глаза. — Он хлопнул кулаком по столу: — Они даже запрещенными

проклятиями нешуточно балуются! — Он потер переносицу и опустил голову: — У меня уже нет сил. Видят боги, это тараканы бега какие-то! Ну не морить же мне их, право слово!

— Я тебе помочь не смогу, — повинулась я, не видя смысла обманывать. — Тебе мои зелья не помогут. Для них нужна цель, а у тебя исключительно ориентиры. Кого ты собрался любить? Конкретно?

— Я как-то об этом не думал, — сообщил мне собутыльник. — Просто хочу все изменить! Жить хочу в семье, а не в гареме!

— Тебе надо поменять правила в академии, — предложила я, все еще чего-то соображая. — Ну там ввести исключение из универа за сексуальные домогательства студенток к преподавателю и наоборот. Или наказание за нахождение не в том месте и не в то время.

— Пойдешь ко мне заместительницей и консультанткой? — загорелся идеей Гамлет. — Я хорошо заплачу. Опять же репутация, престиж, новые клиенты, а?

— Не-е-е, — сразу отказалась я. — Мне и тут хорошо. Я на мир смотреть не хочу, а мир до меня еще не созрел. Рановато вам еще апокалипсис проходить.

И мы еще выпили. И еще. И еще...

Последнее, что отчетливо помню — это как я стою на крыльце и ору во всю глотку:

— Да! Мне надо сменить обстановку! Да, я пойду за этим мужчиной! Да, ученье — свет, а адептов дофига!

И дальше сладкий сон под равномерное покачивание.

— Нельзя смешивать зелья, — с трудом открыла я глаза, уставившись на высокий лепной потолок. — Мама!

— Нет, — раздалось откуда-то рядом. — Это всего лишь я, Офелия.

— Да хоть сам Гамлет! — подскочила я. И откуда силы взялись. Повернулась. Рядом, зарывшись лицом в подушку валялся Лорд Ректор, а вокруг нас стояли полуодетые студентки с грустными глазами.

— Они тут? — глухо спросил меня мужчина. — Или это последствия лечения?

— Счас, — обвела я злобным взглядом томящихся девушек. Рывнула: — Вам, девы, крупно не повезло! Теперь вашим моральным обликом буду заниматься я! И, как только подвезут мою ведьминскую метлу, я вам сразу преподам первый урок: как нужно вовремя выметаться оттуда, где вам не рады! А ну, кыш, курицы! Наши яйца нам самим нужны!

— А что ты тут командуешь? — выступила вперед высокая крепкая девушка в кожаном купальнике. — Если проснулась в одной постели с Лордом Ректором, то уже и самая главная?

— Тебя как зовут, дева, которой ремни заменили разум? — полюбопытствовала я, заботливо накрывая с головой одеялом Гамлета. Пусть не видит моего педагогического процесса. У него и так психика пострадала в неравном бою с сексом.

— Зена, — подбоченилась кожаная. — Бить будешь?

— Зачем? — изумилась я. — Сама биться в истерике будешь, когда я тебе козу покажу, — и поменяла облик, скопировав карикатуру дьявола. Правда, он у меня, как всегда, получился белый, но не пушистый же?

Адептки тут же с визгом вымелись за дверь, чуть не устроив давку в дверях.

— Зоя, — выглянул из-под одеяла Гамлет, — какую козу ты им показала, что они убежали? Научи меня, я тебе по гроб жизни благодарен буду.

— Не спеши, — вздохнула я, сползая с кровати и тащась, чтобы закрыть дверь, — держись рядом со мной и точно всему плохому научишься. А, кстати, я теперь тут кто? И как сюда попала? И, главное, зачем? Как тебя зовут — я помню, можешь не напоминать.

— Ты теперь исполняешь обязанности моего консультанта, заместителя и телохранителя, — обрадовал меня Лорд Ректор. — Попали мы сюда через портал, чтобы не тратить время на дорогу. Правда, я почему-то постоянно ошибался, но в результате поздоровался и обновил отношения с людьми, эльфами, вампирами и демонами. И ты сама меня просила взять с собой, чтобы показать изнанку жизни непуганным бабам.

— Класс, — уныло подвела я черту под всем сказанным, падая на кровать рядом. — А ты не разоришься выплачивать мне тройное жалование?

— Нет, — ухмыльнулся Гамлет, — все, кого мы посетили, пообещали спонсорскую помощь моей академии.

— А как далеко я от дома? — закинула я удочку, раздумывая, как бы отсюда смотаться.

— Пешком за пару месяцев дойдешь, — порадовал меня мужчина. — Если вспомнишь, в какую сторону идти. Ты, Зоя, помоги мне наладить новые порядки в учреждении — и я сам тебя домой верну.

— Только пообещай, — в упор посмотрела я на него, — что, когда ты вернешься, то у меня не останешься! Тогда соглашусь поработать у тебя пугалом. А то знаю я вас, мужиков, так и норовите свои грязные носки на стол поставить, как только слабину дашь.

— Мне можешь давать, — напомнил мне Лорд Ректор, — я безобидный. А теперь позавтракать не хочешь? У меня есть приличный кофе... и скоро с кухни принесут пирожные.

— Даже если он у тебя неприличный, я все равно за него продамся с потрохами, — подскочила я на

постели. — Тащи быстрее!

Гамлет послушался, и откуда-то приволок мне упоительно пахнувший кофе в большой кружке, в которую я вцепилась двумя руками, чуть не оторвав конечности подавальщика.

— Не хочешь выпить кофе на балконе? — распахнул мужчина двойную стеклянную дверь. — Отсюда открывается такой прекрасный вид!

Честно говоря, кофе я бы согласилась пить даже в туалете, но позволила увлечь себя на балкон. Вид оттуда открывался действительно великолепный. Мы находились на верхнем этаже замка и под нами раскинулся громадный студенческий городок с парками, стадионами и зданиями. Я отпила глоток, задержав его во рту, чтобы насладиться вкусом, повернулась в другую сторону и... облила Гамлета кофе.

— Это что?!! — тыкнула я кружкой в сторону громадного шпиля, на котором сидел сложивший мощные крылья дракон.

— Это скульптура дракона-хранителя, — любезно пояснил мне Лорд Ректор, промокая полотенцем кофейные пятна на своей белой рубашке. — Была отлита много лет назад...

И тут эта отлитая фигура приоткрыла крупный золотистый глаз с вертикальным зрачком и подмигнула мне. Нагло!

— Ланселот! — завопила я, не в силах сдержаться. Надо же, свалила за тридевять земель — и тут наши! — Куда вы дели статую?

— Зоя, — потеснил меня с балкона встревоженный Гамлет, — ты не в курсе, как на ведьм действуют их же зелья? Или ты просто намешала?

— Ты не понимаешь, — выкручивалась я из его захвата, пока наглый дракон пользовался тем, что его Лорд Ректор не видит, и показывал мне язык, подмигивая уже двумя глазами. И это Смотрящий? Да ему скоро будет нечем смотреть! — Это просто беспардонная провокация!

— Тебе надо успокоиться, — сделал вывод мужчина. — Пойдем, я покажу тебе твой кабинет. Правда, он тебе не сильно нужен...

— Это еще почему? — перестала я вырываться от такого заявления. — Что за дискриминация ведьм в академии?

— Ну ты же неграмотная, — пояснил мне Гамлет. — И что ты будешь там делать? Лучше держись рядом со мной. И тебе нескучно, и мне спокойнее.

— Я грамотная, — упрямо мотнула головой. — Я даже эльфийскую клинопись видела! Мне ей клятву приносили, но я не взяла. Кстати, а ты не знаешь, «бевый» — это какой цвет?

— Можешь спросить у нашего преподавателя по эльфийской магии, — разрешил мне Лорд Ректор. — Он наверняка знает. Эльфы в цветах разбираются. Только для начала давай облачим тебя в униформу и умоем. А то ты совсем не похожа на заместителя, скорее на демона.

— Не зови черта всуе, — предостерегла я его. Но в кабинет пошла, не забыв прихватить кофейник. А если и обещанные пирожные доставят — вообще будет сказка.

Помещение мне выделили большое и пустое. Все, что там стояло — это громадный стол и кресло. Правда, там еще была кладовка, на которую я положила глаз и тут же потребовала оборудовать ее ведьминским котлом и заполнить нужными ингредиентами. Ради такого случая даже собственноручно накатала список запрашиваемого. Список был длинным. И хотя мне не была нужна и половина, но я действовала по принципу: «много-не мало» и «лучше пусть будет у меня, чем у кого-то другого».

В то время, когда я писала, прикатилась толстая дама с кислой физиономией в черной мантии и принесла мне спецодежду. Я ее — в смысле, мантию — увидела, так мне тут же под нее попала шлея.

— Не одену, — оттолкнула я от себя балахон, — пока мне не предоставят метлу!

Дама-завхоз поджала губы и выдала мне косу, мотивируя тем, что с метлой меня примут за дворника.

— А с косой меня за кого примут? — задала я резонный вопрос. Но ответа не дождалась. Пришлось пользоваться, чем выдали. С другой стороны, и оружие сразу при мне. Будет чем непуганных дев гонять.

— И, будьте любезны, — еще сильнее скуксилась дама, — умойтесь! В таком виде нельзя находиться в приличной академии!

— Значит, она будет неприличной, — пожалала я плечами. — Или выдайте мне маску!

И что вы думаете? Выдали. Новенькую, белоснежную маску. Я похожую в фильме «Крик» видела (потом месяц с воплями ужаса просыпалась). Вот мне счастье-то привалило. А уж всем остальным как повезло!

Когда я вышла из кабинета, облаченная в новую форму, коридор обезлюдел мгновенно. Я думаю... кому хочется вставать на дороге фигуре, облаченной в черный балахон, с белым лицом-маской и держащей на плече косу.

Поверьте, пока я отиралась рядом с Гамлетом, на него ни одна адептка даже не посмотрела, не говоря уже обо всем остальном.

— Знаешь, Зоя, — довольно потирал руки Лорд Ректор, — твоя тактика себя оправдывает. И я хочу сделать

тебе предложение: проведи эту ночь со мной.

Я молча сняла с плеча косу и подвинулась поближе. Если он хочет ночь со мной, то должен заплатить свою цену. Все, что достается бесплатно, нифига не ценится. Никогда не проводила ночь с человеком, у которого не было головы. Хотя вру! Проводила и неоднократно.

— Зоя, — покосился на меня мужчина, отодвигаясь, — я не в том смысле. Просто, если ко мне снова наведаются студентки, то увидят тебя в этом антураже, и я высплюсь.

— Наивный какой, — фыркнула я, мгновенно подобрев, — кто же может выспаться под многоголосый визг и массовые обмороки?

— Это мелочи, — махнул рукой Гамлет, — главное, пусть падают рядом с кроватью, а не рядом со мной.

— Оплата по ночному тарифу, — сразу поставила я условие. — И ты меня развлекаешь. И годовой запас кофе. И...

— Все, что захочешь, — заверил меня Лорд Ректор, увлекая в свои покои.

Мы поужинали и сели у камина играть в шахматы. Играть я не умела, поэтому страшно мухлевала и божилась, что именно так и нужно играть в эту игру, просто он не в курсе, что правила поменяли.

Студентки к нам наведывались раз восемь. И все остались лежать там, где меня с косой увидели. Мы решили их пока не беспокоить. Как наплыв закончится, так все оптом и уберем.

— Пойдем спать? — вскоре предложил Гамлет, прикрывая ладонью зевок. — Завтра трудный день, нужно провести инспекцию по классам.

— Я сплю слева, — сообщила ему я. — Хочу, чтобы инвентарь был под рукой...

— Лорд Ректор, — заявила к нам новая адептка.

О! О ней нужно было сказать особо. Мускулистая, под два метра, с бронзовой кожей. Из-под мантии торчат босые стройные ноги. На голове витые рога, украшенные двумя бантиками. Такая красотка, просто глаз не оторвать. Я бы оторвала, но кто ж мне даст?

— Да? — приподнял брови Гамлет, косясь на меня. Поскольку у меня прорезалось нетипичное поведение. Вместо того, чтобы спокойно пугать, я беспокойно ерзала на месте и раздумывала, что, хоть я никого тут еще не знаю, но имя этой красавицы точно могу предсказать. — Чем могу помочь, э-э-э... студентка? Не помню вашего имени.

— Я новенькая, — пробасила адептка, что-то поправляя на заднице. Я даже знаю что! Она там место для моей косы освобождала, когда хвост двигала. — И мне бы с вашей заместительницей поговорить наедине.

— Чего так? — прищурилась я, не собираясь двигаться с места. — Днем нельзя решить все вопросы?

— Днем уже будет поздно, — переступила босыми лапами студентка. — Мне бы сейчас и желательно до утра!

— Ну-у-у, если надо... — вопросительно посмотрел на меня слегка обескураженный Лорд Ректор.

— Не-а, — откинулась я в кресле. — У меня нет личной заинтересованности. Все телодвижения я продельваю исключительно за оплату. Что вы можете мне предложить?

— А как же помощь учащимся? — попыталась вывернуться студентка. — Бескорыстная?

— Только в учебное время, — отрезала я, не собираясь ни у кого идти на поводу. — Ночью я буду заниматься тем, чем хочу! — И Гамлету: — Правда, дорогой? — того аж перекосило.

— У меня с собой ничего нет, — призналась дева с бантиками на рогах. — Может, вы что предложите?

— Запросто, — хмыкнула я, подвигая к себе поближе косу. — Раздевайся!

— Это как-то неприлично, — тут же вмешался Гамлет. — Мы все же в учебном заведении. И не можем пользоваться своим авторитетом.

— Зато они им пользуются, — кивнула я на застывшую от неожиданности деву. — Так что будет справедливо, если и нам кусочек обломится. Пусть раздевается. Если сильно стесняется, я могу маску надеть.

Адептка тяжело вздохнула, пожала могучими плечами и эротично потянула за кончик бантика. Медленно-медленно. С такими темпами мы как раз к утру до подола дойдем.

— Она кретинка? — тихо спросил меня Лорд Ректор, наклонившись к уху.

— Не исключено. Она — Кретьен де Труляля, так что по звучанию очень похоже, — поправила его я. — Первый наследник демонов и мой подарок. Видишь, как обертку разворачивает?

— Демон? — выпрямился и даже забыл, как мигать Гамлет. — Живой?

— Будет выдрочиваться, — завершила я его, — будет мертвым. А что? Тебе его жалко?

— Это же такая редкость в нашем мире! — подорвался, как на фугасе, мужчина и бросился к демону. — Любезнейший! Вам срочно нужно поговорить со мной! Мы решим все ваши проблемы! Даже если это займет время до утра!

Демон так впечатлился, что даже перестал ленточки развязывать. Надо думать, когда тебе другой мужик такие горизонты открывает.

— Драгоценный, — прикрылась я маской, чтобы не было видно, как ржу, — а как же наша ночь? Ты так звал

меня с собой...

— Будут и другие ночи, — утешил меня Гамлет, наступая на демона, который, в свою очередь, отступал к дверям. — А где я еще себе демона найду? Это же просто удача, что он оказался в моей спальне! Куда?!!

— Ой, не могу! — закатилась я от смеха, когда Кретьен чуть выбил дверь рогами, стараясь избавиться от предложения. — Ты хоть понял, о чем он подумал?

— О чем? — недоуменно повернулся ко мне разочарованный мужчина.

— Ну, что ты и он... — сложила я вместе указательные пальцы и потерла друг о друга. — Вместе, в одной постели, наедине...

— Да нет же! — всплеснул руками Лорд Ректор. — Я всего лишь хотел предложить ему ставку преподавателя! Хотя бы временно. А зачем он приходил?

— Посмотреть, что мы с тобой делаем, — честно призналась я. — Вдруг ты ко мне пристаешь? Или я к тебе? Или мы по обоюдному согласию предаемся разврату. Да еще и со студентками, — посмотрела я на тела, вольготно раскинувшиеся на полу.

— Не-не-не, — очнулись тела и поползли на выход. — Одно дело с Лордом Ректором за хорошую оценку, а другое — в таком паскудстве участвовать!

— Терзают меня смутные сомнения, — сообщила я Гамлету, когда отсмеялась, — что теперь к тебе до-о-олго ни одна студентка не подойдет, чтобы в оргию не втянули. Так что моя миссия, можно сказать, выполнена, и мне пора домой...

— Не могу рисковать, — отказался со мной расставаться мужчина. — Ты просто не знаешь моих подопечных. Это им сейчас страшно, а потом станет страшно интересно, и они захотят попробовать. Так что, извини, но спать ты будешь в моей постели еще долго. Хотя и спокойно.

И мы завалились спать. Вернее, завалился Гамлет, а я долго лежала на своей половине кровати и думала, как все же причудливо распорядилась мной жизнь. Разве я когда-нибудь могла подумать, что окажусь в магической академии и у меня будет столько приключений? И столько друзей. Возможно, я до сих пор оставалась идеалисткой, но, чтобы не хотели от меня эти разные мужчины, я все равно считала их друзьями. Вот такой пердимонюкль.

— Зоя, — разбудил меня утром Лорд Ректор, — просыпайся. Нам с утра нужно сделать инспекцию поля, где будущие маги учатся владеть оружием. Сегодня как раз должны привести новые мечи и доспехи.

— Зачем магам оружие? — зевнула я, садясь на кровати. — Если у вас есть магия?

— На магию надейся, — нравоучительно заметил мужчина, пихая мне в руки чашку с кофе, — а сам не плошай. И вообще... нам нужно поговорить.

— О чем? — бездумно спросила я, отпивая глоток.

— О том, что ты скрываешь свой возраст и свою внешность, — прямо в лоб сообщил мне Гамлет и успел купировать полотенцем кофейный фонтан. — Я еще раньше заметил, что ты молода и красива, но никак не могу понять, что в этом такого ужасного, чтобы прикрываться еще более ужасным?

— Или ты принимаешь меня такой, — отдышалась я и выдвинула ультиматум. — Или я отравляюсь домой! То, как я выгляжу, — исключительно мое дело. На мое тело ты не претендуешь, и потому до сих пор жив и относительно здоров, но все может измениться, если изменится твое мнение. Прости за грубость, но мне так легче жить.

— Зоя, — укоризненно покачал головой Лорд Ректор, — я не для того привел тебя сюда, чтобы уложить в свою постель...

Я моргнула и посмотрела на кровать.

— ... Не в том смысле, — поправился мужчина. — Просто мне кажется, что не только мне нужна помощь, но и тебе. Другой вопрос: какая помощь и могу ли я тебе ее оказать?

— Все, что мне сейчас нужно, — подумав, ответила я, выползая из кровати, — у меня есть. И так даже лучше, что ты знаешь — не надо хоть от кого-то прятаться. Не лезь ко мне в душу, и мы останемся друзьями на веки вечные.

На том и порешили. Если у Лорда Ректора и были вопросы, он оставил их при себе. Мы плотно позавтракали, привели себя в порядок. Я даже позволила себе побалдеть в роскошной ванной комнате, пока начальник просматривал и подписывал какие-то бумаги. После чего надела свою униформу, и Гамлет открыл портал на поле, где с утра занимались маги.

И вот что я вам скажу: всего ожидала, но того, что в меня полетят копыя, стрелы, мечи, сапоги и шапки, как только я ступила на учебный полигон, я предусмотреть не могла. Слава богу, хоть магией не стали пользоваться. Вот тогда я поняла слова Лорда Ректора о том, что надежда надеждой, но надо что-то и в руках иметь, чтобы от смерти отмахаться.

— Смерть! — вопили все, прячась друг за другом. Только голый по пояс Ромуальд стоял недвижимой скалой и сверлил меня пристальным взглядом. — Смерть пришла!

— Наконец-то! — отмер принц-рыцарь и рванул ко мне. — Наконец-то ты пришла!

Ему наперерез встала охрана и заключила в кольцо, начиная оттеснять в сторону.

— Ваше высочество, — твердил, как заведенный, высокий худощавый мужик в доспехах наизнанку, — вам еще рано встречаться со смертью. Может, она не к вам пришла, чего нарываться?

— Ко мне! — вопил Ромуальд, активно вырываясь из окружения. — Потому что я убью любого, кто только посмотрит в ее сторону!

Понятно, что после этого никто на меня не смотрел и швырялись наугад.

— А ну хватит! — рявкнул Гамлет, взяв дело в свои руки. — Прекратите третировать мою заместительницу!

— О-о-о-о-о! — воззрились на него, как на бога, все присутствующие. Надо думать, по их мнению, Лорд Ректор себе в заместительницы саму Смерть пригласил. И она пришла.

— Отпустите меня! — все же сумел вырваться от своих Ромуальд. Подлетел ко мне и упал на колени, целуя подол балахона. — Прости меня, Снежная дева, что не уберег тебя и твоего любимца. Нет мне прощения. Карай, как хочешь.

— Ром, — нагнулась я к нему и отобрала свой подол, — когда ты уже начнешь разговаривать как человек, а не как книжный придурок? Мне, конечно, приятно видеть тебя у своих ног, но не так же часто! Вставай и расскажи мне, что ты тут делаешь? Кстати, можешь называть меня Зоей, а то от твоей Снежной девы у меня уже нервные судороги. Могу косу не удержать ненароком.

— После того, — поднялся на ноги Ромуальд и посмотрел на меня с неприкрытым обожанием, — как вы с Лордом Ректором вломились в королевский дворец к моему отцу и предложили ему выпить на брудершафт за то, что он такой жлоб и не пендрит ничего в свете учения и потому жилит денег...

Я прикрыла глаза. Так и знала, что мы просто так не остановились.

— Я вызвался помочь обучать магов искусству рыцарского боя, — докладывал мне Ромуальд, — и моя страна прислала сюда обозы с оружием и доспехами.

— Это ты выдал из них спонсорскую помощь? — покосилась я на страшно довольного Гамлета.

— Это я намекнул, — заверил меня Лорд Ректор, — а выдавливала ты, в лицах показывая, как себя чувствует нечистая совесть. Все остались под впечатлением. Особенно хорошо это у тебя получалось, сидя на спинке трона...

— Все! — зажала я уши. — Ничего не хочу об этом знать! — зыркнула на довольного рыцаря: — Рада была тебя повидать, но держись от меня подальше, не доводи своих приближенных до смерти, а то они ко мне придут! — И студентам: — Не будете хорошо заниматься, я сюда раз еще наведаюсь! — И Гамлету: — Если мы уже все проверили и пересчитали, сколько в меня не попало, то, может, дальше пойдем чего-нибудь проинспектируем?

— Давай вечером поужинаем, Зоя? — предложил мне Ромуальд. — Я буду ждать тебя в главной беседке на тенистой аллее.

— Я подумаю, — неопределенно пообещала ему я и с надеждой воззрилась на Лорда Ректора, открывавшего новый портал.

Мы вернулись в академию, но не в наши покои, а в кабинет.

— Что дальше? — полюбопытствовала я, плюхаясь в кресло, пока Гамлет просматривал свои бумаги.

— Сейчас мы посетим урок, где учат магии растений, — отрешенно сказал мне начальник. — Это необходимо, чтобы оценить насколько наши адептки восприимчивы к этому виду магии.

И вы знаете что? Оказалось, что студентки очень восприимчивы к этому виду магии. А особенно они восприимчивы к эльфам. Когда мы зашли в аудиторию, то увидели дивную картину, как девы выстраивают пирамиду друг у друга на плечах, чтобы добраться до сидевших на карнизе Тристана и Изольда, в это время читавших им лекцию. И даже не на эльфийском матерном диалекте. Просто на матерном. Видимо, чтобы не поганить свой язык, они пользовались нашим.

— Это что такое? — взмахнула я косой. — Это по какому праву вы лапаете моих эльфов?

— Чего это они твои? — выступила вперед уже знакомая мне Зена. — Ты вроде бы на Лорда Ректора нацелилась.

— Люблю разнообразие, — не смутилась я. А что? В борьбе за эльфийскую жизнь все средства хороши!

— Мы точно ее, — вякнули сверху братья. — Готовы подтвердить этот факт клятвой!

— Не надо, — отмахнулась я от них. — Что я потом буду с вами делать? Вы же не умеете дариться поскромному — только с размахом и навсегда!

— Зато от души, — заверил меня Тристан, украдкой пихая ногой верхнюю девушку и разваливая пирамиду. — Души у нас много. Можем поделиться.

— Я согласна! — тут же отреагировала рыженькая студентка. — Возьму все оптом и не глядя!

— Мы согласны делиться только с Зоей, — разбил ее либидо вдребезги Изольд, указывая на меня. — У нас к ней чувства...

— Где-то тут, — прищурилась я в оптический прицел маски, — должна быть моя коса...

— Зоя, — укоризненно покосился на меня Гамлет, — нельзя так явно распугивать преподавателей. У нас и так недокомплект.

— Это вы своим адепткам скажите, — пожалала я плечами. — Это они распугивают, а я прямо намекаю: кто ко мне с руками придет, тот станет прототипом Венеры Милосской. Она, небось, тоже свои ручки не к тому мужику протянула, вот ей его жена их и отгрызла.

— Студентки! — нахмурился Лорд Ректор, благоразумно держась за мной. — Любая дама будет с позором исключена из нашей академии, если на нее пожалуется преподаватель за домогательства на учебном месте...

— А если не на учебном? — тут же сообразила Зена.

— А если не успеет пожаловаться? — влезла рыжая.

— А если ему понравится? — мявкнул кто-то из толпы.

— Тогда, — демонстративно покрутила я в руках косу, — за дело возьмусь я, и тут уж кто не спрятался — заказывайте музыку. Панихиду, так и быть, я отстою сама. Как ведьма. С шабашем и стриптизом эльфов.

— Это нечестно, — поникли студентки, расходясь по своим местам. — Когда нам еще представится возможность познакомиться поближе с такими красивыми мужчинами?

— После распределения, — успокоила их я. — Все, кто прекратят выпендриваться и липнуть к преподавателям, а также кто получит наивысшие балы — будут проходить практику у эльфов! — и с таким намеком посмотрела на этих самых эльфов.

Тристан и Изольд сильно скуксились, но подтверждаяще кивнули.

— И эльфы сами будут выбирать, кого к себе приглашать, — дала я возможность друзьям придумать себе лазейку. — Закрытым голосованием!

— Мы остановились на возможности использовать напестник злоголовый в боевых условиях, — рявкнула Зена, утыкаясь в свою тетрадку. — Если наши уважаемые преподаватели уже отдохнули — то, может, продолжим изучение?

— Зоя, — легко спрыгнул с карниза Тристан, — как ты смотришь на то, чтобы поужинать вечером?

— Легко, — хмыкнула я. — Буду ждать в главной беседке на тенистой аллее, как стемнеет. Не опаздывайте! — и повернулась на выход.

— Зоя, — догнал меня Гамлет, — от всего сердца благодарю тебя за решение проблемы. Думаю, теперь у эльфов сложностей не будет. Это же так почетно — попасть к ним на практику. Тем более, что там еще никто не был.

— Обращайся, — благосклонно кивнула я.

— Но у меня есть вопрос, — замялся Лорд Ректор, — что ты будешь делать с тремя мужчинами в беседке?

— Почему с тремя? — повернулась я к нему. — Их будет гораздо больше. Где у тебя преподает вампир?

— В подвале, — откликнулся задумавшийся начальник. И тут же удивленно: — А откуда ты знаешь, что у нас есть преподаватель-вампир?

— Да я даже знаю, как его зовут, — фыркнула я, поудобнее устраивая на плече свой рабочий инструмент. — Вот ты мне лучше скажи, что я отчебучила у них, когда мы их навещали? Лучше я заранее покраснею, чем потом побледнею.

— А есть куда? — внимательно посмотрел на меня мужчина. — Ты и так уже бледная. Можно сказать...

— Не говори, — перебила я его. — Не будешь потом жалеть об утраченных частях тела. Так что было у вампиров?

— Да ничего такого не было, — попытался уклониться от ответа собеседник, сворачивая на лестницу.

— А все же? — не отставала от него я.

— Владетель вампиров как тебя увидел, — тяжело вздохнул Гамлет, придерживая меня за локоть, чтобы я не споткнулась на ступеньках и не скосила его студентов, — сразу сказал, что, поскольку ты уже забрала его сына, то все остальное он готов отдать сразу.

— И что он отдал? — в бескорыстность я никогда не верила.

— Владетель согласился построить новый корпус, при условии, что тебя там запрут, — выдохнул Лорд Ректор. — И поставят минимум пятерых вампиров, чтобы они тебя там стерегли, а в свободное время преподавали.

— Легко отделался, — разочарованно протянула я.

— Кто? — не понял меня шеф. — Я?

— Да при чем тут ты, — выдернула я из его руки свой локоть. — Дон Кихот. Надо было просить больше, он бы все равно дал, пока думал, что я к ним жить переехала.

— Я хотел, — заверил меня Лорд Ректор, — но ты велела не выпендриваться и сообщила, что у демонов нам дадут больше.

— И как? — меня уже просто разбирало любопытство.

— Тут же появился демон, — потер лоб Гамлет, — и сообщил, что они отказываются от крови жертвенных козлов, потому что сами козлы, если пустили тебя в свой огород. А потом мы все же попали в академию, — он распахнул тяжелую металлическую дверь. — Это здесь.

Когда мы вошли в полутемное помещение, то застали Санчо, подпиливающего клыки рашпилем, и кучу замерших в статичной позе адептов, пляющихся в одну точку.

— Прости, — мгновенно вытащил из рта напильник вампир и спрятал. — Не думал, что зайдешь.

— А что они у вас делают? — поинтересовался Лорд Ректор, маша перед носом ближайшей студентки ладонью. — Это какая-то новая методика?

— Это гипноз, — важно сказал Санчо, пытаясь одновременно поцеловать мне руку и уклониться от косы. — Так больше усваивается при наименьших затратах.

— А вы бы не могли нам продемонстрировать? — усомнился в педагогическом таланте вампира мой шеф.

— Конечно, — клыкасто улыбнулся Санчо и тронул за плечо одну из студенток. — Расскажи нам, пожалуйста, дорогуша, что ты сегодня усвоила по пройденному материалу?

— Втереться в доверие к врагу, — вскочила и затараторила девушка, — можно различными способами. Можно хорошо его изучить и воспользоваться его слабостями. Можно притвориться, что разделяешь его устремления и цели. Но самый лучший способ — это тактильный. Чем ближе ты к своему врагу, тем труднее ему убежать, — она стрельнул глазками в Санчо. — Я бы к вам пристроилась, магистр...

Вампир щелкнул пальцами. Девушка снова впала в транс и уселась на свое место, уставившись в одну точку.

— Потрясающе! — воодушевился Лорд Ректор, начиная наматывать вокруг нас круги. — А нельзя этот метод взять на вооружение и обучить ему всех преподавателей? Мы бы сразу сняли проблему неуспеваемости и отвлечения от учебы...

— Да-да, — поддакнула я, глядя на довольно скалящегося вампира, — и проблему студенток мы бы тоже сняли. Ползали бы тут одни зомби. — Ткнула пальцем в друга: — Ты их кусал?

— Конечно, — признался Санчо. — А как бы я иначе погрузил их в транс? Чуть не обожрался. Вы мне в следующий раз группу, пожалуйста, поменьше давайте, а то так немудрено и растолстеть. А толстая летучая мышь — это уже просто перекормленная обычная мышь с крыльями.

— Ты не переживай так, — ткнула я в него косой. — Если растолстеешь, я знаю, как вернуть тебя в форму. Демоны очень уважают свечи из жира летучих...

— Нет! — появился рядом с нами сердитый Кретьен, слава богу, хоть в обычном виде, без бантиков. — Мы только что приняли закон, что заменяем в вызове черные свечи из жира летучих мышей, на белые из жира белых летучих мышей!

— Пипец вам, — сочувственно повернулась я к Санчо. — Теперь вас всех начнут пугать, чтобы вы поседели.

— Как хорошо, что вы к нам зашли! — обрадовался Гамлет, потирая руки. — У меня к вам есть предложение...

— Душу не продам, — сразу отказался демон. — И не куплю!

— Да нет же, — наступал на него Лорд Ректор, — не хотите ли стать нашим преподавателем?

Кретьен попытался уклониться и зацепил одну из студенток.

— Чтобы стать ближе к врагу, — вскочила разбуженная адептка, — можно держать его за грудки, набедренную повязку, рога или за что ухватишься... — и она нашла, за что схватить демона. — О! — У студентки полезли глаза на лоб, когда она поняла, за что держится. А когда совсем-совсем поняла, то облизнулась и...

— Не ешь меня, — на полном серьезе посмотрел на нее Кретьен. — Я не вкусный. И то, что ты держишь, тоже не вкусное.

— А? — поиграла бровями девушка.

— Исключено, — твердо отказался невозмутимый демон. — Я на работе, а у вас запрещено делать «а» с преподавателями.

— Уроки учи, — влез недовольный Санчо, дезактивируя энергичную даму.

— А чем ты собираешься заниматься вечером? — обвинил меня хвостом за талию освобожденный демон.

— Прогуляться хочу, — честно ответила я, делая ему художественное выщипывание на кисточке, — как стемнеет, пойду к главной беседке на тенистой аллее. Там, говорят, воздух свежее и трава зеленее.

— Так вы согласны у нас преподавать? — вмешался Лорд Ректор, осуждающе покачав на меня головой. — Мы должны обговорить условия. — И утащил демона в другой угол. Вот, если тот не продаст Гамлету душу во второй раз, то я в шефе сильно разочаруюсь.

И, правда, Лорд Ректор щелкнул пальцами и откуда-то из воздуха возник пергамент, по которому строчило гушиное перо. И эти два торгаша за знания и умения тыкали туда пальцами, внося поправки.

— Зочка, — закружил вокруг меня Санчо, — давай ты туда не пойдешь? Лучше на крышу сходим, а? Полетаем?

— Крови попьем, — в тон ему ответила я. — А ты на диете. И, конечно, на крышу мы обязательно пойдем,

потому что, когда все закончится у многих появится страстное желание сигануть с нее вниз. А мы с тобой будем их ловить у земли и перевоспитывать. Так что приходи ко мне в беседку...

— Она не одна придет, — подал голос Гамлет, которого никто не просил вмешиваться, но у него, видимо, сработала гендерная солидарность.

— Если ты сорвешь мне свидание, — покосилась я на шефа с предупреждением, — то я тебе точно организую несколько случаев... сучек... свиданий. Причем в твоей же кровати. Я доступно тебя напугала?

— Да, моя прелесть, — вытянулся во фрунт маг. — Ты так прекрасна в своем балахоне и тебе очень идет коса. Я даже согласен терпеть ее в своей кровати, лишь бы ты была там!

— Нет! — рывкнул Кретьен де Труляля, разрывая договор, который, впрочем, тут же восстановился. — Мы вносим поправку: никаких плотских отношений с Зоей!

— Поддерживаю, — просиял вампир. — Нас и так слишком много. Еще один конкурент нам не нужен!

— Ну-ну, — фыркнула я, разворачиваясь на выход. — Кретьен, если ты не будешь тут преподавать, то мы тебя вычеркиваем! Можешь, отправляться домой!

Демон, ни слова не говоря, быстро подписал договор.

— Ты такое сокровище, Зоя, — признался Гамлет, догоняя меня в коридоре. — Без тебя я бы до сих пор отбивался от студенток и сидел без демона!

— Ты и сейчас сидишь без демона, — заметила я, мчась вперед и раздумывая как бы мне все полочнее повернуть, чтобы все до всех донести. Разом. И не до смерти. — Потому что ты не сидишь, а идешь. И идешь со мной, а не с Кретьеном.

— Тут ты не права, — педантично ответил мне мужчина. — Демон идет за нами, так что формально у меня есть демон.

— Гамлет, — ткнула я в него пальцем — косу пожалела, — в споре не рождается истина. В споре умирают особо настойчивые. Так что пошли делать дела, а то у меня вечером ответственное мероприятие.

Остаток дня мы помотались по студенческому городку, выясняя, урегулирую и придавливая авторитетом. Вечером поужинали в своих покоях. И я стала собираться на свидание.

— Зоя, — подавился вином Лорд Ректор, когда я предстала перед ним, — я все понимаю, но почему ты так ненавидишь своих кавалеров? Я бы точно оконфузился, если бы увидел тебя в темноте.

— А что? — растерянно поправила я на плече светившуюся серебряным косу. Она тоже собиралась на свидание, а потому удостоилась марафета. Я ее покрыла фосфоресцирующей краской. Как и свою маску и подол балахона. — Тебе их жалко?

— Мне жалко честь своей академии, — признался мужчина, вытираясь кружевной салфеткой. — Зачем мне заикающиеся преподаватели? Они ж пока тему озвучат весь урок пройдет.

— Пусть на доске мелом пишут, — непримиримо сказала я, продолжая прихорашиваться. — Меньше слов, больше мела!

— Давай я тебе сразу проход к беседке открою, — предложил Гамлет, не найдя достойных возражений. — И мне спокойней, и народ целее. Хочешь, могу даже проводить.

— А хочу, — глянула на него я. — Будешь свидетелем. Там уже столько мужиков оттирается, что лишним точно не будешь. Тем более, ты из них на данный момент самый безопасный.

— Ну тогда пошли, — встал Лорд Ректор, открывая портал. — Если что, буду распахивать тела по кустам.

— Я же говорила, — пожалала я плечами, следуя за ним, — держись рядом — и сразу станешь соучастником. А ты знаешь, что за сговор больше дают?

Мы появились как раз вовремя. Потому что эльфы пытались проткнуть мечами летающую мышь, а заодно сделать пару лишних дырок в демоне. Рыцаря они не трогали, потому что тот сидел на крыше беседки и смотрел на все грустными глазами.

— Смерть! — выдохнул кто-то из кустов, когда я темноте поплыла к претендентам на мое тело. И радостный крик: — Завтра уроков не будет!

— Слезай! — велела я Ромуальду, когда приблизилась в сопровождении шефа. И рывкнула остальным: — И вы прекращайте разминку и все сюда. Я говорить буду!

На удивление, меня послушались. И выстроились в ряд, объявив друг другу временное перемирие.

— Зоя, — выступил вперед Тристан, — давай решим этот вопрос раз и навсегда. Выбери кого-то из нас, и они, — кивнул он на соперников, — примут свое поражение с честью.

— Вот вы все такие умные, — сдвинула я на затылок маску, — красивые и смелые, но такие глупые. Никак не можете понять, что без меня вам будет намного лучше, чем со мной.

— Почему? — глянул на меня исподлобья демон. — Никто из нас в здравом уме не откажется от химерины.

— Потому что, — грустно улыбнулась я, закрыв глаза и сосредоточившись. И перед каждым из мужчин появилась своя личная химерина.

— Рыцарь, — надменно сказала химерина с драгоценной короной в белых волосах и парчовом платье, — твои подвиги недостойны меня. Ты должен принести мне на кончике своего меча все страны этого мира, и только тогда будешь удостоен чести лобызать кончик моей туфельки...

— Тристан, — капризно накрутила длинный локон на пальчик химерина в пышном платье, жестко сдавленная корсетом и утянутая до «осиной» талии, — ты был сегодня плохим мальчиком! Почему не сказал мне в тысячу первый раз, что ты меня любишь? Я сильно обиделась. За это не хочу тебя видеть ближайшую сотню лет!

— Боже! — расширенным глазами смотрел на представление Лорд Ректор. — Слава магии, мне ты ничего не приготовила.

— Ты еще не готов, — покосилась я на него. — Ты не видел во мне химерину. Ту, которая принесет тебе все блага мира. И потому тебе не нужно выбирать.

— Кретьен, — подбоченилась химерина в кожаных доспехах, — сегодня я выяснила, что твои рога не самые длинные! Мне стыдно, что ты несовершенно! Реши эту проблему, или мы расстанемся!

— Изольд, — надула губки девушка в легком платье, — ты слишком увлекаешься драконами! Я не желаю большую часть своего времени проводить в чешуе! Уходи и возвращайся, когда повзрослеешь!

— Санчо, — дала пощечину вампиру химерина в узком черном платье с густо подведенными глазами, — как ты смел пообещать отцу, что я помогу вам в завоевании новых земель? Мне стыдно, что я твоя жена!

— И что теперь? — поинтересовался Лорд Ректор, растерянно разглядывая происходящее.

— Смотри, — грустно сказала я, взмахивая рукой. И все мои копии развернулись и стали уходить от своих мужчин. И никто не пошел за ними. Нет, они стояли и смотрели девушкам вслед. — Видишь, никто из них не стал бороться за свое счастье. Никто даже не пытался остановить. Им нужна не я. Они просто придумали себе мой образ, а теперь стараются понять можно ли с этим образом жить рядом. И как видишь...

И мои копии растаяли, как будто их никогда и не было.

— Зоя... — растерянно повернулся ко мне Тристан. Но в это время ночное небо прорезали яркие молнии, которые становились все ярче. По мимо всего еще начал грохотать гром. И вслед за этим появились радужные шары, которые взрывались со страшным шумом.

— Кто-то пытается открыть портал, — прошептал Гамлет, хватая меня за руку. — И пробивает нашу защиту. Тебе срочно нужно уходить. Если случится прорыв, то ты можешь пострадать. Давай я открою проход в дальние земли. Пока отсидишься там...

— Я никуда не пойду, — отчеканила я, выдергивая руку. — Хватит прятаться. Если мне суждено на роду погибнуть, то я погибну не потому что пряталась, а потому что защищалась!

— Зоя, — окружили меня мужчины, — тебе нужно уходить отсюда.

— Я могу спрятать тебя у нас, — предложил Кретьен. — Моя страна если и падет, то последней.

— Нет, — еще раз рявкнула я. — Сказала, что буду здесь — и точка! Лучше давайте думать, как мы будем защищаться!

Тут на меня все воззрились с таким священным ужасом.

— Нас не будет защищать женщина! — выдавил из себя Тристан, отшатываясь. — Тебе нужно оставить мужчинам дело спасения мира.

— Ну-ну, — хмыкнула я, прочищая уши от грохота. — Это я уже наблюдала с драконом. Тоже, понимаешь, не надо было спасать...

— Ты мне теперь это по гроб жизни будешь помнить? — мгновенно скуксился Ромуальд. — Чем мне заслужить твое прощение?

— Помнить буду все равно, — предупредила я. — Память у меня хорошая. Слоновья. Показать?

— Не надо, — за рыцаря почему-то отказался вампир. — Но я тоже против твоего участия. Тебе следует вспомнить о том, что ты девушка, и позволить нам все решить!

— А химерины, — задумчиво сказал Гамлет, рассматривая разноцветное небо, — самые сильные и неуязвимые... — Он встряхнул головой и посмотрел уже на меня: — Да, Зоя, тебе нужно спрятаться. Эту войну будут выигрывать мужчины и маги.

— Лорд Ректор, — выползла из кустов Зена, — а в понятие «маги» включаются женщины?

— Включаются, — важно сказал мой шеф, — но в последнюю очередь. Сначала все же мужчины...

— Наломают дров, — в тон ему закончила я. — А потом слабые женщины на своих плечах будут все восстанавливать и уничтожать врагов, сорняки и самомнение мужчин. А, впрочем, я вовсе не стремлюсь спасти мир. Для меня это слишком глобально.

На том и порешили. Меня сопроводили в корпус и очень попросили посидеть с остальными в подвале. А сами кандидаты в герои смерти ушли на военный совет. Если вспомнить:

«Потом мужчины долго заседали

И составляли план работ на год...

А в это время женщины копали,

И продвигались женщины вперед!»¹ — то спасение мира откладывалось на неопределенный срок.

И мое предчувствие оправдывалось с каждым часом. Грохот и вспышки становились все сильнее, а наши мужчины все еще усилием мысли материли неведомого противника и строили планы. Если они так будут строить семьи, то ходить им до старости в холостяках.

— Вот не нравится мне это все, — заявила Зена, прекращая мерить шагами подвал вдоль и поперек. — Терзают меня смутные сомнения, что придется нам все брать в свои руки и решать проблему кардинально!

— Для начала кардинально вырубить мужчин? — подняла я брови в удивлении. — Чтобы под ногами не путались и не сбивали с мысли, что врага можно хорошо поиметь перед тем как изничтожить?

— Какая интересная идея! — облизнулась рыжая, которую завали Соня, как я выяснила ранее. — Надо выловить себе врага посимпатичнее и изничтожить его по пять-шесть раз за ночь.

— Уморишь, — заявила ей шатенка с черными, как ночь глазами.

— Ну и что, — пожала плечами Соня. — В некрологе напишем, что пал на поле боя. Будет ему почетная смерть в утешение.

— Не о том думаете, — прервала я мечты о хорошем конце для плохого мужчины. — Вопрос стоит...

— Все же стоит? — фыркнула Зена. — А всем рассказывал, что импотент!

— Я не о Лорде Ректоре, — посмотрела я на нее строго. — Я говорю о вопросе: что мы можем сделать, чтобы не позволить мужикам самоубиться, после того, как они выроют себе могилу своими планами. Кстати, эльфы это умеют делать лучше всего. Они уже рыли бассейн.

— О как! — поразилась Зена. — И до чего дорылись? Клад нашли?

— Ага, — кивнула я, размышляя. — Нашли. Вампира. И построили ему серебряный саркофаг. А все-таки, у кого-то есть идеи, как можно все это безобразие остановить малой кровью?

— Какая у тебя интересная жизнь, — позавидовала мне рыжая Соня.

— У меня есть, — подняла руку незаметная брюнетка, до этого тихарившаяся в дальнем углу. — В одном из манускриптов есть упоминания о непобедимом защитнике...

— Замечательно, — обрадовалась я, воскресая духом. — Где этот манускрипт?

— В библиотеке, — прошептала брюнетка. — Но она заперта на магическую печать и туда нас никто не пустит.

— Тебя как зовут? — любопытствовала я, разглядывая девушку.

— Жанна, — ответила та. — Д'Арк. Специализация — огонь.

— Понятно, — кивнула я ей. — Вот сейчас мы пойдем в библиотеку вместе со мной, как с заместителем Лорда Ректора и прочитаем это пособие по защите мира.

— Дверь заперта, — напомнила мне Зена. — Снаружи. А мы здесь не можем использовать магию. Слишком сильная защита стоит. Не проломим.

— Ну-у-у-у, — протянула я. — Против лома нет приема. Все отошли к дальней стенке. И перестали бояться, пока совсем не испугались.

На удивление девушки послушались. Я посмотрела на высокий потолок, примерно подсчитала размеры и перекинулась в...

— Чудовище! — заорали все дамы, собираясь в кружок по интересам. Кто-то уже раскручивал водное лассо. Одна адептка держала в руках громадный фэйрбол.

— Но-но, — остановила я их, почесывая лапой крылья. — Никогда грифона не видели?

— А почему белый? — отмерла рыжая Соня. — Цвет несет какой-то смысл?

— Скорее проклятие, — призналась я. — А теперь я сломаю дверь, и мы все пойдем в библиотеку...

— А куда мне это? — растеряно посмотрела на фэйрбол студентка. — Создавать-то я его научилась, а вот избавляться еще нет.

— Слышь, — покосилась на нее Зена, — вот там Кассандра с водой балуется. Иди и засунь свой продукт в воду, пока нас всех не спалила. Подумаешь, грифон. Белый. Громадный. Но разговаривает же. Значит, можно договориться. В нормальном виде она все равно страшнее.

— Почему? — пискнула девушка, следуя указаниям.

— Потому что, — наставительно сказала Зена. — Вот вспомни, как она выглядит, — ткнула в меня пальцем. Я внимательно слушала. Все же интересно, как тебя воспринимают остальные.

— Красивая. Маленькая. Хрупкая, — раздались из разных мест характеристики.

— Во-о-от! — довольно протянула Зена. — И никогда не подумаешь, что такой зверь!

— Знаете что, — возмутилась я, в глубине души даже слегка польщенная, — шли бы вы... в библиотеку!

— Только после вас, — шаркнула ножкой рыжая Соня.

Так что мне пришлось идти первой. Двери я, собственно, и не заметила. Сняла с петель, вынесла и бережно

прислонила в коридоре.

— Это чтобы мужчинам было что чинить, — застенчиво объяснила я девушкам. — Они же после войны придут, а заняться больше нечем. Ну и что? Не пить же и им и по бабам бегать. Пусть свою энергию в мирное русло направляют.

— Если разговор идет о Тристане, — поиграла мускулами на руках Зена, — то я согласная сама все починить, если он свою энергию ко мне направит. У него такие милые ушки. Так в руки и просятся. — Она счастливо прижмурилась: — Обхватить ногами, зажать эти лопушки и пришпоривать, пришпоривать!

— Не-е-е, — мечтательно откликнулась рыжая Соня. — Накрутить на руку хвост демона и притиснуть к стенке. И за рога взять...

— Ну, вы, блин, даете! — не выдержала я такого кощунства. — У нас тут нашествие намечается, а вы только об одном и думаете!

— Сейчас не подумаешь, — резонно возразила тихая Жанна, — потом будет поздно.

Мы прошли по безлюдным коридорам и уперлись в библиотечную дверь, светившуюся разными цветами.

— Здесь задействованы разные виды магии, — пояснила вездесущая Кассандра. — Только Лорд Ректор может открыть эту дверь, поскольку он маг-универсал...

— Да? — подивилась я такой информации, вышибая створку. Свечение тут же погасло. — Я тоже помагичить могу. Мускулами, конечно. Головой в этом случае работать противопоказано. Шишки, сотрясение головного мозга...

— Если он у тебя есть! — раздался возмущенный голос и нам явился злющий Ланселот в человеческом облике. — Кому было сказано: сидеть тихо и не высовываться?

— Мы не высовывались, — пожалала я плечами, возвращая свой привычный вид. И бросая предупредительные взгляды на спутниц, уже сделавших стойку на красивого мужчину. — Мы вышли в библиотеку, за знаниями. Это должно поощряться, а не наказываться.

— И какие знания вы тут ищете? — злобно полюбопытствовал дракон.

— Жанна, — кивнула я брюнетке, — найди, пожалуйста, манускрипт. А то кто-то решил, что мы сюда за пособием по сексу наведались.

— Мне бы хороший тренажер, — облизнулась Зена, строя глазки Ланселоту, — я и без пособия обойдусь.

Пока мы перепирались, Жанна отыскала нужный свиток и притащила нам.

— Старый язык, — склонился над ним дракон, зажигая над собой магический светильник. — Сказано, что если пять объединятся в шестом, то мир будет спасен. И никаких других пояснений. Только символы. — Он взгляделся повнимательней. — Странно, — ткнул пальцем в один из символов. — Точно такой же, как на моем родовом кольце. — И продемонстрировал нам руку.

— Дай-ка посмотреть, — схватила я его ладонь. Изучила и уткнулась в свиток. — Надо же, — показала на второй. — Точно такой же, как на кольце Тристана. А этот на перстне Кретьена. — Подняла голову. — Думаю, что у Ромуальда и Санчо тоже есть кольца или перстни с такими же символами.

— Ну хорошо, — потер лоб Ланселот. — Допустим, мы нашли эти мифические «пять», но что такое «шестой»?

— А там ничего не сказано? — снова сунула я свой нос в манускрипт. — Никакого намека?

— Ничего, — со вздохом признался Ланселот. — Только то, что я уже озвучил.

— Ладно, — почесала я затылок. — Берем свиток и идем к мужчинам. Попробуем выяснить, что с этим делать.

— Я иду, — воспротивился дракон, — а вы все возвращаетесь в безопасное место! И это не обсуждается!

— А если я тебя сейчас им отдам? — кивнула я на девушек, которые после этих слов сразу как-то активизировались и начали расстегивать пуговички на мантиях. Жарко, наверное, стало. — Насовсем? Ты, конечно, выберешься, но когда? И как? И сколько от тебя останется?

— Хорошо, — оценил Ланселот реальную угрозу, — ты пойдешь со мной, а остальные возвращаются в подвал. Одну я еще в состоянии защитить, но если вы начнете разбредаться, то безопасность гарантировать не могу!

На том и договорились. Хотя девушки сильно сопротивлялись и намеревались спасти всех и прямо сейчас, начав с дракона. При чем спасать они его собрались от одиночества, неустроенности и безбрачия, оставив спасение мира на потом. Ну да, ну да, первым делом, первым делом мы добьем пилота, а приземлимся мы потом.

Когда я все же данной мне властью уговорила адептов оставить дракона в покое, пообещав договориться с эльфами, если те выживут, то студентки удалились в подвал, взяв с меня честное слово, а мы с Ланселотом пошли к остальным.

А там... ну дорвались мужики. Такое столпотворение. Куда нам бедным податься. Все в пределах видимости занято армиями всех рас, разбивших палаточные городки. Чувствуешь себя, как в Китае. Много, красочно, шумно и нифига не понятно.

— У меня такое чувство, — проорала я Ланселоту, цепляясь за его рукав, перекрикивая гомон, — что они поубивают сами себя еще до начала сражения, если оно, вообще наступит.

— Наступит, — заверил меня дракон, таща в нужном направлении. — Видишь? — показал на небо, где вспышки становились все ярче и ярче. — Это говорит о том, что защита нашего мира начинает поддаваться. Так что осталось совсем немного, и мы узнаем, кто к нам так стремится.

— А зачем вообще устанавливали такую защиту? — поинтересовалась я, невольно ежась. — Нет, я понимаю, что это необходимо, но в какой момент созрела эта необходимость?

— Когда наш мир покинули химерины, — пояснил Ланселот, ловко уворачиваясь от беснующихся из-за шума лошадей, — мы остались практически беззащитны. Потому что твоя раса всегда стояла между нами и угрозой. И когда они ушли, наши маги собрались и вместе создали этот щит. Но он имел и обратную сторону. После того, как развернули щит, уже никто, обладающий магией, не смог проникнуть в наш мир, даже химерины.

— Но я же здесь, — нахмурилась я, пытаюсь разобраться в информации. — Как такое возможно?

— Не знаю, — честно признался Ланселот. — Для меня это загадка. Возможно, ты смогла переместиться, потому что на тот момент твои способности спали и щит решил, что ты обычный человек. Кто знает?

— Вот и я бы хотела узнать: кто знает, — пробормотала я себе под нос. — Не то чтобы я стремилась отсюда убраться, но...

— Зоя! — поспешил к нам взволнованный Ромуальд. — Зачем ты здесь? — Он одарил сердитым взглядом Ланселота. — Почему ты не проследил, чтобы она была в безопасности?

— Потому что она не хочет быть в безопасности? — ответил вопросом на вопрос дракон. — Или потому что ее настырность гораздо больше, чем она сама? Или сам придумываешь причину?

— Мы кое-что нашли, — остановила я сражение сердитыми взглядами. — Нужно собрать остальных и попробовать.

— Хорошо, — не стал спорить принц-рыцарь и ушел объявлять общий сбор.

Спустя какое-то время в главной палатке собрались все мои друзья и склонились над манускриптом.

— Да, — согласился Санчо, крутя на пальце кольцо, — это наш родовой символ. Но что нужно со всем этим делать?

— Возможно, — дернул хвостом Кретьен, — нужно просто соединить наши кольца?

Все согласились и сняли с себя кольца, сложив их рядом. Ничего не произошло. Тогда их составили пирамидкой. Ничего. Перетасовали и снова сложили. Глухо. Ссыпали в стакан и потрусили. Зольц. Покидали друг в друга, как при игре в кости.

— Защита почти рухнула, — ворвался в палатку взъерошенный и взмокший Лорд Ректор. — Еще полчаса и... — Тут он увидел меня: — Какого хрена ты тут делаешь?

— Помогаю, — пожала я плечами. — А что?

— Живо в подвал, — рявкнул Гамлет. — Мне еще только не хватало на тебя отвлекаться! Ты мне дорога, как память о спокойных днях! Так что, пока ты не стала просто памятью, то тащи свою задницу...

Тут я так разозлилась, что схватила со стола все кольца и сунула под аристократический нос Лорда Ректора:

— Видишь? Пять соединятся в шестом!

В моих руках вспыхнул свет. Украшения поднялись, закрутились, образовав широкий круг, вознеслись над мной и... стали доспехами и мечом. И все это досталось мне.

И вот стою я вся такая загаженная... загадочная. В доспехах, давящих на плечи, и с мечом, оттягивающим руку.

— И как это понимать? — поинтересовалась я, переводя взгляд от одного ошарашенного мужчины на другого. — Я же вроде отказалась от спасения мира? Да и никогда не стремилась его спасти. Как-то не чувствую себя героиней. Хоть тресни!

— Возможно, — отмер Ромуальд, подошел ко мне и дотронулся до моих доспехов, — я могу тебя заменить... — И тут его ка-а-ак долбануло током или чем-то еще... Мой рыцарь вылетел из палатки, как камень из рогатки.

— Они светятся, — тихо сказал Тристан. — Твои доспехи и оружие светятся.

— Угу, — покрутила я в руке меч. — И не только они светятся. Думаю, у меня сейчас над головой явно возник нимб. Просто чувствую, как он мне на темечко давит и совесть прессует.

— Чтобы это ни значило, — выступил вперед непримиримый демон, — но я все равно не позволю, чтобы меня спасала девушка! Я потом не смогу спокойно жить!

— Ну да, ну да, — в который раз закивала я, соглашаясь, — лучше всего спокойно сложить ручки и помереть. Сказано же тебе, дурню, что пять в шестом спасет весь мир. Вот и пустите меня его спасти, хотя, опять же, я не настаиваю. Хотите все здесь лечь памятником мачизму — мешать не буду!

— Предлагаю, — недовольно поджал губы Тристан, — следующую расстановку сил... — И как нарисовал это на доске. Я аж умилилась.

Значит, в представлении эльфов я стояла в авангарде с мечом. Передо мной сидел дракон. Перед драконом паслись демоны. Перед демонами люди, а врага смело встречали эльфы. Вампиров в расчет не брали, оставив им

бомбардировку с воздуха.

— Не пойдет, — вполз в палатку Ромуальд, — и поменял местами людей и эльфов, но снова позабыв вампиров.

— Мы, может, и рогатые, — возмутился Кретьен, — но не безмозглые!

Вот тут я с ним была категорически не согласна. Но кто ж мне слово-то дал? Все, что я получила — это меч. Им землю и ковыряла, тихо-тихо перемещаясь к выходу из палатки. Все равно они будут лезть в смертники первыми, чтобы не было потом мучительно стыдно за бездарно проигранное сражение.

Вывалилась я наружу под два события: первое — это кто-то усилием воли все же выдвинул на передний край дракона, отказавшись от посмертной славы и передав эту сомнительную честь Ланселоту. И второе... раздался дикий слаженный крик:

— Началось!

В общем, я как раз успела вовремя. И, задрав голову, наблюдала, как небо над нами расцветает диковинным цветком, начинающим пульсировать. Из глубины Безмирья появились три смутно знакомые фигуры.

— Зоя, — встал впереди меня Санчо, — не высывайся, пожалуйста. Если их только трое, то явно такие звери...

— Согласен, — вампира прикрыл рыцарь. Ромуальд стоял, оперевшись на свой любимый меч, готовый в любой момент пустить его в дело.

А пришельцы двигались к нам все ближе. Уже можно было понять, что это двое мужчин и одна женщина.

— Мы не позволим причинить тебе вред, — заверили меня галантные эльфы, вставая впереди рыцаря. — Для начала они должны будут пройти по нашим мертвым телам...

— Вы слишком много болтаете, ушастые, — фыркнул демон, выдвигаясь вперед. А сверху нас прикрыл дракон, растопырив когтистые лапы и нагнув голову. Ну чисто бронированная крепость.

Вот только спасать меня было... не от кого. Потому что как только я смогла разглядеть наших гостей, то начала тереть глаза свободной рукой — так сложно было поверить в увиденное...

— Зоя, — мелодичным голосом позвала меня женщина, — где ты, моя девочка?

— Мама?.. — прошептала я, начиная сползать в обморок. — Этого просто не может быть...

— Тихо! — каким-то странным образом около меня отказался Грегори, миновав всех защитников. Он успел подхватить меня на руки. — Не надо валять честь химерины и ее саму по этой грязной земле.

— Это так романтично, — покосилась я на него, изо всех сил борясь с ускользящим сознанием, — в свете того, что мы давно не виделись...

— Романтики у тебя и так хватает, — как-то очень злобно пробурчал Грегори, пытаясь пробиться через строй моих защитников. Наконец, не выдержал и рявкнул: — Может, хватить разлучать Зою с ее семьей?!!

— Это точно твоя семья? — развернулись все ко мне. Даже откуда-то прискакал взмыленный Гамлет и начал с прищуром выверять степень родства.

— Ага, — умирающим голосом согласилась я, встречаясь взглядом с отцом. И все же потеряла сознание. Хотя мне кажется, что это оно от меня избавилось. Такая хлопотная и придурковатая хозяйка никому не нужна!

— Зочка! — что-то мокрое и холодное лилось мне на лицо без всякой совести у того, кто лил. — Открой глазки...

— Открою — убью! — сразу предупредила я. Может и грубо, но зато предельно честно.

— Этот мир слишком плохо подействовал на мою дочь! — раздался над головой недовольный и взволнованный голос отца. — Мало того, что вы все допустили, чтобы на хрупкой девушке оказались доспехи...

— Они не допускали, — высказалась я в наше оправдание, — я сама напялила. Должна же я была хоть где-то спрятаться. Так почему не в доспехах?

— Доченька моя, — мама ласково вытерла мне лицо чистым куском ткани, в котором я опознала, приоткрыв глаз, одну из рубашек эльфов. Интересно, Тристана из нее вытряхнули или он сам на бедность пожертвовал? — Не надо сердить твоего папу, пока он не покалечил твоих друзей.

— Не смей! — быстро села я, принимая вертикальное положение. — Не смей трогать моих друзей! Они мне дороги...

— А родители тебе не дороги? — набычился на меня папа. В его глазах мелькнула и пропала боль.

— Вас я уже оплакала, — честно призналась я. — И потом, откуда я знаю, что вы это вы? Мало ли кто мог принять ваш внешний вид?

— Правильно! — тут же активировались все мои друзья и быстренько заключили меня в кольцо, оттеснив маму, папу и Грегори. Последнего даже попытались стукнуть... до смерти. Не понравился он им, что ли? — Ходят тут всякие, нервируют Зою!

— Это я еще должен доказывать свое отцовство? — поразился папа, засучивая рукава черной рубашки. — Я ее породил! И каких вы доказательств от меня ждете? Что конкретно я должен предъявить, чтобы получить обратно свою единственную дочь?!!

— Я на это смотреть точно не захочу! — отреагировал быстро соображающий Гамлет. — Может, у меня и проблемы, но уж точно не такие!

— Скажите мне то, — пошевелилась я, бряцая кольчугой, или как там эта тяжелая хрень на мне называлась, — что можем знать только мы с вами.

— И ты хочешь, чтобы об этом знали все? — рявкнул Грегори, производя какой-то шум. Мне снизу было не видно, но никто на землю не падал, так что я сделала вывод, что все живы.

— А есть другой способ проверить? — задала я встречный вопрос. — Нет, если в этом мире научились делать анализы ДНК и...

— Доченька, — подала голос мама, — я понимаю, что ты расстроена, но поверь: в том, что случилось, нет нашей вины. Вернее, она есть, но мы никогда не хотели тебя оставлять. Просто, когда произошла эта проклятая авария, тебя выкинуло из машины, и ты не смогла переместиться вместе с нами, а мы уже не смогли попасть в тот мир, где ты осталась. Но мы задействовали все возможности, чтобы переместить тебя в этот мир, который мы можем посещать...

— Что-то вы не слишком торопились, — пробурчала я, слегка оттаивая душой. — Я здесь уже больше года болтаюсь, а вы только сейчас появились! И давайте все же уточним — являетесь ли вы моими родителями!

— Это невыносимо! — заорал папа. И это было странно, потому что я его помнила, как спокойного и выдержанного человека, никогда не реагировавшего на мои шалости. А тут такая экспрессия.

— Хорошо, — вдохнула мама, — хочу тебе напомнить, дорогая девочка, что в возрасте пяти лет ты сильно покусала дантиста, потому что тебе не понравилось, что он засунул тебе в рот...

— А мне до сих пор это не нравится, — пробурчала я, когда на меня все обернулись и посмотрели такими осуждающими взглядами. — Достаточно подробностей.

— Ну уж нет! — заартачилась мама. — Потому что, когда я вернулась вместе с тобой, коробкой конфет и бутылкой коньяка в виде извинения, ты демонстративно слопала все конфеты, пока я извинялась, и подпоила коньяком фикус!

— Зоя, — трагично заломил брови Изольд, — я был о тебе лучшего мнения! Разве ты не знаешь, что фикусу противопоказан коньяк! Могла бы удобрить кактус!

— Если мне еще раз представится такая возможность, — пообещала я, переворачиваясь и вставая на четвереньки, — то я удобрю коньяком себя и спасу фикус!

— Так вот куда делся мой коллекционный коньяк! — прозрел папа, обращаясь к маме. — А мне ты сказала, что отдала его в качестве благодарности!

— Я и отдала, — сообщила ему мама, — как благодарность за то, что туда не вызвали правоохранительные органы. Но уже потом, когда вернулась одна. У них был один фикус, и он бы точно спился, если бы наша дочь еще раз ему пожертвовала алкоголь.

— И чего я еще не знаю? — рявкнул папа, обдумав ситуацию. — Какие еще подробности детства моей дочери прошли мимо меня?

— Ты лучше спроси, какие подробности... — рыкнула я в ответ, цепляясь за Санчо и начиная по нему вставать на ноги. От помощи я отмахнулась. Все же, когда ты с мечом, то тебя воспринимают гораздо серьезнее и стараются под руки не лезть. — ...ты пропустил, пока я тут обязанности исполняла!

— Это я с них спрошу, — как-то зловеще ответил мой родитель, указывая головой на окружающих, — со всех этих мужиков, которые около тебя трутся безо всякого на то права!

— Каким образом я могу получить эти права? — мгновенно отреагировал Кретъен, и снова полностью оправдал свое имя. — Не то чтобы я хотел попросить руки вашей дочери. Но от нее целиком я бы не отказался.

Бац! И на одного защитника у меня стало меньше. Грегори начал игру на выбывание... без правил.

— Не надо омрачать момент нашей встречи, — попеняла я ему, начиная проталкиваться к родителям. — Если ты думаешь, что идти к счастью по трупам — это весело и прикольно, то ты ошибся. Это страшно неудобно. Можно поскользнуться на крови или споткнуться о тело. А это тело, — загородила я собой лежащего демона, — мне дорого, как пьедестал для рогов.

— То есть, — встал передо мной разъяренный Грегори, — ты его выбираешь?

— Нет, — мотнула я головой, но получилось всем телом, — но и обижать не дам! Все, что мое, моим и останется. А пока я его в надежные руки не пристрою, то он под моим патронажем!

— Смерть — это надежные руки? — прищурился Грегори, выразительно глядя на меня.

— Нет, — отказалась я от такого предложения. Уж слишком оно было заманчивым. — От смерти можно сбежать, а вот от жены... — и тут повисла зловещая пауза.

Все впечатлились и задумались.

— Ну, — нарушил тишину папа, — теперь я могу наконец-то обнять свою недоверчивую дочь, которую люблю и по которой скучал все это время?

Эти немудреные слова растопили мою ледяную броню, так упорно возводимую мной, спасаясь от душевной боли.

— Папа! — всхлипнула я, крепче сжав в руке меч. — Мама! — и полезла обниматься.

— Ребенок! — успел удержать меня родитель от сиротства. — Ты поаккуратней. И вообще — это игрушки не для девочки! Отдай эту гадость мужчинам, пусть страдают.

— Ну тогда, — задумалась я, смаргивая слезы и смотря в любящие глаза родителей, — разденьте меня хоть кто-нибудь!

И тут нашлось столько желающих!

— Я уж думал, — хмыкнул Ромуальд, приближаясь ко мне, — ты никогда не попросишь...

— Стоять! — встал передо мной Грегори, отбирая у меня меч. — Никто к ней не прикоснется, пока я жив!

— Да от тебя тоже немного пользы, — не подумав брякнула я. — Только и можешь, что елозить и щупать за все места без захода на главное!

— Что?!! — потемнел лицом мой отец. — Ты посмел прикоснуться к моей дочери? Женись!

— Зачем? — вытаращилась я на родителя, выглядывая из-за плеча Грегори.

— Когда? — поинтересовался сам Грегори.

— А почему именно он? — возмутился Тристан.

— Если я Зою пощупаю, то могу на ней жениться? — тут же сделал логичный вывод Санчо.

— Я в этом не участвую, — отодвинулся от нас Гамлет. — Моя кровать в твоём распоряжении, но это все, что я могу тебе предложить.

— Молчи, — посоветовала ему я, — пока еще есть чем предлагать. Если сейчас кто-то вдумается в твои слова, то предлагать ты будешь кому-то свой гроб в посмертии.

— Я тоже хочу участвовать в этом тендере, — ожил демон. — Почему только один кандидат?

— И я не отступлюсь, — примкнул к этим ренегатам и просто придуркам Ромуальд.

— А чего сразу замуж? — начала возмущаться я. — У меня и так куча обязанностей — зачем мне новые?

— Потому что! — бушевал мой папа, тыкая пальцем в Грегори. — Хоть он и твой избранный Хранитель, но и он не может трогать тебя без соединения!

— Это еще почему? — никак не могла я взять в толк. — Какие-то правила?

— Потому, что я ему оторву все, чем он тебя трогал! — рывкнул родитель, порываясь оставить меня вдовой до брака. — И да! Это мои правила! У меня одна дочь! И я не позволю никому сделать мне внука без моего санкционированного согласия!

— Вилард! — стукнула его по плечу мама. — Ты хоть сам понял, что сказал? Ты еще к ним в постель для контроля залез! И потом, мы только нашли нашу девочку, а ты сразу хочешь решить все проблемы?

— Какие проблемы? — уловила я смысл отповеди. — Какие еще могут быть дополнительные проблемы к пяти мужикам и одному дракону?

— А кого ты не посчитала? — покосилась на меня мама.

— Лорда Ректора, — призналась я. — Он сейчас ни к одной категории не относится. А меня все же хоть кто-то разденет? И заодно объяснит, что происходит?

— Дома разденешься, — немного успокоился папа, — под моим присмотром. Там и поговорим без лишних ушей, — он покосился на эльфов.

— Дома — это где? — проявила я законную бдительность. — Мой дом, например, в избушке в лесу, на поляне, которую испоганили бассейном.

— Это хороший бассейн, — моментально обиделись эльфы. — Глубокий. С домиком для вампира и предбанником для дракона.

— Будет где вас топить, — пробурчал Грегори.

Вот не узнавала я своего друга и возлюбленного. Нервный, дерганый, недовольный. Никак не похож на моего всегда спокойного, выдержанного и приветливого друга. Внешне тот же, а внутренне как подменили.

— Дом — это там, где мы живем, — поставил меня в известность папа. — Нам о многом нужно поговорить.

— Не пойду, — отказалась я моментально. — Не хочу лишних нотаций.

— Зоя, — вступил в переговоры Ланселот, успевший в самом начале сменить драконью ипостась на человеческую, — кто тебя лучше научит обращаться со своими способностями, чем родители? Я все, что знал, уже тебе рассказал. Но я не знаю и одной сотой ваших возможностей. Моя обязанность помогать и оберегать, а учить — это дело твоей расы.

— Логично, — поскребла я лоб латной рукавицей. — Блин! Больно!

— Дай сюда! — повернулся ко мне Грегори и начал стаскивать с меня доспехи. — Горе мое! Ну за что мне такое наказание? Почему изо всех химерин меня выбрала именно эта?

— Папа, — отшатнулась я от него и сощурилась, — я согласна выйти за него замуж и испоганить ему жизнь!

Где ставить подпись кровью жертвы?

— Простите, — вмешался благоразумный Гамлет, — а вы с нами воевать не будете?

— Отдайте нам нашего ребенка, — широко улыбнулась мама, — и мы уйдем с миром и унесем с собой войну.

— Не пугай их так, Веста, — ласково попенял ей папа, внимательно глядя, чтобы Грегори не снял с меня чего-то лишнего. — Они могут не понять твоего тонкого юмора.

— Зочка, — повернулся ко мне Лорд Ректор, — давай ты сходишь навестить своих родичей? И мы не будем содержать все эти армии? И академия вернется к нормальным занятиям, а?

— С такими преподавателями? — изумилась я, с радостным вздохом освобождаясь от доспехов. Грегори их чуть ли зубами не снимал. Наверное, мог бы — сгрыз! Белочка-переросток. — Ты слишком хорошо о них думаешь!

— Да я о них вообще думать не буду, — пообещал мне шеф, приложив руку к сердцу, — если они будут преподавать. Это ж сколько с меня студенток на них перепрыгнет! Так сходишь домой в гости?

— Домой я, конечно, схожу, — кивнула я, раздумывая над словами Ланселота, — но только домой. С замужеством, признаюсь, погорячилась. Я еще совсем юная, неопытная и лет сто хочу таковой остаться!

— Дома поговорим, — отодвинул от меня Грегори папа и крепко обнял, притискивая к себе, как в детстве. — Ну, здравствуй снежинка-пушинка!

— Привет-привет коль дел других нет, — расплакалась я, прижимаясь к отцу.

— Доченька, — кинулась к нам мама, обнимая обоих. И в этот миг мир мигнул и изменился.

Мы стояли на зеленой лужайке около небольшого замка. Скорее это был просто большой дом, спроектированный под замок.

— Это как называется? — выкрутилась я из объятий родителей и сердито уставилась на них и, заодно, на Грегори. — Почему таким образом?

— Нам нужно поговорить, — вздохнул папа, опуская руки. — Нам нужно тебе многое объяснить.

— Это точно, — приподняла я бровь. — Начните с того, почему я никогда не знала, что вы химерины!

— Это я химерина, — тихо сказала мама. — Твой отец — Хранитель. Химерины могут быть только женского пола. Мальчики нашей расы рождаются Хранителями. Они не наследуют способностей. Их обязанность — охранять и оберегать выбравшую и призвавшую их химерину.

И тут до меня дошло!

— Ёкарная балалайка с тромбоном! — разинула я рот. — Это когда я придумала себе друга... Я его не придумала, а призвала? Так, получается?

— Так всегда происходит у нашей расы, — недоуменно пожала плечами мама. — Что тебя удивляет?

— Что меня удивляет?! — взвилась я в ярости. — Я, можно сказать, привязала к себе человека, который, возможно, не хотел быть привязанным! — ткнула пальцем в мрачного Грегори. — Сколько ему тогда было лет?

— Девятнадцать, — пробурчал мой друг. Или не друг? Или кто он мне теперь?

— Во-о-от! — подбоченилась я, переводя взгляд с мамы на папу и обратно. — А мне тринадцать! И уж он-то точно был счастлив до коллик бежать по первому зову к сопливой девчонке! Небось от радости тапки терял!

— У него не было выбора! — повысил голос папа. — Это большая честь, когда тебя выбирает химерина и призывает в Хранители. Иначе одна дорога — в скит!

— Ку-уда? — выгаращилась я на них. — В скит? Это что такое?

— Монастырь, — пробурчал Грегори. — Одиночный. Все, кто не нашел своей пары, уходят в скит и накапливают знания, умения и совершенствуются в искусствах. А назад не выйдешь — Безликие не выпустят.

— Стоп-стоп-стоп! — потрянула я головой, стараясь переварить и уложить информацию. — Придержите коней. Получается, выбора у мужчин в этом мире нет в любом случае? Или выбрал, кто попало, и будешь охранять и служить — или в монастырь? Это что-то вроде обязательной мобилизации?

— Если упрощенно, — осторожно сказал папа, — то так. Но это если упрощенно, на самом деле связанная пара должна пройти испытание, доказывающее, что они смогут быть вместе.

— А если не пройдут? — нахмурилась я, не ожидая ничего хорошего от ответа. — Тогда как? Оба в монастырь?

— Тогда дается второе испытание, — попыталась успокоить меня мама. — И его обычно проходят, потому что уже давно находятся вместе...

— А если снова не проходят? — настаивала я на более точном ответе. — Тогда что? Развод и девичья фамилия?

— Захочешь жить — пройдешь, — отрезал Грегори, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Понятно, — топнула я ногой, остро сожалея, что отдала меч. — А если я его отпущу? Ну в смысле, откажусь? Тогда у него будет своя, нормальная жизнь?

— Нет, не будет, — с раскаянием сказала мама. — Его будут судить и, скорей всего, приговорят как непригодного, поскольку призвать пару можно только один раз. И для скита он уже не подходит, как растративший свою силу.

Повисло долгое молчание, в течении которого я сверлила злобными взглядами эту троицу, которая упорно прятала глаза.

— Прости меня, Грегори! — наконец выдала я сквозь зубы. — Прости за то, что я не знала, что ломала твою жизнь, когда придумывала себе друга! И если ты хочешь, то я выйду за тебя замуж!

— Вот только не надо жертв! — яростно вскинулся мужчина. — Не надо меня жалеть!

— А кто тебя жалеет? — вылупилась я на него. — Это меня надо пожалеть, а не тебя. Ты-то хоть знал, когда призвался?

— Знал, — сквозь зубы повинился Грегори. — Этому у нас учат с детства.

— А я нет, — с показным спокойствием ответила я. — И очень сожалею, что не знала. Но поскольку незнание законов от брака не освобождает, то я согласна испоганить тебе жизнь окончательно. Женись на мне, Иван-царевич, и я сделаю из тебя Ивана-дурака!

— Скажи родителям, — кивнул мой отец Грегори, — чтобы срочно связались с нами. Нужно обговорить все условия и назначить день свадьбы.

— Хорошо, — чуть склонил голову мой жених, бросил на меня косой взгляд и... исчез. Исчез, гад такой!

Испарился именно тогда, когда так нужен! Именно Грегори должен был мне все давно и подробно рассказать, и подсказать возможные лазейки, потому что мне эти рабские условия прямо-таки ужасающе не нравятся.

Вот рожу я в этом союзе, не приведи Господь, вместо девочки парня... и что? Мне в его рабство писюхе малолетней отдавать или в монастырь пристраивать? А если, избави Боже, от него кто откажется, так и на расстрел привести?! На благо опчества, так сказать?.. Ну уж нет! Не согласная я! Не бывать такому, или я не химерина.

— О-ба-на! — моргнула я, недовольно уставясь на пустое место. — Это ваш вариант ухода по-английски? А попрощаться? А выпить на посошок? А устроить брудершафт?

— Еще успеешь, милая, — заверил меня папа, за руку утаскивая в большой дом красного кирпича в староанглийском стиле, — и на посошок... и на два...

Я шла и удивленно вертела головой.

Двухэтажный дом в виде буквы «П» у нас почти замок. Он весь пронизан светом и запахом лимонного маслососка. Я даже, как ни рвалась, не успела полюбоваться садом а-ля итальяно, с мощеными дорожками и красивыми выстриженными из деревьев и кустарника фигурками.

— У вас вся долгая жизнь впереди, — забил папа последний гвоздь в гроб моего самоощущения.

— И почему мне это не нравится? — задала я чисто риторический вопрос.

— Знаешь, Вилард, — выступила вперед мама, — я сама займусь нашей дочерью. Тебе сейчас лучше дождаться родителей Грегори в кабинете. — И ласково улыбнулась мне: — Пойдем, дорогая, я покажу тебе твои покои.

И мы пошли. И, что самое поразительное, папа не стал спорить. Просто поцеловал меня и маму и ушел.

Мы прошли по дому с большими эркерами, скорее чопорному, нежели обставленному с бездумной роскошью, и пришли в комнату практически один в один напоминающую мою комнату за Земле. Все такое же розовое, кружевное и сопливо-девчачье.

— Мда, — огляделась я по сторонам, — и кажется, что ничего не изменилось, кроме меня.

— Давай помогу, — мама начала осторожно освобождать меня от остатков доспехов. Когда мы справились совместными усилиями, то родительница ласково, но твердо отправила меня в ванную комнату. — Иди, приведи себя в порядок, а потом поговорим.

Когда я вышла отмытая, освеженная и замотанная в махровый халат по самые уши, меня уже ждал поднос с обедом и мама с нежной улыбкой. Но я не купилась. Слишком странные обычаи и еще более странное поведение.

— Итак, — стянула я с волос полотенце и отбросила в сторону, — каким образом вы попали в другой мир?

— Настоящая химерина, — подмигнула мне мама, — всегда начинает с главного. — Она уселась в кресло, закинула ногу на ногу, поправив белое кружевное платье и сцепила пальцы на колене. — Нас изгнали.

— За что? — так же кратко поинтересовалась я, присаживаясь напротив ее и придвигая к себе поднос.

— Твой отец постоянно бунтовал против своей судьбы, — ответила мама. — Он упорно не хотел подчиняться нашим законам. И когда в очередной раз он их нарушил, то наш Совет химерин постановил изгнать его из нашего мира. Навсегда, как отступника.

— И? — прищурилась я, болтая ложкой в густом супе. — Одного?

— Одного, — кивнула родительница, не сводя с меня взгляда. — Но я воспротивилась. И согласилась уйти с ним, если постоянное изгнание заменят на временное. А поскольку химерины очень ценны, то Совет пошел на уступки и изгнал нас на время на Землю, где ты и родилась, после того, как твой отец прекратил видеть во мне врага.

— Погоди, — отложила я ложку и потерла лоб в недоумении, — папа тебя не любит?

— Твой отец меня любил всегда, — усмехнулась мама, — просто ему было трудно это признать. У нас был очень тяжелый период в жизни, но мы все же смогли выяснить наши отношения и в результате родилась ты.

— А почему вы мне ничего не рассказали? — задала я новый вопрос. — Кто вы, откуда?

— А как ты себе это представляешь? — хмыкнула мама. — Дорогая дочка, мы не из этого мира и вообще не люди? И это при том, что мои способности были заблокированы и я не могла изменяться? Какие доказательства мы могли тебе предоставить?

— Мда, — молча согласилась с ней я, вспомнив свое детство и юность.

— Я и так старалась сделать, что могла, — продолжала мама. — Ты родилась настоящей химериной и, как все мы, была достаточно непривлекательной. Это дало мне надежду, что у тебя все же может появиться Хранитель. И я натолкнула тебя на мысль о придуманном друге. И поверь, это был самый счастливый день в моей жизни, кроме твоего рождения и признания в любви твоего папы, когда на твой зов откликнулся Грегори.

— Девочки, — поскребся ко мне в комнату папа, — прибыли родители Грегори. Так что я буду занят некоторое время, если вы только не захотите к нам присоединиться.

— Мы придем чуть позднее, Вилард, — крикнула мама. — Зое обязательно нужно будет познакомиться со своей новой семьей.

— Конечно, дорогая, — откликнулся отец, впрочем, без особого энтузиазма.

— Он сильно переживает, — пояснила родительница, когда папа удалился. — Ты слишком молода для замужества, но все происходит так быстро. И если вас не связать сейчас, то никто не знает какие будут последствия. Грегори и так уже нарушил все мыслимые и немыслимые законы и правила. Он на грани изгнания, но Хранитель не сможет выжить один в другом мире, а ты... — Она промокнула глаза. — Ты и так слишком долго была одна.

Нет, все было разумно и логично, но от этого не стало нравиться больше. Как-то все обдавало... рабством. Вроде бы как мне дарили в собственность другого человека. Замечу: человека, недовольного этим. И этот подарок был на всю жизнь. Ни у него, ни у меня уже не могло быть других партнеров и возлюбленных. И именно это было страшно. И безысходно.

— А почему обязательно нужно подчиняться этим дурацким законам? — не выдержала я, не в силах скрыть свое возмущение. — Почему нельзя жить в другом мире?

— Потому что рожденные в этом мире, — мама пристально посмотрела мне в глаза, — мы теряем наши способности в других мирах и существуем лишь на одну сотую часть.

— Но я... — начала говорить я. В это время мама приложила палец к губам и усмехнулась, скосив глаза в сторону двери. Я кивнула и договорила: — Все равно не согласна, но подчиняюсь!

— Моя умничка! — просияла родительница. — Хочу только добавить, что после того, как ты выйдешь замуж, над тобой будет иметь власть только Совет. Даже, мы с папой можем лишь советовать, а не приказывать.

— А Совет... — сощурилась я на маму, и она в ответ кивнула на невысказанный вопрос. После этого стало как-то легче дышать.

— А что это за испытания? — сменила я тему, размышляя над тем, что узнала.

— Каждый Хранитель получает свое задание, — родительница сменила позу и подвинула ко мне поднос с остывающим обедом. — У каждого оно свое, но цель всегда одна — доказать, что он способен сохранить свою химерину. Поэтому каждый Хранитель с детства учиться владеть любым оружием и занимается боевыми единоборствами. А также постигает науку страсти нежной и умение развлекать спутницу.

— И все проходят? — полюбопытствовала я, начиная крошить хлеб.

— Все, — дернула уголком губ мама. — Потому что это не только испытание для Хранителя, но и для химерины тоже. Они проходят его вместе. И, вообще, хочу тебе сказать, что мы призываем спутников не по прихоти. В нашей природе заложены четкие критерии — с кем мы будем счастливы. Исходя из этого, твоя суть химерины посылает зов. Так что не кори себя, ребенок, ты не испортила ему жизнь — ты дала ему новую возможность.

— Если бы еще и Грегори это понимал, — пробормотала я, отодвигая остывшую еду.

— Если не дурак, со временем поймет, — заверила меня мама, вставая. — Думаю, скорее раньше, чем позже. А теперь давай приведем тебя в порядок и пойдем знакомиться с твоими новыми родственниками!

— Даже не знаю, — пробормотала себе под нос, — кто больше будет счастлив по этому поводу — они, что им меня подкинули, или я, что мне их навязали.

Но одеваться пошла. Любопытство замучило. Мне теперь вроде бы полагалась свекровь. А это, судя по анекдотам и рассказам, такой страшный зверь, которым даже на ночь не пугают.

— Мама! — с остервенением дергала я кружева на белом с розовым платье, похожем на сахарную вату. — Мне обязательно в этом безобразии нужно знакомиться? Не могу я их просто так напугать? Без спецэффектов?

— Зочка, — хихикнула мама, натягивая мне на голову кружевной чепец с розовой вышивкой, — так положено. Вроде как ты самая невинная в этом мире и приносишь в жертву их сыну все, что можешь донести.

— Донести я могу многое, — скорчила я рожицу зеркалу, отражавшему бело-розовый капустный вилок из кружева и рюшек. — Например, того, кто это придумал на кладбище. Вот вынести много не могу, а донести —

запросто!

— Ты, главное, — поучала меня мама, поправляя на мне все то, что мне хотелось сорвать и съесть в целях конспирации, — молчи и глазки в пол упирай. Будешь вся такая скромная и воспитанная...

— Мам, — не выдержала душа поэта такого оскорбления, — ты им просто мою фотокарточку покажи, а пару слов я черкану. Типа, привет новые родаки!

— Пошли уже, страшно невоспитанная девочка, — прикрыла ладошкой рот мама, сдерживая смех. — Если все пройдет хорошо, то мы сразу отправимся на твой девичник и представление химеринам.

— погоди, — затормозила я. — Вот так, сразу? Никаких приготовлений?

— Приготовления шли уже давно, — пояснила родительница, выталкивая меня из гардеробной. — С того момента, как вы встретились. Так что от сегодняшнего дня до вашей свадьбы — как от забора и до рассвета.

— Так же примитивно? — поинтересовалась я, цепляясь за косяк.

— Столь же быстро, — ответила мама. — Но жить можете у нас, если захотите. Только после медового месяца — чтобы мне папу не смущали! А то я его знаю, будет под дверью стоять, чтобы его кровиночку ненароком не обидели.

— Хорошо, хоть не будет рваться руководить процессом, и на том спасибо, — ужаснулась я подобной перспективе.

— Только потому что я не пушу, — ласково ощерясь, заверила меня мама и утащила в кабинет.

Что-то мне подсказывало... и это что-то находилось сзади... и очень настойчиво мне шептало, что ничем хорошим это все просто не может закончиться. И чуть ли не впервые в жизни я изо всех сил молилась белому дракону, чтобы мой универсальный интерфейс имени пятой точки ошибся и день прошел без новой драки.

— Всем здравствуйте! — Я была близка к панике, когда в роскошную гостиную вплыла родительница со мной на буксире.

Появилось навязчивое чувство, что меня десантировали в фильм про хоббитов, в дом Беггинсов. Много натурального дерева — балки, рамы окон, массивная мебель. Удачная отделка камнем углов обеденной зоны. Стены, потолок — нежный беж. Огромный камин, по обеим сторонам которого, словно стражи, высятся крупные лимонные деревца в больших кадках.

Текстиль в бежево-бордовых оттенках, ковры в той же цветовой гамме, кованные люстры и бра.

Самое удивительное и по-своему интересное решение — два стола. Овальный стол со стульями, обеденный, разместили в эркерной зоне, под большим решетчатым окном, а второй, пониже, с красивыми гнутыми ножками, — напротив камина, в окружении дивана и массивных удобных кресел.

«Шампанское по утрам пьют аристократы или дегенераты»². По-моему, в таких домах живут те же самые лица! Осталось только решить, к кому себя отнести.

А мама, не обращая внимания на мои метания, продолжала:

— Приветствую вас в своем доме и хочу познакомить со своей дочерью, Зоей Лимерис Октус!

От досады я закричала зубами. Вот так просто: нашу дочь зовут доктор ЗЛО! Прошу любить и жаловать!

— Пипец! — встала я, как баран перед бойней. У меня даже левый глаз задергался. — Родители, вы когда мне имя давали, хоть на первые буквы смотрели? Или мне за счастье должно быть, что вы меня Гасилкой Мазурикс Октус не называли? Или Чувырлой Мурлин Окстись?

— Невоспитанная, — недовольно поджала губы красивая, ухоженная химерина в синем шелковом платье со шляпкой в тон. — Грубая. Как наш сын, обладающий столь тонкой душевной организацией, будет с ней жить?

— Прошу прощения, — сдвинула я свой чепчик на затылок, — мы с вами о Грегори говорим? Или я что-то упустила, и мою жертву зовут иначе?

— Думаю, — не обратила внимания на мои слова химерина, — после свадьбы молодые будут жить у нас. Мне следует привить вашей девочке соответствующие манеры и научить правилам поведения в нашем обществе.

— Думаю, — набычилась я, отмахиваясь от мамы, пока папа прикрывался брачным контрактом, а второй мужик бокалом с алкоголем, — в этом случае не выживете либо вы, либо мы. Ставлю на вас, потому что я настырная и у меня большие планы.

Наши взгляды встретились.

— Это выходит за любые рамки приличий! — взвилась чем-то сильно расстроенная дама-свекровь.

— Так давайте мы эти рамки раздвинем? — шаркнула я ножкой, вовремя вспоминая о мамином предупреждении, что мне с этими людьми недолго мучиться, а следовательно, нужно оставить о себе хорошее впечатление. Хоть слегка и чуть-чуть. — Прошу прощения, если задела чьи-то тонкие чувства. Не хотела оттоптать. Это нервы. Я же не каждый день соглашаюсь кому-то жизнь испортить.

— И вот с этой, — (далее что-то неразборчивое) повернулась к мужу дама, — нашему сыну предстоит жить?

— Ну это лучше, чем умереть, — утешил ее оптимистичный свекр. — Успокойся, Сиротина. Против закона все равно не поправишь.

— Была неправа, каюсь, — наклонилась я к маме. — Вы меня еще нормально называли. Я даже боюсь спрашивать ее полное имя.

— И наш сын — взрослый мальчик, — продолжил мужчина гимн в мою поддержку. — Думаю, он в состоянии справиться с женой.

— А если нет? — покосилась на него дама. — Если это... эта...

— Вы сейчас говорите о моей дочери! — повысил голос папа. — Попрошу быть корректными и вежливыми в своих высказываниях!

— Да это я как раз корректно отзываюсь, — ядовито ответила Сиротина, вставая. — Потому что если бы я сказала все, что думаю, то таких слов в приличном обществе еще не придумали!

— Поделитесь? — загорелась я, с уважением рассматривая свекровь. — Я запишу и заучу, чтобы ненароком где не употребить.

— Если мы уже все обсудили и подписали, — чуть не расчленила меня взглядом дама, — то предлагаю закончить этот фарс и посетить девичник. Пора представить вашу дочь нашему обществу! — тут она скривилась, как от тастика лимонов.

— Всегда готова! — изъясилась я желанием. Все равно ничего другого мне не светит. А так, может, хоть нальют на законных основаниях. Иначе я это мероприятие просто не вынесу. Пусть лучше вынесут меня.

И мы как-то быстро перенеслись в громадный зал, полный дам разных возрастов. И все, кроме меня, в нормальной одежде. Одна я в сахарной вате с чепчиком. Это здесь так изощренно над невестами издеваются, чтобы не расслаблялись на поле боя со свекровьями?

— Мам, — дернула я родительницу за руку, — мне-то что делать?

— Улыбайся и кивай, — посоветовала мне мама. — Все равно ты их не запомнишь. Потом сядем за стол, отпразднуем и вернемся домой. А там уже и свадьба...

— То есть сегодня самое страшное? — полюбопытствовала я, пока вокруг меня кружили акулы в платьях, делая вид, что я их сильно интересую. Думаю, их интересовала не лично я, а то, о чем они могут посплетничать. И дело всей моей жизни было их потребности удовлетворить!

— Многоуважаемые дамы! — рявкнула Сиротина, выпихивая меня на середину. — Позвольте представить вам невесту моего сына! Эта достойная леди, — на этих словах она закатила глаза, показывая свое отношение, — скоро вольется в наши ряды. Прошу принять нового члена...

Я прикусила язык, чтобы не сказать чего-то, что они видят дома, в темноте, под одеялом и многие наощупь. Ну, мне так показалось.

— ... Надеюсь, что с вашей помощью, — выродила из себя свекровь, — она будет достойной дочерью нашей расы и пополнит ее ряды своими детьми! — И подтолкнула меня к возвышению посреди зала, где стоял пустой стол, накрытый скатертью и приборами, и три стула. Которые мы и заняли. Остальные дамы остались стоять.

— Я счастлива приветствовать новую дочь нашей расы, — выступила вперед дама средних лет в зеленом. — Позвольте мне преподнести мой подарок! — Она хлопнула в ладоши.

В зал внесли носилки и водрузили их перед нами на стол. А на носилках... лежал голый, накачанный мужик в маске, на мускулистом животе которого покоились куски мяса в соусе. И соус стекал по нему во все места. Вот мужику счастье-то привалило.

— Это что такое? — вытаращилась я на диво дивное. — Это как понимать?

— Это новая мода, — прошептала мне мама. — Тебе нужно попробовать кусочек...

Мужик пошевелился.

— Эй! — рявкнула я, вскакивая и хватая нож. — Почему у вас тут дичь живая? Нужно срочно исправить это упущение! А то, понимаешь, сырое мясо подливкой полили, а прожарить хорошенько не догадались... — и попыталась прирезать основное блюдо.

Но мужик оказался умный и резвый. Так быстро и грациозно свалиться на пол может только тот, кто сильно захочет жить!

— Куда пополз? — вскочила я из-за стола, хватая заодно и вилку. — От меня еще еда сама не уходила!

— Сиди! — дернула меня за рюшки Сиротина. — Не позорь моего сына! — Опять завела свою шарманку: — Грегори такой хороший, благовоспитанный мальчик! Он уж точно знает, как вести себя в приличном обществе!

Бац! Перед нашим столом появился вышеупомянутый Грегори в окружении всех моих друзей, и они мугузили друг друга с такими счастливыми выражениями лиц, что мне даже завидно стало.

— Дамы, — успел отвесить нам изящный поклон Тристан, когда ему прилетело в ухо. — Пардон! — снова кинулся эльф в гущу событий.

— Поздравляю, Зочка! — улыбнулся мне разбитыми губами Лорд Ректор. — А мы тут мальчишник проводим... — но тут его утянули внутрь баталии.

— Никогда не думал, — выполз между ног дерущихся измочаленный Санчо, — что избивать жениха — это так

весело. Жалко ты, Зоя, нечасто замуж выходишь!

И мужики пропали с наших глаз.

— Будем считать, — взяла себя в руки Сиротина, — что все это нам просто померещилось!

— Как я — так сразу невоспитанная, — фыркнула невеста, усаживаясь на свое место, — а как он так — показалось. И где справедливость?

— Мальчик нервничает, — покосилась на меня будущая свекровь. — Должен он хоть как-то снять стресс?

— Дорогие дамы! — выскочила к нам женщина в лиловом платье. — Позвольте мне преподнести свой дар!

И нам доставили еще одни носилки с голым мужиком. Только на этот раз на нем был художественно разложен горками салат. Даже там. Там — особенно много. Прикрывали или маскировали?

— Ну, всё! — кровожадно ухмыльнулась я, сдвигая на затылок опостылевший чепчик. — Такую жирную дичь нужно добывать острогой! — и, кровожадно облизываясь, взвесила в руке вилку.

Мужик побледнел даже через маску. Ей-Богу, клянусь! Зеленая, под цвет салата, маска стала снежно-белой с уклоном в синеву. Но этот блюдун оказался крепче и не сбежал. Чуть салатом подрожал и замер.

— Тебя чем там предварительно напоили? — сообразила я, наклоняясь к подарку. — Там еще наливают? А то у меня нервный сушняк. Хочу восполнить количество жидкости в организме и подогреть градус восприятия...

— Ведите себя прилично! — мигом одернула меня Сиротина. — Вот мой мальчик никогда не позволял себе таких отвратительных выходов!

Кхе-кхе-кхе!

Посреди зала тут же появилась вся гоп-компания, пьяная в дымину. Мужики поддерживали друг друга и передавали бутылки по кругу. А поскольку бутылка была у каждого, то руки у них никогда не пустовали.

— Зойка! — фамильярно завопил Ромуальд, сумев на мне сфокусироваться. — У тебя такой клевый жених! Сначала порывался всем морды набить, а теперь хочет утопить в коллекционном вине! Настоящий рыцарь! Я ему уже шлем подарил с гультфиком! Для защиты самого дорогого!

— Если шлем совмещен с гультфиком, — фыркнула я, представляя себе эту конструкцию, — то носить его придется сидя!

— Кыш отсюда, — слабым голосом отреагировала свекровь, сползая со стула. — Кыш! Не смей совращать моего мальчика!

— Да кто его совращает? — возмутился Кретъен, почесывая рога, на которых были нанизаны бутерброды. — Он сам кого хочешь совратит с пути истинного. Вот я... ик!.. никогда не знал, что если намешать все и сразу, то это будет «ёрш». А что? И выпивка, и закуска...

— Значит, воспитанный? — прошипела моя мама, вставая из-за стола и упирая руки в бока. — Послушный?! А моя дочь невоспитанная?! Да она даже покраснела, когда на ваш салат пялилась!

Этого я, честно говоря, не помню, но маме виднее. Может, я от счастья покраснела или от горя. Или от стыда, что в таком платье приходится мужиков голых резать.

— Зойка! — завопил Грегори, выползая вперед и цепляясь за всех подряд. — Ты мне кто?

— Вот и я думаю — кто? — скривила я губы, щипая себя за руки, чтобы не заржать. — С одной стороны — дура, что согласилась за тебя замуж выйти трезвой. С другой — умная, что за тебя согласилась, а не за всех скопом.

— Давай выпьем? — махнул мне громадной бутылкой Лорд Ректор, с трудом фокусируясь на... А хрен его знает, на чем он там фокусировался. У него один глаз смотрел на нас, а второй вглубь себя. Совесть, что ли, искал? Так нет ее, пропили давно. — Как маг тебе говорю: нужно расслабиться, чтобы не наделать глупостей!

— Это неприлично, — бормотала Сиротина, пока моя мама пыталась накормить ее салатом прямо с блюда... блюдуна. — Так не принято в нашем обществе.

— Сейчас мы примем на грудь, — пообещала я ей, спрыгивая с возвышения, — и все будет принято. А то насухую я не могу нормально воспринимать окружающую действительность. Стоя... Лежать! — это я мужику на носилках, который уже понял, что крупно встрял и все же попытался уползти в посудомойку. — Мы с тебя закусывать будем!

— Это кто? — красивым зигзагом подлетела к нам в дупель пьяная летучая мышь. — Чё это он у вас без дела лежит? Можно присоединиться?

Мужик сравнялся цветом со своим салатом и подскочил, будто его резали по-живому. И попытался свалить, пока к нему не присоединились.

— Куда?! — разъярилась дама в лиловом, начиная разметывать строй пьяных мужиков. — Ты еще не выполнил условия своего контракта!

— Сами их выполняйте! — заорал «блюдун», стаскивая со стола скатерть и прикрываясь. — С меня по контракту положено есть, а тут именно меня норовят попробовать!

— Дичь линяет! — издала я вопль, под шумок отбирая бутылку у задумчивого Ланселота. — Атас!

— Не уйдет! — заверил меня дракон, выпуская в сторону удиравшего мужика струю пламени. — Если будет

жареная!

— Так ему! — энергично подпрыгивала дама в лиловом. — Пусть знает, как нарушать условия моего контракта!

— Десерт будет? — деловито поинтересовалась я, отлипая от почти пустой бутылки и дотягиваясь до рогов демона за бутербродом. — Сладкого хочется.

— Думаю, — рывкнула дама в бирюзовом платье с сажей, — что нам тут уже ничего не вынесут. Ни сладкого, ни горького.

— Горького? — поднял на нее осоловелые глаза Тристан и сунул ей в руки свою бутылку. — На! Не плачь! Не могу видеть женских слез.

— Это сумасшедший дом! — отбилась от моей мамы Сиротина, выплевывая листья салата. — Все так неправильно! — Потом посмотрела на мою маму. — Но весело. Давай, что ли, выпьем?

В общем, девичник удался на все сто. Мы все перепились до состояния дружбы со всеми расами и в процессе выяснили, что Гамлет вполне дееспособен, если это не адептки. И рогами Кретьена можно не только закусывать, но и занюхивать. А Изольд такой няшка и лапочка, что нравится всем дамам, которые скопом согласились его удочерить и подарили ему мой чепчик. А Ланселот вообще был нарасхват в виде подогрева. А...

— Зоя, — вытащил меня из общего веселья Грегори, — нам нужно поговорить.

— Ты белены объелся? — вытаращилась я на него, отвлекаясь от увлекательного обсуждения — можно ли раздевать даму с помощью драконьей магии или пусть живет дальше? — О чем разговаривать, если все равно ничего изменить нельзя?

— Завтра наша свадьба, — ошарашил меня жених, пытаясь отнять у меня новую посудину с алкоголем. — И я бы хотел знать, что ты по этому поводу считаешь?

— Тебе приличными словами, — покосилась я на него, — или сам неприлично додумашь?

— Хорошо, — не стал спорить со мной Грегори, — я перефразирую — что ты по этому поводу чувствуешь?

— Похмелье, чувствую, надвигается, — попыталась я избежать неприятного выяснения отношений, которых, как оказалось, никогда и не было. Привязка была, а отношений не было! — А что?

— Я хочу знать, — не отставал от меня настойчивый жених, — что ты ко мне чувствуешь!

— А что я могу чувствовать, — набычилась я на него, успев отпить для храбрости, — к человеку, которому рассказывала в тринадцать лет, как Люська из моего класса целовалась с Петькой и выяснила, что это все противно и слюняво?

— И все же, — не отлипал от меня Грегори.

— Так вот, — собралась я с духом, чтобы на этом духу выложить правду-матку, — сейчас все тоже противно и слюняво! Тебе противно на мне жениться, и ты по этому поводу пускаешь слюни, который маскируешь алкоголем!

— Мне не противно на тебе жениться! — побледнел мужчина. — Мне противно, что все это происходит подобным образом! И мне абсолютно не нравится, что вокруг тебя постоянно ошиваются какие-то мужики, которые так и норовят стать моими заместителями!

— Ты ревнуешь или завидуешь? — ядовито уточнила я на всякий случай. Вдруг я его неправильно поняла?

— Я хочу понять, — пристал ко мне, как банный лист, неугомонный Грегори, — как мы с тобой будем вместе жить!

— Выпей, — посоветовала я ему. — Тогда ничего не придется понимать. Чего ты у меня ответы ищешь? Кто из нас мужчина?

— Если ты думаешь, что мне от этого легче, — пробормотал в ответ жених, — то стильно преувеличиваешь. Теоретически, я всегда должен знать, как правильно поступать и удерживать тебя от глупых поступков. — Он помолчал и признался: — А практически, я просто не успеваю тебя от них удержать и потом расхлебываю последствия. И это страшно...

— Ну ты даешь! — обиделась я и допила все, что было в бутылке.

— ... Страшно, что не успею и потеряю тебя навсегда. — Это последнее, что я услышала. А потом наступил густой туман, сменившийся беспросветной тьмой.

Помню, что надо мной долго переругивались и призывали к тишине, чтобы дать ребенку, заразе, ведьме, вредине, красавице поспать перед ответственным днем. Откуда нас столько много появилось и как мы все умещались на одной кровати, для меня так и осталось загадкой. Еще смутно помню, что что-то с грохотом долго и нудно падало, но судя по звуку, в разных местах и различного веса. Я тихо радовалась, что не на меня и спала дальше.

— Счастливый ты муда... мужик, Грегори, — проорали где-то вдаль, — если у тебя есть Зоя! — И потом все стихло и наступило блаженное забытие, где меня носило на волнах и крутило вертолетом.

— Зочка, — настойчиво будила меня мама, меняя на лбу мокрую холодную тряпку, — пора вставать. Сегодня день твоей свадьбы...

— Лучше так меня пристрели, — простонала я, не в силах пошевелиться.

Рядом раздался такой же мученический стон.

— Грегори, — вопили где-то неподалеку, — вставай немедленно! Это должно свершиться уже сегодня!

— Согласен с Зоей, — промычал жених откуда-то справа, — смерть милосерднее.

— Что будем делать? — деловито спросила Сиротина. А у меня даже сил не было поинтересоваться, что она делает в моей кровати. Ну ладно, рядом с кроватью. Пусть даже и не моей. Сил проверять просто не было. — Может, все же стоит перенести мероприятие?

— Нет! — рявкнул папа. — Ваш сын провел ночь с моей дочерью и фиг отвертится от узаконивания таких отношений!

— Как ты себе это представляешь, Вилард? — полюбопытствовал второй мужской голос. Я предположила, что это папа Грегори. Вряд ли в мою... ладно, в спальню... пустили постороннего мужика. — Тут лежат два тела, и мы никак не сможем привести их в нормальное состояние, чтобы они хотя бы встали. Я уж не говорю, чтобы дошли!

— Не знаю, — озадачился папа, но не отступил: — Он, как мужчина, должен взять на себя все обязательства!

— Я стакан воды взять не могу, — простонал жених. — А вы о таком ответственном грузе!

— У нас два варианта! — помолчав сказала мама и снова сменила мое полотенце на лбу. — Или мы оставляем их в покое, пока они не придут в себя настолько, чтобы сочетаться узами брака... — судя по молчанию, никто с этим согласен не был, поскольку подозревали, что мы никогда в себя настолько не придем. — ... Или мы их поженим прямо сейчас, даже в таком виде!

Глаза у меня от такого предложения открылись широко-широко, но на это ушли все силы. Слова протеста свалили за опохмелкой и пропали вдали навсегда.

— Это, конечно, не принято, — протянула Сиротина, — но, как я погляжу, у меня вообще невестка нестандартная. Так что давайте женить их сейчас, пока их еще можно поймать!

— Если у меня все же будут дети, — простонал рядом Грегори, — то я никогда не расскажу им, как я женился на их матери! Мне будет стыдно!

— Тогда у тебя не будет детей, — с трудом повернула я голову, морщась от боли, — и тебе не придется позориться! И, вообще: я не хочу замуж!

— Придется, — так же страдальчески поморщился слегка зеленоватый жених. — Ты только подумай — они сейчас нас поженят и уйдут, оставив в покое. И мы сможем мирно умереть от похмелья.

Это предложение имело право на существование, и я заткнулась, покорившись неизбежному.

Родители развили бурную деятельность. Меня прикрыли белой простышкой. Грегори темно-синей. Мне на голову возложили венок из белых роз, и я стала ждать отпевания... пардон, бракосочетания. Жених удостоился бархатного берета, и чего он там ждал — было непонятно, но убегать не спешил. То ли сил не было, то ли смирился, бедолага.

Перед кроватью поставили стол, накрыв его белым кружевом.

— Черт! — дернулся жених, наконец рассмотрев, где он женится. — Никогда не думал, что розовый — это так отвратно! Можно нас перенести на мою кровать?

— Я умру в процессе переноски, — поделилась я с ним своими мироощущениями, — и ты огребешь прелести вдовства, не испытав мук законного мужа. Рискнешь?

— Здесь поженимся, — смилостивился Грегори, прикрывая глаза и стараясь не смотреть вверх. — А в свадебное путешествие отправимся в мою кровать!

В это время в спальню завели красивую статную химерину в бело-синем балахоне и с амбарной книгой подмышкой.

— Где брачующиеся — я вижу, — строго посмотрела на нас регистраторша. — А вот где свидетели?

Родители растерянно переглянулись. Мда, вот об этом-то они и забыли. Во мне затеплилась смутная надежда, что, возможно, день закончится не так уж и плохо...

— Я могу быть соучастником... свидетелем, — с трудом выполз из-под кровати взъерошенный Ромуальд. — Если, конечно, можно. Я для Зои все, что хотите, сделаю. Даже своими руками ее мужу отдам.

— Хорошо, — встрепелась моя мама и утащила рыцаря на нашу половину. — Стойте тут и ведите себя прилично хотя бы пять минут. Будете свидетелем со стороны невесты.

— Я могу со стороны жениха, — вылез из-под другой стороны кровати демон, держась за голову.

— Нет! — попытался с возмущением подскочить Грегори и откинувшись на подушки застонал. — Это слишком символично. С рогами. Такие намеки на свадьбе...

— Ладно, — совсем не обиделся Кретьен и выудил из-под кровати сильно помятого Гамлета. — Этот подойдет? — Лорд Ректор приоткрыл один глаз и снова сник в могучих руках демона. Тот его отряхнул и критически осмотрел: — Если чего, я его подержу, пока он не подпишет.

— Подойдет, — внимательно исследовала Гамлета Сиротина. — Сразу видно, интеллигентный человек! Всеми

силами старается на дам перегаром не дышать.

— Если все готовы, — обвела нас суровым взглядом регистраторша, — то давайте начинать! — Она открыла свою амбарную книгу. — Готовы ли вы, Хранитель Грегори, и химерина Зоя образовать священный союз? В знак согласия возьмитесь за руки.

Мы аж позеленели пока руки пытались совместить. Это вообще эквилибристика, если учесть, что они еще и тряслись.

— Замечательно, — порадовалась за нас регистраторша, в то время, как мамы сморкались в платочки, а папы разглядывали потолок.

— А у нас под кроватью больше никого нет? — невовремя полюбопытствовал жених.

— Нет, — ответил ему Ромуальд, осторожно двигаясь в сторону тастика с моим полотенцем для лба. Сушняк замучил? Лучше бы мне на свадьбу подарил. Чтобы я выжила. — Мы там только втроем поместились.

— Согласен ли ты, Хранитель Грегори, — строго посмотрела на жениха дама, — хранить свою химерину во веки веков?

Ромуальд приложился к тазику и повеселел. Я чуть не скончалась от зависти.

— Согласен, — проскрипело тело со мной рядом.

Тут над нами спикировала летучая мышь и раскидала жеванные лепестки цветов. Сделав свое черное дело, Санчо уселся на балдахин и снова задремал.

— Как романтично, — всхлипнула моя мама. — Настоящая свадьба!

— Рогатый, крылатый и маг, — покачал головой папа Грегори. — Настоящий сумасшедший дом.

— Согласна ли ты, химерина Зоя, — вперилась в меня внимательным взглядом регистраторша, — стать спутницей своего Хранителя и позволить нести ему свои обязанности во веки веков?

Эта часть меня устраивала, потому я простонала:

— Согласна.

Из шкафа вывалились пьяные эльфы и сыграли нам на свирелях. Ну, хорошо, попытались на них сыграть. Потому что никак не могли попасть в ту дырочку, куда надо дуть. Поэтому они туда плюнули и спели нам а-капелла дуэтом и снова убрались в шкаф, не забыв прикрыть за собой дверь.

— Так трогательно, — расчувствовалась свекровь, промокая глаза платочком. — Действительно, настоящая свадьба!

— Крылатый, рогатый, ушастые и маг, — подвел черту мой папа. — Это уже сумасшедший дом с филиалом.

— Поставьте свои отпечатки, — поднесла к нам книгу регистраторша, — и ваш брак будет свершен! — И с полчаса пыталась совместить нашу пальцы и свою книгу. Наконец, призвала на помощь свидетелей. Не шибко-то оно ей и помогло, поскольку у свидетелей у самих руки ходуном ходили. Тогда на амбразуру грудью кинулись родители и наши отпечатки все же совместились с записью. Они мигнули золотистым цветом и пропали.

— Поздравляю! — заявила довольная регистраторша, утирая со лба обильный пот. — Объявляю вас мужем и женой! Жених может поцеловать свою невесту!

Мы с трудом повернули головы друг к другу и позеленели еще больше.

— Прощу прощения! — из-за комода выскочил такой же зеленый Ланселот и кинулся к окну. Распахнул и выдал драконью огненную отрыжку на пару минут.

— Салют в честь молодоженов! — захлопали в ладоши наши мамы. — Как романтично!

— Когда я женился, — тихо сказал мой свекр моему папе, — то думал, что хуже уже быть не может. Оказалось, что может. Интересно, а как будут жениться или выходить замуж наши внуки, а?

— Давай сначала до этих внуков доживем, Кассандр, — мрачно сказал папа, разглядывая нас, таких красивых и зеленых на розовом фоне. — Потом и узнаем.

— Теперь мы можем умереть со спокойной душой? — поинтересовался мой теперь уже муж. — Могу я разделить это прекрасное мгновение со своей женой?

Все заторопились и срочно оставили нас тет-а-тет, не забыв зачистить территорию.

Правда, вампир снова закидал нас пожеванными лепестками и вдогонку сверху наградил корзинкой. А эльфы рвались прочитать нам лекцию о том, как нужно обращаться со свирелью, если она с похмелья не работает.

Но мамы были настроены на свершение нашего брака и уверенной рукой вынесли всех из нашей комнаты, пожелав приятного времяпрепровождения. Папы были настроены более скептически и посоветовали не слишком напрягаться, а то вообще никакого времяпрепровождения не будет. И, вообще, все можно потом наверстать — было бы желание.

Взглядами мы выяснили, что если желания у нас и были, то они в себя не включали возможность шевелиться. И вот так, придя к молчаливому согласию, мы заснули.

Какое-то время нас все устраивало. Тихо, мягко и хотелось бы, чтобы сон двух праведников продолжался до самого утра... обеда... вечера.

Да сейчас! Не с моим счастьем! Если уж я и замуж умудрилась выйти, не вылезая из кровати, то что уж об остальном говорить?

Тихий шгиль сменился штормом. Для начала одного большого и жаркого стало штормить в мою сторону очень активно. Он не нашел ничего лучше, как стрести меня в охапку — и это в условиях жесточайшего похмелья и стресса! Я дала сдачи и гордо отползла на край кровати.

Если кто-то решил, что на этом все закончилось, то сильно просчитался! С этого только все началось! Пока я упорно ползла к цели, меня накрыло черными крыльями и погребло обратно. Я пискнула от неожиданности, выдернула перья, пнула в клюв и продолжила путешествие. Тем более, что моя милосердная мама оставила на тумбочке кувшин с водой.

А когда счастье было так близко, мимо меня протянулось щупальце с присосками и уперло мою заначку к себе. Меня, впрочем, тоже не забыло. Кувшин я успела отобрать, выхлебать и долбануть им по хитиновому панцирю мутировавшего черного омара. И снова гордо уползти на свою половину кровати.

И почти доползла, когда меня остановили ластами. Которые я, впрочем, поднапряглась и связала бантиком тем хвостом, который гладил меня по заднице. После чего наступила блаженная тишина, и я уснула.

Ненадолго.

Потому как в ход были пущены запретные способы завоевания и об меня потерялся черный барс. Или пума? Плохо я все-таки в зоологии разбираюсь. На этом месте я сдалась, почесала большую киску за ухом и задрыхла у нее под боком, зарывшись руками в густую шерсть.

И все бы было ничего, но тут мне приснился сон. Даже не сон, а натуральный кошмар: репетиция традиционной свадьбы. Или не совсем традиционной? Или не совсем свадьбы?

— Сейчас жених и свидетель должны пройти по проходу, — занудным, писклявым голосом сообщила нам распорядительница в классической западной церкви, словно взятой из образцового американского кино.

Вперед вылез Ланселот-дракон и вынес в зубах спящего Грегори. Так и повис бедолага в пасти черным тюльпаном.

Мама и Сиротина синхронно промокнули глаза платочками.

— Теперь отец невесты проводит будущую новобрачную к алтарю.

Папа протянул мне руку, и я пошлепала с ним по длинному проходу, все время поправляя на плече свою любимую боевую косу. Правда, через черную вуаль было не все так четко видно... И платье у меня почему-то было розовым и похожим на облако с насморком. Раз чихнешь — и вылетишь из обоймы.

В это время очухался Грегори, увидел меня с косой и попытался победить дракона криком. Ланселот рисковать не стал и поставил жениха на нужное место, отрезав от побега хвостом и лапами.

— Свидетель становится за спиной жениха, — нудела распорядительница.

— Не уйдет, — кивнул дракон, внимательно следя за подопечным.

— Отец вручает свою дочь жениху, — дальше продолжила инструктировать невозмутимая тетка.

Папа опасливо отвел косу от шеи и подпихнул меня будущему мужу. Тот та-а-ак обрадовался, что немедленно это выразил, обернувшись черной мантикорой. Зверюга встала на задние лапы и нацелила на нас скорпионий хвост. И чешую встопорщила от счастья. Дыбом.

— Может, проснуться? — пробормотала я, напряженно разглядывая громадное жало. — Или пусть помантикорит напоследок? И еще мне интересно, — показала я пальцем на жало, — это то, что мне достанется или просто реклама?

— Грегори, что ты себе позволяешь? — выскочили вперед родители жениха. Кассандр стащил свой красный смокинг и прикрыл сына, давая свое жене возможность отчитать чадо и призвать его на путь истинный, то есть к алтарю. — Немедленно приведи себя в порядок!

— Это нервы! — орала во все горло Сиротина, подпрыгивая и повисая на хвосте сына. — Мальчик не каждый день женится!

— Приведите своего сына в нормальный вид! — строго потребовала распорядительница. — Он срывает нам репетицию! Я буду жаловаться в Совет химерин!

Сиротина выдала волшебный пендель жениху, тот вернулся в человеческое обличье и снова заснул.

Я начала тихо ржать. Слава Богу, что это сон. Я бы вдовой стала до замужества. И еще бы пришлось в очереди стоять, чтобы Грегори прибить. Судя по тому, как мама отрастила громадные когти, с зятем у нее будут самые теплые отношения. Кровью скрепленные.

Зычный голос распорядительницы:

— Теперь жених вручает невесте кольцо!

Тристан опрометью кинулся к Гамлету и начал трясти Лорда Ректора, как грушу. К нему тут же присоединился Изольд. Вместе они перевернули мага и вытрясли из него два собачьих ошейника с синими камнями, громадными, как бульжники. И эти два великолепия скреплены одной цепью.

— Жесть! — потрясенно выдала я, откидывая с лица вуаль. — Скванные одной цепью? Шлепнутые одной целью? Где здесь выход на волю?

— Не хотите надевать, — на редкость миролюбиво сказала тетка, — просто подержитесь.

И мы, как два настоящих дурака, встали рядом, держась за эти ошейники.

— Ты что, не мог нормальные кольца найти? — прошипел сзади меня Кретьен.

— Сами сказали — побольше и побогаче, — яростно отбрыкивался Гамлет. — У ювелира по этим критериям было только такое! Зато как богато смотрится!

— Удавлю на этом ошейнике, — бросил ему через плечо Грегори, оборачиваясь василиском. — Смотри мне в глаза!

— Что я, совсем идиот? — завопил Лорд Ректор, крепко зажмурившись.

Тут я поняла, что ничего не понимаю, но страшно хочу проснуться. И еще начала радоваться, что у меня такой цвет волос, которому седина не страшна!

— Веди себя прилично! — дал мой папа крепкий подзатыльник василиску, который на словах регистраторши: «Жених, поцелуйте невесту!» — перекинулся в грифона.

И вот что я вам всем скажу! Грифон с синим хохолком и в остатках смокинга — это такая няшка после василиска! Все познается в сравнении!

— Грегори, прекрати немедленно! — подлезли под брюхом Ланселота, отодвинувшегося подальше, родители жениха — похоже, они удалялись для какого-то внутрисемейного совещания.

— Сейчас он навсегда прекратит издеваться над моей дочерью! — завопил мой папа, вытаскивая откуда-то из кармана громадный меч. Какое удобное, а главное — миниатюрно-складное оружие! Надо будет потом поинтересоваться, где себе такое достать. — Этот позор смывается исключительно кровью!

— Это ваша дочь на него плохо повлияла! — рявкнула в ответ Сиротина, загораживая сына.

— Кому тут не нравится моя дочь? — мама встала в проходе в виде гидры и смазала ядом обратную дорогу.

— Теперь священник свяжет вас навеки церковным союзом... — заявила абсолютно отмороженная регистраторша. Судя по ее равнодушию, она и не такое тут видела. Это навевает надежду, что не мы одни такие... красивые мозгами.

— Ура! — из купели вылезли черти с вилами и начали поздравлять всех подряд. Леший радовался вместе с ними и дарил гостям еловые лапы с черными бантиками.

— Зайка! — кинулись к нам все друзья с объятиями, вооружившись дубинами. — Поздравляем!

И тут мы с Грегори оторвались, встретив их копытами единорогов. Такой праздничный салют получился — мама не горюй! То эльфы в воздухе ромашками, то демон чертополохом, то Гамлет подсолнухом, то Санчо розой...

— Репетиция закончена. Всё запомнили? Не забудьте, завтра ровно в десять ноль-ноль соединяется торжественным союзом эта великолепная пара... — прервал наше веселье серьезный и торжественный голос регистраторши.

— ДА НИ ЗА ЧТО! — заорала я в ужасе и проснулась. Рядом, такой же взъерошенный, сидел Грегори, взирая на меня расширенными от ужаса глазами.

— На! — Я нащупала под кроватью и сунула мужу бутылку с холодной водой. Будь благословенна моя мама, не давшая нам загнуться в этом сухом климате похмелья. И сама припала к другой.

— Зоя, — осторожно сказал мне Грегори, когда я в изнеможении откинулась на подушки, — спасибо.

— Спи давай, — пробурчала я довольно, поворачиваясь на бок. Хихикнула: — Ты так классно смотришься грифоном. Живописно... в обрывках смокинга и бабочке.

— Тебе все приснилось, — обнял меня муж, притискивая к себе. И я смирилась. Не то чтобы мне нравились такие вольности, но лучше он в обличи человека, чем василиск рядом.

Перед самым рассветом меня побеспокоили странные звуки.

— Давай! Тяни!

— А че она такая тяжелая?

— Своя ноша не тянет!

— А мы точно Зойку взяли?

Вот это меня заинтересовало, и я приподняла уже не гудящую от боли голову, чтобы разглядеть шестерых типа нинзя, измазанных в целях конспирации сажей. И эти глубоко законспирированные персонажи зачем-то воровали моего мужа.

— Черти с вилами, — злобно прошипел Ланселот, — никогда не думал, что наша рыбка такая тяжелая!

И в этот момент у них на руках вместо Грегори оказалась нехилая акула, которая зевнула зубастой пастью и пробормотала:

— Не поминай их всеу.

— А куда вы, собственно, — приподнялась я на локтях, — поперли моего благоверного? Не то чтобы я

ревновала, но все же хотелось бы уточнить...

— Зоя? — прозрели похитители и осторожно положили мою окольцованную акулу на место. То бишь рядом. И она снова стала человеком. Вот, все зависит от окружающей среды!

— Ну я, — призналась, не видя смысла отпираться. — А что здесь происходит?

— Да мы... — все, как один, почесали в затылках, — решили выполнить твою заветную мечту, о которой ты так долго и красочно распинаясь на девичнике...

— Я там много о чем говорила, — заботливо накинула я на мужа одеяло. — Уточните, о чем именно!

— О похищении невесты, — признался Изольд, прикрываясь моей занавеской с балдахина. — Мы бы тебя похитили и...

— Тихо! — рывкнул Ромуальд, запечатывая рот эльфу. — Мечту надо выполнять молча, а не рассказывать о ней заранее! Ты ж не оду мне продаешь?!!

— И каковы мотивы похищения? Ну помимо исполнения моей предсвадебной мечты? — полюбопытствовала я, прикрывая рукой зевок. — Мне в ваш альтруизм не только верится с трудом, но и вообще не верится.

— Дык, ведьма нам нужна, — предельно откровенно ответил Санчо, и тут же огреб подзатыльники от всех остальных из-за открытия военной тайны. — А что? — возмутился вампир. — Вы что сами собрались всех страждущих лечить? Я, например, могу только кровопускание предложить!

— И что, никто из вас лечить не умеет? — фыркнула я, тихо хихикая. — Совсем?

— Могу сразу на кладбище отправить, — признался Ромуальд. — И даже от королевской казны снабдить саваном. Бесплатно. Как извинение.

— А я очень сомневаюсь в пользе прикладывания рогов к больному месту, — пробурчал Кретьен. — Особенно, если это внутренние повреждения.

— А нам вообще непонятна физиология людей, — слаженно пропели эльфы. — Они такие странные! Всегда чего-то хотят и быстро. Не могут пару веков подождать, пока само рассосется?

— Ну а ты-то? — удивленно приподняла я брови, разглядывая Гамлета. — Тебе-то по долгу службы положено уметь лечить. Ты ж маг.

— Маг, а не ведьма! — непримиримо отрезал Лорд Ректор, приняв оскорбленный вид. — И вообще: здесь у вас столько химерин, а у нас ни одной! Надо делиться!

— Ладно, — согласилась я, обдумав, — похищайте. Только вместе с мужем.

И нас начали похищать. Для начала они схватили Грегори и поперли к двери. Потом вспомнили обо мне и вернулись. Но в это время Грегори превратился в бегемота, придавил похитителей и пополз на кровать, где снова принял привычный облик и засопел.

— А говорили, что мужчины не наследуют способности, — растерянно почесала я затылок. — В чем еще соврали?

— Начнем с тебя, — решили похитители и, замотав меня в одеяло, потащили к двери. Мой муж каким-то образом и во сне почувствовал, что я от него удаляюсь, и сонный, в виде удава выстрелил хвостом и вернул меня обратно. Вместе с похитителями. Причем последние попадали на нас сверху.

— Это как называется? — все же проснулся Грегори, спихивая на пол Изольда. — Почему в нашей постели куча чужих мужиков?

— Они не чужие, — почему-то обиделась я. — Они свои. Хотя, конечно, и лишние. Но куда от них деваться?

— А что здесь происходит? — созрел до следующего вопроса мой муж.

— Меня похищают, — пожалала я плечами. — Им ведьма нужна. И я согласилась...

— Ты согласилась? — вытаращился на меня благоверный. — Ты хотела, чтобы тебя похитили, по своей воле?

— А что мне жалко, что ли? — не поняла я его возмущения. — От меня не убудет...

— Все! — спрыгнул с кровати Грегори, успев поставить один фингал под глаз Тристану и одну шишку между рогов демону. — Я понял твои намерения. И не буду препятствовать. Можешь считать себя свободной и развлекаться как хочешь! — И пропал, не давая мне возможности все объяснить.

— И как это называется? — обвела я недоуменным взглядом оставшихся.

— Кажется, — сказал мне Гамлет, осторожно подбирая слова, — тебя, Зоя, только что бросили.

— В смысле? — не поняла я подобной инсинуации.

— В том смысле, — отодвинулся от меня Ромуальд и начал изучать потолок, — что ты теперь снова свободна. Могу я предложить тебе свою руку и сердце?

— Кто еще чего предложить хочет? — обозлилась я. Потому что мне все это не то чтобы понравилось... У меня это в голове не укладывалось! А, следовательно, этого просто не могло быть!

Но, судя по радостным физиономиям с налетом скорби, можно было предположить, что варианты у них у всех были. Один. Замуж. Но за них. А я была девушкой постоянной и от мужа отказываться не собиралась.

— Место моего заместителя, — опасливо пробурчал Гамлет, скосив на сторону глаза, — все еще свободно.

Обещаю руки не распускать и намеки не оказывать.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, спуская ноги с кровати. — А теперь прошу всех удалиться, мне нужно побыть в одиночестве...

— На, — протянул мне кружевной платочек Тристан, — думаю, понадобится...

— Угу, — одарила я его задумчивым взглядом. — Чтобы тебя удавить — не хватит, но рот заткнуть — запросто! Удаляйтесь по-хорошему сами, пока я вас не удалила навсегда!

Мужчины в кои-то веки поняли меня правильно и вымелись из комнаты. Я мрачно проводила их взглядом, сползла с постели окончательно и потопала в ванную, не забыв запереть дверь. А то знаю я всяких... утешителей. Как слабину дашь — так уже замужем и пара детей рядом. Неважно, что дети не твои и старше тебя в несколько раз, зато воспитывать придется самой.

Я умылась, причесалась, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Нет, с лицом было все в порядке, но в глазах горела такая жажда убийства, что я побоялась ей поддаться. После чего выудила из гардеробной более-менее приличное платье светло-голубого цвета без оборок и рюшей и отправилась искать родителей.

Родители нашлись в кабинете, причем вместе с родителями Грегори. Все так орали, что было не совсем понятно, кто что хотел донести до собеседника.

— Тихо! — рявкнула я, отлипая от косяка, где уже добрых полчаса слушала перепалку. — Мне объяснят этот крик? Что за шум и драка?

— Это все ты виновата! — ткнула в меня пальцем бледная до синевы Сиротина. — Это все из-за тебя!

— Не смей обвинять мою дочь! — хлопнул ладонью по столу папа.

— Не смей орать на мою жену! — тут же отреагировал Кассандр.

— А если по существу? — не обратила я внимания на эту бойню родственников. — Где Грегори и что он отчебучил?

Вот то, что мой ненаглядный что-то вытворил — у меня сомнений не было. У меня были сомнения в том, можно ли это исправить. И вообще, с этими появлениями и исчезновениями надо заканчивать. Ни тапок в ссоре кинуть, ни в дверях с извинениями прижать. Пока ищешь, чтобы объясниться, — оказывается, что уже пару раз развелась.

— Мой сын, — судорожно сжала руки Сиротина, — сегодня на рассвете появился на заседании Совета и публично заявил, что он оказывается от вашего брака и просит его расторгнуть.

— О как! — приоткрыла я рот от удивления. Оперативно Грегори сработал. Зря времени не терял. — И на каком основании он этого потребовал? Не сошлись характерами?

— Наш сын, — тяжело вздохнул Кассандр, приглаживая растрепанные черные волосы, — заявил, что тебе без него будет лучше. Что-либо объяснить нам он отказался.

— Понятно, — тряхнула я головой, погружаясь в раздумья. — Несколько вопросов: первый — где он сейчас?

— Под домашним арестом, — горестно выдохнула Сиротина, украдкой утирая слезу. — Мне разрешили подержать его у нас, поскольку я одна из членов Совета... Пока все не решится...

— Понятно, — повторила я. — Вопрос второй: что ему грозит?

— Минимум — изгнание... — грустно сказал папа.

— Максимум — смертная казнь, — похоронным тоном отозвался отец Грегори, красивый синеглазый брюнет. От сильных переживаний его глаза потемнели и казались почти черными.

— Вопрос третий, — поежилась я от подобной перспективы, — как я могу все исправить?

— Ты могла бы выступить перед Советом химерин, — умоляюще посмотрела на меня свекровь. — Пообещать, что будешь за ним присматривать, а мы объявим его невменяемым. Через несколько лет в этом случае можно будет требовать пересмотра...

— Я готова, — спокойно сказал я, выслушав, но внутренне не соглашаясь. Быть замужем за сумасшедшим — это, я вам скажу, то еще удовольствие. А если учесть, что Грегори из всех нас (меня и друзей) был самым нормальным и адекватным, то вывод вообще напрашивается сам собой.

— Нам, наверное, — внимательно посмотрела на нас мама, — нужно как-то обговорить все, нет? Стратегию выработать, тактику...

— Никогда не откладывай на завтра того, — грустно скривила я губы, — кого ты уже можешь прибить сегодня! Пойдемте, Сиротина, я готова ручаться за своего мужа!

Свекровь шустро схватила меня за руку и перетасила в зал заседания Совета. Ну, меня это не сильно впечатлило. Так себе зал. Я бы даже сказала — зальчик.

Средних размеров комната в темных тонах, видимо, чтобы нагнетать ощущения вины. Посреди круглый стол с девятью креслами, из которых на данный момент было занято восемь. И все дамы. В темно-серых балахонах поверх разноцветных платьев. И с сурово поджатыми губами. Все, как одна. Тренировались?

— Леди, — кивнула Сиротина соучастницам, — прошу любить и жаловать мою невестку Зою. Она может

поручиться за моего сына Грегори и подтвердить его невменяемость.

— Зоя, — строго посмотрела на меня дама-председатель. Я судила по ее шикарной кепочке с кисточкой. Остальным кисточек не досталось. Некоторым и кепочек не выдали. — Прежде, чем мы приступим к разбирательству, я обязана спросить вас — вы хотите здесь находиться?

— Конечно! — мгновенно расцвела я махровым цветом. — Это мое самое главное желание в жизни! Я ж с рождения к этому готовилась! Ночей не спала! Кусок в горло не лез!

Дамы довольно покивали. Видимо, их мой экзальтированный ответ устроил. Сиротина пожала мне руку, безмолвно благодаря, и пошла на свое место.

— Итак, — внимательно посмотрела на меня дама-председатель, — можете ли вы свидетельствовать, что ваш муж Грегори является невменяемым?

— Свидетельствовать могу, — энергично кивнула я, — утверждать — нет. Он всегда таким был. А как определяется отклонение от нормы? Вроде бы надо на какие-то картинки посмотреть? Нет? Если все же надо, то могу я попросить показать моему мужу эротические? Для самообразования и поддержания интереса?

— Зоя, — строго сказала мне дама-председатель, — это уже все неважно. А важно то, что вы должны признать своего супруга невменяемым и взять на поруки.

— Куда его взять? — по-настоящему испугалась я. Аж отшатнулась. — На руки? И сколько носить? А зачем? И куда? И почему такое неравноправие?

— Девочка, — попыталась утихомирить меня одна из членов Совета химерин, — сейчас ты пытаешься уклониться от своих обязанностей. Просто признай, что он сумасшедший, и покончим с этим. Иначе, — она позвонила в колокольчик и в комнату вошли несколько мужчин в одинаковой форме, с непроницаемыми лицами. Типа «танки на выезде». — Иначе он пополнит ряды Безликих. И то, исключительно из уважения к его матери.

Сиротина с ужасом всхлипнула. Я заинтересовалась новыми персонажами до такой степени, что даже с места тронулась (хорошо — не мозгами, но мне это, судя по всему не грозило. Я и так на голову была скорбной. Иначе зачем я в это ввязалась?) и пошла посмотреть поближе.

— А вы им дудки удаляете? — любопытствовала я, рассмотрев одинаково безучастных ко всему мужиков. — Я в одном сериале похожих видела. Так им все нафиг отрезали, чтобы они от своих обязанностей на свои потребности не отвлекались.

— Зоя! — ахнул весь Совет поголовно. — Это же негуманно! Им просто блокируют возможность к возражению и прививают полное послушание приказам!

— И это вы считаете гуманным? — удивленно открыла я рот. — Сделали из мужиков надувных кукол и крутите, как хотите?

— А кастрация лучше? — сердито прищурилась на меня дама-председатель.

— Нет, — отрицательно покачала я головой. — Но там у мужчин хотя бы верхняя голова целой остается. А тут вы их обоих разом лишили. И я несогласна!

— Да как вы вообще с таким отношением сюда пришли? — возмутилась еще одна член Совета.

— По глупости? — резво повернулась я к ней. Подмигнула: — Или просто очень сильно повезло?

— Это все выходит за рамки! — громко хлопнула по столу ладонью дама-председатель. — Зоя, от вас требуется лишь признать своего супруга невменяемым, а дальше вы сможете держать его в своем замке под замком! И все будут довольны!

— Кто это — все? — искренне возмутилась я, подбоченившись. — Я не буду, и Грегори тоже. А, значит — уже не все! Так что выражайтесь точнее. И вообще: я хочу выслушать все варианты, прежде чем принять решение.

— Значит так, — шустро встала из кресла дама-председатель, — сейчас мы проведем обряд обуздания! А потом поговорим! Дамы? — обратилась она к своим. Те помялись, но тоже поднялись.

И началось самое прелюбопытное зрелище, за которым я наблюдала с жадным интересом. Дамы чего-то промычали и начали приседать. Сначала все вместе, потом по очереди, потом через одну. Прямо эквалайзер, да и только!

Минут через тридцать Совет химерин сдуся. Плохо у них обстоит дело с производственной гимнастикой. Полчаса поприседали — и всё... дышалка никуда не годная, коленки подкашиваются, пот градом катится, руки дрожат. Старики-разбойники сбежали из санатория, млин!

— И что? — поинтересовалась я, выждав пару минут. — Кого обуздывали? Получилось? Можно договариваться дальше?

— Ты! — ткнула в меня достаточно невежливо пальцем дама-председатель. — Ты будешь наказана! — И ка-ак надулась! Так в моем детстве мальчишки жаб соломинками надували. Я чуть было не пошла посмотреть, где у этой жабы соломинка.

Но тут между столом и мной появилась призрачная женщина с темной косой до коленок и в белом платье. Ничего более существенного сказать не могу — она ко мне спиной стояла. А задницы девушки друг у друга только в

компании обсуждают. А моя компания была сильно занята.

— Ну что, Милька, — пренебрежительно сказала новая гостья и подбоченилась, — сдулась? Фиг ты мне Зойку испортишь! Я на нее такую защиту от ваших блоков поставила, что тебе ни за что не проломить!

— М-м-мария Могучая? — сдвинула брови в недоумении председательница. — Зачем тебе это? Кто она тебе?

— Она? — повернулась через плечо и подмигнула мне женщина, в которой я опознала Марию Ивановну из больницы, только намного моложе. — Она — моя заместительница! А я своих ведьм в обиду не даю! К тому же у девочки щедрое сердце, которым она делится со всеми. Так что убери от нее свои руки, Милька, прошу по-хорошему!

— Она — химерина! — снова ткнула в меня пальцем председательница. — А, следовательно, подчиняется мне! Я здесь закон и порядок!

— Да? — пренебрежительно фыркнула моя заступница. — И именно поэтому вы блокируете способности мужчин и ограничиваете возможности женщин? Чтобы и дальше оставаться законом и порядком? Вы... — остальные ругательства она проглотила, не жуя и не выпуская наружу.

— Что ты хочешь, ведьма? — упала в кресло дама-председательница, в отчаянии ломая руки. — Ты же не просто так все это устроила?

— Оставь в покое девочку, — кивнула на меня Мария. — И всех, кто ей дорог. Она свое счастье заработала. Даже мир спасла, которому так не хватало сердца. Хоть и не хотела.

— Остальные тебя не интересуют? — прищурилась главная злодейка.

— Остальные пусть сами борются за свое счастье, — спокойно сказала призрачная ведьма. — Нельзя одним махом осчастливить всех. Навязанное счастье — это то же самое, что и отнятое горе. Вроде бы есть, а зачем — никто не знает.

— Но в этом случае, — достаточно спокойно сказала дама-председатель, — Зоя должна будет отправиться в изгнание. Я не потерплю неуправляемую химерину в своем мире!

— Пойдешь? — вопросительно глянула на меня через плечо Мария.

— Запросто. И даже с преогромным удовольствием, — легко согласилась я. Спыхватилась: — Но только с Грегори. И с родителями, если они согласятся. И с новыми родственниками, — увидела умоляющий взгляд Сиротины.

— Согласна, — побарабанила пальцами по столешнице председательница. — Но без права возвращения! И мы запечатаем любые проходы в тот мир из нашего.

— Устраивает? — снова обернулась ко мне Мария. — Вернуться сюда ты больше не сможешь, но и там тебя беспокоить никто не будет.

— Вполне, — радостно улыбнулась я ей. — Даже более чем. Мне от них ничего не нужно, лишь бы не трогали.

— Тогда иди, милая, — вернула мне улыбку ведьма. — Иди, моя заюшка, и забирай своего ненаглядного. — С холодающей ноткой угрозы: — А мне еще кое о чем с ними потолковать нужно. — И опять ко мне: — Дорога домой проста — представь, куда хочешь попасть, и шагай.

И я шагнула.

— Мама! Папа! — завопила я изо всех сил, оказавшись дома. — Вы где?

— Зоенька, — выскочили на меня испереживавшиеся родители вместе с неизменной гоп-компанией, — что они решили? Какие результаты?

— Нас изгнали, — счастливо сообщила я им, улыбаясь от уха до уха. Просто зияя... ой! Сияя улыбкой.

— Боже мой! — побледнела и покачнулась мама.

— Всех вместе, — поспешила успокоить их я. — Вы идете с нами одним пакетом. Может, я и поторопилась за вас соглашаться, но советоваться было некогда.

— Надо решить, что с собой брать, — воспряла мама, начиная в уме собирать чемоданы. Судя по ее виду, она уже туда замок упаковала и сейчас утрамбовывала лужайку.

— Ничего не берите, — радушно сообщил ей Ромуальд. — Мы вас всем необходимым обеспечим.

— Два раза, — поддакнули эльфы.

— Три, — влез вампир.

— Четыре, — не остался в стороне демон.

— Пять, — шевельнул бровью Ланселот. — Моя заначка к вашим услугам.

— А я на дотации, — досадливо вздохнул Гамлет. — Но могу прислать студентов для строительства.

— Так вы согласны? — ожидала я ответа родителей, слегка волнуясь.

— А ты сомневалась? — покосилась на меня мама. — Даже если мои способности там будут заблокированы...

— Не будут, — быстро сказала я. — Блокировка сделана Советом химерин искусственно. Так что все будет нормально. Даже у папы. Тут выяснилось, что мужчины наследуют способности, и им совсем необязательно быть Хранителями...

Повисла долгая пауза.

— Нет уж! — взорвался папа. — Был Хранителем своей жены, и буду! И никто меня этого права не лишит! — и на нервах превратился в цербера. Осознал. Икнул от неожиданности всеми тремя головами и побежал вглубь дома. За ним рванула вся гоп-компания иномирян. Обследовать, что ли?

Гамлет выудил из воздуха пару бутылок. А! Значит, утешать будут.

— Доченька, — бросилась обнимать меня мама, — не знаю, как тебе это все удалось, но все равно спасибо!

— Это не мне, — не стала брать я на себя чужие заслуги. — А вот мне надо... — зашептала я маме на ухо.

— Ты уверена? — ошарашенно отодвинулась от меня родительница. — Нет, я конечно, найду, но зачем?

— Предложение буду делать, — пожалала я плечами. — От которого нельзя отказаться, а то без останешься и без дудки, и без будки.

— Пошли, — потянула меня за собой мама, — поищем. Заодно и переоденешься.

Через час я стояла перед закрытыми дверями дома Грегори, с пакетом под мышкой, одетая в длинную юбку и широкую кофту, громко горланя:

— Полночный час угрюм и тих,

Лишь гром гремит порой.

Я у дверей стою твоих -

Лорд Грегори, открой.

Я не могу вернуться вновь

Домой, к семье своей,

И если спит в тебе любовь,

Меня хоть пожалей³.

Через какое-то время входная дверь скрипнула и на широкое крыльцо вышел мой муж со встревоженным выражением лица. Надо сказать, лица помятого и осунувшегося. А так — красавец хоть куда. Даже куда не надо.

— Что случилось, Зоя? — воззрился на меня благоверный. — Какие-то проблемы?

— Проблема у меня одна — это ты, — вздохнула я, становясь на одно колено и протягивая ему пакет. — Не соблаговолишь ли ты, благородный химериан Грегори, выйти за меня замуж или жениться нормально, если я тебе скажу, что люблю?

— Так скажешь или любишь? — сощурился вредный мужчина, но пакет взял, даже нос туда сунул. И отшатнулся: — Кошачий корм?

— Ну да, — вскочила я на ноги. — Во-первых, если ты думаешь, что я отправлюсь в ведьминскую избушку без своего любимого Гри, то ты сильно ошибаешься. А, во-вторых... — Я встала в позу оперной певицы, широко развела руки и завела:

— Припомни лес на склоне гор,

Где волю я дала

Любви, с которой долгий спор

В душе своей вела.

Ты небом клялся мне не раз,

Что будешь ты моим,

Что договор, связавший нас,

Навеки нерушим.

— Зоя, — поморщился мой муж, брезгливо откидывая пакет с кошачьим кормом, — где ты отыскала такую гадость? Я терпеть не могу эту фирму — сплошные химикаты, коты от этого корма дохнут.

Я еле удержалась, чтобы не высказаться.

— И лучше не пой. Это точно напоминает мартовский фестиваль пушистых трубадуров. — Он посмотрел мне прямо в глаза: — Когда ты догадалась?

— Догадывалась давно, — пожалала я плечами, ни капли не обидевшись. — Может, я юная, но не тупая же?.. Твои словечки, язвительность, интонации, привычная манера поведения. Ты всегда был рядом. А удостоверилась, когда ты начал разыгрывать из себя героя, — Я еще раз пожалала плечами. — Да и просто чувствовала. Так спокойно мне никогда и ни с кем, кроме родителей не было.

— Я не твой родитель, — нахохлился и отвернулся от меня Грегори. — И не хочу им быть!

— Так и я не хочу, чтобы ты им был, — заверила я упертого претендента на мою руку и другие органы.

— Это было мое испытание, — очень тихо сказал мужчина. — Я не мог тебе открыться. Должен был охранять тебя и беречь. И не уберег. Так мне сказал Совет.

— Как это не уберег? — возмутилась я, оскорбленная за него до глубины души. — А кто меня постоянно одергивал? Кто кормил и поддерживал в тяжелое время? Кто, в конце концов, свою жизнь за меня отдал, хоть это было и глупо. Я уже чешую отращивала для брони.

Грегори упорно отворачивался, словно не хотел показывать свои чувства.

Я обошла его и встала, заглядывая в окаменевшее от усилия скрыть истинные эмоции лицо:

— Я хочу, чтобы ты был моим мужем и отцом моих детей. Я хочу, чтобы ты любил меня так же сильно, как я тебя...

— Но нашим детям, — привлек меня к себе муж, зарываясь лицом в мои волосы, — мы скажем, что это я сделал тебе предложение, любимая. Хорошо?

— Как скажешь, родной, — ухмыльнулась я, предвкушая очень нескучную жизнь. — Как скажешь.

Эпилог

Выдержка из «Мирового Вестника»...

...По неподтвержденным слухам в дальнем лесу поселилась могущественная ведьма, опутавшая своими чарами всех сильных мира сего. Мало того, что у нее в подчинении находится неопознанная зверюга, способная становиться человеком, которую эта страшная ведьма называет мужем, так еще и наш король Ромуальд, недавно взошедший на трон, всецело очарован этой аферисткой.

Кроме ведьмы и ее чудовища, в нашем мире появилось еще две странные пары, которые не афишируют свои расы, но часто навевываются к ведьме с одним требованием: прекратить плевать на людей и создать что-то свое. Что именно — мы не поняли и пока не нашли источников информации, приближенных к этому странному семейству. Трактирщик Феклий наотрез отказался с нами разговаривать, снаряжая очередной обоз на поляну.

— Некогда мне тут с вами лясы точить, — проорал нам волосатый мужчина. — У меня бизнес!

Но мы не сдались и попытались взять у короля-рыцаря интервью и прояснить ситуацию. Но его величество лишь ласково улыбнулся и посоветовал не лезть в его дела, чтобы не свести полезное знакомство с палачом. И, цитируем дословно: «Наша ведьма уникальна уже потому, что никого не оставляет равнодушным и помогает найти в себе самое хорошее...»

Так это или нет, мы не уверены, а потому отправились к эльфийскому двору, где до сих пор народ вспоминает какую-то тачку и ходит гулять на возродившееся озеро, в котором искупалась наша ведьма. С правителем нам поговорить не удалось, так же, как и с его братом. Они были в отъезде. Но, как нам поведала таинственная дама, пожелавшая остаться неизвестной: «Напишите, что у нас все хорошо. У нас с дроу скоро свадьба, и мы приглашаем всех, кто участвовал в восстановлении нашего озера. А еще дроу поменяли свои законы».

С таким вот неопределенным ответом мы решили навестить вампиров, чтобы все же хоть немного прояснить обстановку. По слухам, они платят нашей ведьме дань, посылая отряды сородичей на защиту ее поляны. Владелец вампиров к нам не вышел, но его зычный голос, нелестно упоминавший какую-то Зою, был слышен издали.

По словам Владетеля, эта дама не просто испоганила его сына, она привила ему непростительное благородство и отвратно хорошие манеры, которые теперь мешают тому делать какие-то совершенно обыденные вещи, и он вынужден подрабатывать в больнице. Что там делает наследник — нам выяснить не удалось, но, говорят, он по новому веянию в медицине берет анализы из вены.

К нашему глубокому сожалению, к демонам нам добраться тоже не удалось — не дали визу на посещение. Но Кретьен де Труляля, как известно, нередко появляющийся на поверхности, часто посещает ту ведьминскую поляну и привозит жителям неустановленной хижины подарки. А в последний раз он, говорят, отправил туда резную колыбельку из дерева белого ясеня и погремушки, выточенные из рогов неизвестного зверя. У ведьмы ожидается пополнение?

Единственный, кто согласился дать нам пояснения — это Лорд Ректор магической академии. Магистр де Офелия счастливо прижмурил глаза и сообщил нам: «Это счастье, когда есть человек, способный решить твои проблемы, даже если они нерешаемы!»

Так что мы до сих пор в недоумении по поводу новой ведьмы, но уже записались к ней на прием через два года (это была единственная свободная дата), чтобы рассказать нашим читателям всю правду. А пока мы заканчиваем наш репортаж цитатой дракона Ланселота: «Если вы думаете, что мир будет ждать, пока его спасут, то сильно ошибаетесь. Для начала попытайтесь спасти свою душу... А если это у вас не получается, то к вам обязательно придет ведьма и сделает это за вас!»

Ждите наших следующих горячих расследований!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Заметки

[

←1

]

Б. Львович, Б. Ларин –

«

Два монастыря

«.

[

←2

]

Цитата из фильма «Бриллиантовая рука».

[

←3

]

Баллада Р. Бернса «Лорд Грегори», пер. С. Я. Маршака